

colloquium-journal

ISSN 2520-6990

Międzynarodowe czasopismo naukowe

Jurisprudence
Historical sciences
Philological sciences
Pedagogical sciences
Philosophical sciences
Psychological sciences

№7(94) 2021

Część 2

colloquium-journal

ISSN 2520-6990

ISSN 2520-2480

Colloquium-journal №7 (94), 2021

Część 2

(Warszawa, Polska)

Redaktor naczelny - **Paweł Nowak**
Ewa Kowalczyk

Rada naukowa

- **Dorota Dobija** - profesor i rachunkowości i zarządzania na uniwersytecie Koźmińskiego
- **Jemielniak Dariusz** - profesor dyrektor centrum naukowo-badawczego w zakresie organizacji i miejsc pracy, kierownik katedry zarządzania Międzynarodowego w Ku.
- **Mateusz Jabłoński** - politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki.
- **Henryka Danuta Stryczewska** – profesor, dziekan wydziału elektrotechniki i informatyki Politechniki Lubelskiej.
- **Bulakh Iryna Valerievna** - profesor nadzwyczajny w katedrze projektowania środowiska architektonicznego, Kijowski narodowy Uniwersytet budownictwa i architektury.
- **Leontiev Rudolf Georgievich** - doktor nauk ekonomicznych, profesor wyższej komisji atestacyjnej, główny naukowiec federalnego centrum badawczego chabarowska, dalekowschodni oddział rosyjskiej akademii nauk
- **Serebrennikova Anna Valerievna** - doktor prawa, profesor wydziału prawa karnego i kryminologii uniwersytetu Moskiewskiego M.V. Lomonosova, Rosja
- **Skopa Vitaliy Aleksandrovich** - doktor nauk historycznych, kierownik katedry filozofii i kulturoznawstwa
- **Pogrebnaya Yana Vsevolodovna** - doktor filologii, profesor nadzwyczajny, stawropolski państwowy Instytut pedagogiczny
- **Fanil Timeryanowicz Kuzbekov** - kandydat nauk historycznych, doktor nauk filologicznych. profesor, wydział Dziennikarstwa, Bashgosuniversitet
- **Aliyev Zakir Hussein oglu** - doctor of agricultural sciences, associate professor, professor of RAE academician RAPVHN and MAEP
- **Kanivets Alexander Vasilievich** - kandydat nauk technicznych, docent wydziału dyscypliny inżynierii ogólnej wydziału inżynierii i technologii państwowej akademii rolniczej w Połtawie
- **Yavorska-Vitkovska Monika** - doktor edukacji, szkoła Kuyavsky-Pomorsk w bidgoszczu, dziekan nauk o filozofii i biologii; doktor edukacji, profesor
- **Chernyak Lev Pavlovich** - doktor nauk technicznych, profesor, katedra technologii chemicznej materiałów kompozytowych narodowy uniwersytet techniczny ukraiны „Politechnika w Kijowie”
- **Vorona-Slivinskaya Lyubov Grigoryevna** - doktor nauk ekonomicznych, profesor, St. Petersburg University of Management Technologia i ekonomia
- **Voskresenskaya Elena Vladimirovna** doktor prawa, kierownik Katedry Prawa Cywilnego i Ochrony Własności Intelektualnej w dziedzinie techniki, Politechnika im. Piotra Wielkiego w Sankt Petersburgu
- **Tengiz Magradze** - doktor filozofii w dziedzinie energetyki i elektrotechniki, Georgian Technical University, Tbilisi, Gruzja
- **Usta-Azizova Dilnoza Ahrarovna** - kandydat nauk pedagogicznych, profesor nadzwyczajny, Tashkent Pediatric Medical Institute, Uzbekistan

    SlideShare

INDEX COPERNICUS
INTERNATIONAL

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

«Colloquium-journal»

Wydrukowano w Annapol 4, 03-236 Warszawa Poland, «Interdruk»

E-mail: info@colloquium-journal.org

<http://www.colloquium-journal.org/>

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

Mazylo I.V. FROM THE HISTORY OF RECONSTRUCTION AND WORK VINNYTSIA RAILWAY (1943 – 1950S).....	5
---	---

PEDAGOGICAL SCIENCES

Заранян А.А. СНЯТИЕ ТРУДНОСТЕЙ ПРИ ПОНИМАНИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ НА СЛУХ	9
Zaranyan A.A. PREVENTING DIFFICULTIES IN COMPREHENDING FOREIGN SPEECH.....	9

Мельничук С., Копчук Т., Щудрова Т. КУРС ЗА ВИБОРОМ СТУДЕНТА «ПОБІЧНА ДІЯ ЛІКІВ» - НЕВІД'ЄМНА СКЛАДОВА ФОРМУВАННЯ СУЧАСНОГО МЕДИЧНОГО ФАХІВЦЯ	11
--	----

Melnychuk S., Kopchuk T., Shchudrova T. COURSE OF STUDENT'S CHOICE «SIDE EFFECT OF DRUGS» - AN INTEGRAL COMPONENT OF THE FORMATION OF MODERN MEDICAL SPECIALIST.....	11
---	----

Недашківський Р.М. КОНЦЕПТУАЛЬНІ АСПЕКТИ ФОРМУВАННЯ ПРОФЕСІЙНОЇ КОМПЕТЕНТНОСТІ МАЙБУТНІХ ТРАКТОРИСТІВ-МАШИНІСТІВ СІЛЬСЬКОГОСПОДАРСЬКОГО ВИРОБНИЦТВА	13
--	----

Ruslan N.M. CONCEPTUAL ASPECTS OF FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF FUTURE TRACTORS-DRIVERS AGRICULTURAL PRODUCTION.....	13
---	----

Ибрагимова Р.Э., Никитина В.Р., Фатыхова А.Л. МУЗЫКАЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПОЭЗИИ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРНОГО ЧТЕНИЯ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ	17
--	----

Ibragimova R.E., Nikitina V.R., Fatykhova A.L. MUSICAL MATERIAL FOR THE STUDY OF POETRY IN THE LESSONS OF LITERARY READING IN PRIMARY SCHOOL.....	17
--	----

Рехтета Л.О. РЕАЛІЗАЦІЯ ПРОФЕСІЙНОЇ СПРЯМОВАНOSTІ РОЗВ'ЯЗАННЯ ТЕКСТОВИХ ЗАДАЧ У ПІДГОТОВЦІ ФАХІВЦІВ ПОЧАТКОВОЇ ОСВІТИ.....	19
---	----

Rekhteta L.O. IMPLEMENTATION OF PROFESSIONAL ORIENTATION OF SOLVING TEXT PROBLEMS IN THE TRAINING OF PRIMARY EDUCATION PROFESSIONALS	19
---	----

Стукало Е.А. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ ВЕТЕРИНАРОВ	20
Stukalo E.A. THE USE OF INTERACTIVE TECHNOLOGIES IN THE TRAINING OF FUTURE VETERINARIANS.....	20

Уста-Азизова Д.А., Хикматов Ж.Ш., Мухаммаджонова О.М. ПРИНЦИПЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ ОТРАЖАЮЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В МЕДИЦИНСКИХ ВУЗАХ	23
--	----

Usta-Azizova D.A., Hikmatov Z.S., Muhammadjonova O.M. PRINCIPLES OF PROFESSIONAL TRAINING REFLECTING THE LAWS OF THE EDUCATIONAL PROCESS IN MEDICAL UNIVERSITIES	23
---	----

Уста-Азизова Д.А., Бекмуллина Л., Бекназарова С., Даминова Ф. ПРОЦЕСС РАЗВИТИЯ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ К БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВРАЧА.....	25
---	----

Usta-Azizova D.A., Beckmullina L., Beknazarova S., Daminova F. THE PROCESS OF DEVELOPING STUDENTS' PREPARATION FOR FUTURE PROFESSIONAL ACTIVITY OF A DOCTOR.....	25
---	----

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Воротникова Ю.С., Маркисова К. ТИП УСТАНОВОК СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОМПЕТЕНЦИЙ БУДУЩЕГО	28
Vorotnikova Yu.S., Markisova K. TYPE OF INSTITUTIONS OF MODERN YOUTH THROUGH THE PRISM OF COMPETENCIES OF THE FUTURE.....	28
Воротникова Ю.С., Жалюк В.Р. МУЗЫКА КАК ИНСТРУМЕНТ СНИЖЕНИЯ СИТУАТИВНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ У ПОДРОСТКОВ	33
Vorotnikova Yu.S., Жалюк В.Р. MUSIC AS A TOOL FOR REDUCING SITUATIONAL ANXIETY IN ADOLESCENTS	33

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Рогова О.Г. СВЯТО ЯК ЗАСІБ ФОРМУВАННЯ ОСВІТНІХ ЦІННОСТЕЙ.....	37
Rohova O.G. A CELEBRATING AS A WAY OF THE FORMATION OF EDUCATIONAL VALUES	37
Степанова О.И. ПРИМЕНЕНИЕ ЛОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ ПОСТРОЕНИЯ КЛАССИФИКАЦИИ В «КАНОНЕ ВРАЧЕБНОЙ НАУКИ» АБУ АЛИ ИБН-СИНО	39
Stepanova OI APPLICATION OF LOGICAL PRINCIPLES OF CONSTRUCTION OF CLASSIFICATION IN THE "CANON OF MEDICAL SCIENCE" ABU ALI IBN-SINO	39

JURISPRUDENCE

Girdwoyn P., Baltabayev E. THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE CONCEPT OF SPORTS LAW	43
Енсаев И.Ш., Юлбердина Л.Р. АУДИОПРОТОКОЛИРОВАНИЕ АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА	47
Ensaev I.Sh., Yulberdina L.R. AUDIO RECORDING OF THE ARBITRATION PROCESS	47
Енсаев И.Ш., Юлбердина Л.Р. НАСЛЕДОВАНИЕ С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАНЦЕВ ИЛИ НАСЛЕДОВАНИЯ ИМУЩЕСТВА ЗА РУБЕЖОМ	49
Ensaev I.Sh., Yulberdina L.R. INHERITANCE INVOLVING FOREIGNERS OR INHERITANCE OF PROPERTY ABROAD	49
Потапов М.Г. ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ УСТРОЙСТВО ДРЕВНЕЙ РУСИ: ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	51
Potapov M.G. RESEARCH PROBLEMS STATE AND LEGAL STRUCTURE OF ANCIENT RUSSIA.....	51
Сінько О.А., Саулко П.Г. ОСКАРЖЕННЯ ПРОЦЕСУАЛЬНИХ РІШЕНЬ, ДІЙ ЧИ БЕЗДІЯЛЬНОСТІ СЛІДЧОГО ПІД ЧАС ДОСУДОВОГО РОЗСЛІДУВАННЯ, ЯК ЕФЕКТИВНИЙ СПОСІБ ЗАХИСТУ ПРАВ ОСОБИ	61
Sinko O., Saulko P. DURING THE PRE-TRIAL INVESTIGATION, AS AN EFFECTIVE WAY TO PROTECT PERSONAL RIGHTS	61
Христов О.Л. СИСТЕМА ПРАВОВОГО РЕГУЛЮВАННЯ ВИКОРИСТАННЯ ГРОМАДСЬКОСТІ ПІДРОЗДІЛАМИ КРИМІНАЛЬНОЇ ПОЛІЦІЇ ПІД ЧАС ПРОТИДІЇ ЗЛОЧИННОСТІ: КОМПАРАТИВНИЙ АНАЛІЗ, МОЖЛИВОСТІ ДЛЯ УКРАЇНИ	64
Khrystov O.L. SYSTEM OF LEGAL REGULATION OF THE USE OF PUBLIC BY CRIMINAL POLICE IN TIME THE COMBATING CRIME: COMPARATIVE ANALYSIS, OPPORTUNITIES FOR UKRAINE.....	64

PHILOLOGICAL SCIENCES

Назметдинова И.С., Куприянова А.Д. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ПЕРЕВОДНЫХ ТЕКСТОВ.....	70
Nazmetdinova I.S., Kupriyanova A.D. LINGUISTIC PARAMETERS OF TRANSLATED TEXTS	70
Толдиева А.З., Аушева Э.А. ТИПОЛОГИЯ ПРИЗНАКОВ В НАИМЕНОВАНИЯХ МОРАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ ЧЕЛОВЕКА В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ.....	73
Toldieva A.Z., Ausheva E.A. TYPOLOGY OF CHARACTERISTICS IN THE NAMES OF MORAL QUALITIES OF A MAN IN THE INGUSH LANGUAGE.....	73
Мамедова У.Ю. НЕКОТОРЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ ТВОРЧЕСТВА НИЗАМИ С ЭПОСОМ «ШУ».....	75
Mammadova U. Yu. SOME PARALLELS IN NIZAMI'S ACTIVITY WITH THE EPIC "SHU"	75

HISTORICAL SCIENCES

UDC 656.2(091) 1943-1950)(477.44)

Mazylo Igor Vasylovych
Ph.D., associate professor
Vinnytsia national
agrarian university
Vinnytsia, Ukraine

FROM THE HISTORY OF RECONSTRUCTION AND WORK VINNYTSIA RAILWAY (1943 – 1950S).

Abstract.

An integral part of the Podillya economy was and remains a railway transport. The region inherited a complex state of transport after a Nazi occupation. Its network was practically disclosed. The first steps on the path of transportation were made in early 1944 and transport began to revive. The role of the Vinnytsia railway as a separate entity in the life of the Podilsky region and Ukraine began to grow. Gradually formed a rather significant staff of railways where representatives of different nationalities worked. Their educational and qualification level increased, the social sphere revealed. Problems of research of domestic history under this angle allows more more clearly to comprehend the economic and social history of the region in dramatic, military years and reconstruction.

Keywords: Podilsky region, Vinnytsia railway, social sphere employees.

Microhistory is developing in European countries. Similar studies are in demand in Ukraine. Patriotic scholars are studying the history of settlements, enterprises, institutions, firms, villages, families. Scientists, Podillya Localview accumulated a factual material that forms a certain vision of the past edge and simultaneously allows you to see the region's place in the national context both in the past and present. After all, Vinnytsya region is located 26.5 thousand square meters. km, Khmelnytsky region by 20.6 thousand square meters. km. This territory is greater than the state of Israel (14 thousand square meters. Km) and such a European state as Belgium, (30 thousand square meters).

Road connections, rolling stock, fixed assets were and remain an important part of administrative entities, and the national economic complex of Ukraine, Vinnytsia and the entire Podilsky region.

In the pre-war period, rail transport was provided by 95 percent of transportation on the territory of Ukraine. The lengths of the ways here reached 20102 kilometers, from 137 thousand km. The operating length of the railways of the USSR. In the USSR there were nine railways – Vinnitsa, Kovel, Lviv, Odesa, South, South-Western, North-Donetsk, South-Donetsk and Stalinskaya (now Prydniprovskaya) highways. There were 348 thousand employees who served railway networks from 2 million 821 thousand of all employees in the NKSC system [10, p.661].

The Vinnytsia Highway was allocated from the South Western road in 1940 as a separate entity and lasted until 1953. The road administration was in Vinnitsa. In technical relation, it was not sufficiently developed because of the then then Western border of the USSR. The unsatisfactory work of the railway manifested itself during the events of June 1940 when it occurred a turning point in solving the fate of another ethnic part of Ukraine – Northern Bukovina and Southern Bessarabia. Podillya at that time was the border margin. Therefore, in order to expand the bandwidth of the main

line, the construction of the Limestro-Mohyla Railway Line - Podolsky - Yampil in 1940 was launched.

Railways in the first days of the war in 1941 provided the needs of the front and rear, and took over the main burden of evacuation of material resources and the population from Vinnitsa, Kamyanets - Podilsky and Zhytomyr regions. They conducted by evacuation processes, mainly, collectives of the largest industrial enterprises and some categories of population of administrative centers of the region. Evacuation had to be carried out in difficult conditions, since the army command tried to use transport until the last minute. Also, transportation of troops, cargo occurred in bombing conditions.

German invaders during the occupation of the region of 1941 – 1944 and indentation destroyed important railway junctions – Kozatin, Zhmerinka, Limestone, Shepetovka, Grechany, whose significance is viewed on the example of the first station located on the main highway Moscow – Odessa, Leningrad / Now St. Petersburg / - Odessa. From this station, the railway tracks are started in the direction of Kovel and Lviv. This railway junction was very destroyed by the occupiers and suffered a bombard of Soviet aviation. On the Vinnitsa railway, the Nazis brought 487 km of major ways, 211 bridges, 5 steam locomotive and car depots, 20 power plants. Losses were estimated to more than 340 million rubles [4, p.465].

The liberation of Vinnitsya region began in December 1943. At the end of December, a large railway junction – Kozatin was released from Nazi invaders. Through it there were important major contributions used by the Nazis in the bend of the Dnieper [1, p.396] in 1944. The Soviet army was liberated: February 11, Shepetovsky Node, March 18 – Station of Zhmerinka, the next day of the troops of the 2nd Ukrainian Front captured Mohyliv-Podilsky railway junction on the Dniester River. On March 20, part of the 1st Ukrainian front liberated the Vinnytsia station, and after a few

days cleared from the enemy city of Proskurov / Now Khmelnytsky / – a railway junction, subsequently Kamyanets – Podilsky [5, p.124] The entire territory of the region on which they passed the tracks of the Vinnytsia Highway, completely released and began to rebuild.

The rebuilt period at the Vinnytsia Trunk began in March 1944. An assessment of this is the order of the head of the railway from 1.03.1944, in which the permissible speed of trains on the released areas of the road amounted to 20 to 45 km per hour [2. Davy.F.136.OP.23.Spr.10.Ark. 14]. The beginning of the rebuild was dictated by military needs in the first place. Also and economic interests: the leadership of the Vinnytsia region with its revival was related to the development of sugar production and livestock industry. [2. Davy.F.136.OP.23.Spr.66, acre.22], replenishment of peatlorosis [2.Davo. F.136.O.23.CII.66, ARC.40], river fleet [2. Davy.F.136.OP.23.Spr.66, ARC.14], other branches of industry and agriculture.

In March 1944, to ensure the offensive of Soviet troops was opened a way at the Shepetovka district–Ternopil [3, p.281].

During the reconstruction great help were labor resources from the local population and warriors– railways, prisoners of war. Thus, fighters 68 restorative battalion 7 – Lieutenant's railway brigade Volkova cross-linking at the Kozatin-Grechany sections organized by the forces of railwaymen Vinnytsia highways: it was gathered 419 people and formed 198 brigades that worked very intensively. There were days when each of them managed to shift 5.6 km. At the section 14 of the brigades, local inhabitants on this operation were trained 47,500 people-days 23 [3, p.281]. To ensure a broad front of the work, in May 1944, 6,000 workers were mobilized on the reconstruction of 6,000 workers, in 16906 citizens from the territory of Vinnytsia [6, p.73] on the initiative of local party bodies, in May – July 1944 to rebuild the railway The paths were carried out eight massive illnesses. In which 60 thousand inhabitants of the region were attended [6, p.73].

The workers of the highway returned to the destroyed rolling stock. This was done on a Shepetivka junction and others [3, p.281].

Started to rebuild Zhmerynka car repair plant. Already May 5, 1944, People's Commissar of the USSR Arutunov B.A signed an order to start reconstruction. The works were carried out using a business method [7, p.314].

The company from the ruins had to raise those workers who at one time were left to work on the occupied by enemies territory, as well as re-evacuated from Canashian BRP and enterprises No. 494 Narmakovy-prom, where in 1941 102 employees were sent, only 7 of which were returned [7, p.314 .].

The head of the Vinnytsia Highway was obliged to return to the company 33 employees employed on the road, from which they had already managed to remove the reservation and send to the front [7, p.314].

The ineffective was the help of the authorities on the grounds for mobilizing the population for the reconstruction of the enterprise, which was stated by the RNA of the Ukrainian SSR and the Central Committee

of the KP / b / U, which was planned to score 450 people for constant work and temporarily three months 300 people. They did not complete the ruling of districts: Tulchinsky, Nemirivsky, Pogrebyschensky, Khmelnytsky, Tomaspil. Partially mobilized: Shargorodsky, Mohyliv – Podilsky, Zhmerinsky [7, P.314].

Women, ill people and elderly prevailed among mobilized. Obviously there were no others. This resulted in the outflow of frames: as of November 15, since 192 people left the work of 109. Attempts to return them through executives of local councils and the prosecutor's office did not give results [7, p.314].

Many workers had low qualifications: from 338 employees 260 came from the village to produce without proper training and experience [7, p.314].

The inhibition of rebuilding works in the enterprise was caused by the fact that from the first May 1944 hostile aviation began to systematically bombard that lasted until July 29. During this time, the Nazis destroyed at the station Zhmerinka 15 km of tracks, station buildings, depot, railway hospital and a significant part of urban buildings. In the enterprise, shops were destroyed: repair – recycling, wheel, power stations, workshops of assembly shop, storage, garages, administrative premises. Was fully disrupted with a water supply. Losses amounted to 350 thousand rubles [7, p.314].

Negatively affected the situation of social factors. The housing stock had 536.6 square meters. There were no hostels. The decision of the Vinnytsia Regional Executive Committee on allocation in the city of Zhmerinka housing stock for employees of the plant was not performed [7, p.314].

With the organization of catering at the enterprise there were problems due to the lack of centralized provision. Additional nutrition of Stakhanovists and workers was not carried out. The preparation of vegetables for winter was not carried out [7, p.314].

Certain conditions for the start of rebuilding work came from the first August 1944. At that time, 313 employees were employed by the enterprise: including workers – 228, engineering and technical workers and employees – 85.

The overwhelming majority of them worked on the cleaning and reconstruction of shops and freight equipment. This situation lasted during August and the first half of September. During this time the premises of the workshops and ways were cleaned, mill of the blacksmith shop were fixed and components of several machine tools from the number of those arrived from the rear. Managed to accumulate a certain number of spare parts and materials that allowed in the second half of September to begin repair of cars, having such means: in the repair – blacksmith shop – 3 machines, wheeled – 2, foundry – 2, instrumental – 1, carriage – 6. at the disposal of the enterprise There were 2 cars of the brand "Sitroen", 4 pairs of horses, but there was no own power base. Providing electricity was carried out from the networks of the Vinnytsia railway [7, p.315].

At the Vinnytsia Highway it was necessary to rebuild the train stations. Thus, 41 warehouses, 10 commodity office operators were restored by the

Kozyatinsky department. Due to this, a number of capacities reached the pre-war level [5, p.124].

Rebuilding of stations in Vinnitsa, Proskur was started. The local population has also helped. Thus, at the initiatives of the collective farmers of the Tyvrivsky district of Vinnytsia region in 1946, railway station was built – one of the best on the road [5, p.124].

The rebuilding plan envisaged the construction of 11 specialized stationary premises already in 1946, mainly on the way of Kiev – Zhmerinka – Lviv including on such junctions as stations, Shepetivka and smaller in the territory of the region. In 1947, their construction had to continue at Sarbynivka and Viytivtsi stations. 1949 stations such as Staroconstantiniv, Miropoli, Belgorodka we put into operation [8, P.467 – 468].

In military and post-war periods continued the rebuilding of the railroad, especially its social sphere, because for the specified time, 23 thousand people worked on the railway [2. Davy.F.136.OP.23.Spr.81, ARC.25]. There should be reconstructed buildings of social role: schools, hospitals. Available medical facilities have only partially preserved. With a norm of 8 hospital beds for one thousand people there were 2,4 [2. Davy.F.136.OP.22.p.16, ARC.27]. Hold patients were almost unable. In winter, temporary potbelly stoves were used in the wards. In unfinished rooms there were dining rooms, laundry. Instead of beds used wooden taps. There were no medical facilities at such stations as buckwheat, Shepetovka. Planned to restore hospitals in Vinnitsa (150 beds), at the nodes of buckwheat (75 beds), Shepetovka (by 50 beds), to create a tuberculosis in Kozyatin whose road did not have. After the plan of construction work at the disposal of railway workers is 650 beds at a rate of 5 per 1000 people. This norm, undoubtedly, was quite minimal [8, p.273].

At hospitals opened polyclinic compartments. So, Kozyatinskaya had only 3 rooms. It was not provided by reception of patients with separate specialties. Therefore, if necessary, only 200 patients (8, p.273) were overlooked 500. In Vinnitsa, they planned to build a clinic for 600 visitors, with actively functioning tuberculosis, physiotherapeutic, children's and venereal departments, and pharmacies with a warehouse. In total, the reconstruction of medicine was planned to spend 6 million rubles [8, p.274].

School education was also recovered. Before the war at the disposal of the road there were 325 schools. After the war, the contingent of children of railwaymen of the corresponding age has accounted for 10,700 people. Schools of Proskurov and Zhuravlivka stations were located in houses of an apartment type. Children at Grechany stations studied in rural hut [8, p.274]. However, the restoration of schools did not solve a full educational problem on the railway.

Also provided for the construction of two kindergartens in Kozyatin and Zhmerinka. There were not enough of ash places. In general, 4 million rubles spent on rebuilding schools and children's institutions [2. Davy.F.136.OP.23.Spr.81, ARC.28].

In order to solve a housing problem in the management of the Vinnytsia railway created a special department, whose task, in 1944 there was the restoration

of a housing stock in the amount of 5 thousand square meters. Also planned to rebuild 316 residential buildings, 15 huts, 48 premises of cultural and household purpose [2. Davy.F.136.OP.23.p.16, ARC.2].

As of March 15, 1945, 33 residential buildings were put into operation with an area of 6706 square meters. Subsequently, 300 thousand rubles were still allocated to restore individual housing [8, p.466].

It was complicated by the position of employees with food provision.

The prices for essential items were high enough. In order to improve the food provision of employees, the administration of the road resorted to different ways. Thus, the provision of goods lacked, carried out through departments of labor supply. For the needs of 850 working lines of the Zhmerinka there were given away in Proskurov – herrings – 475 kg., siardelle – 962 kg., oil of animal and vegetable, respectively – 273 and 36 kg., Eggs – 3960 items, egg powder – 37 kg., cookies – 37 kg [8, p.468].

The workers of the railway, in the fall of 1946 – in the spring of 1947, had to survive the difficult times due to hunger, which was caused by drought, post-war food difficulties and rebuilding problems. The card system has been stored on food products. From October 1946 new prices were established and reduced rates on bread and food cards [14, p.304].

The deterioration of the life level of railway people caused dissatisfaction, and therefore a negative assessment of reality. Thus, at a spontaneous rally on the rise of prices, the Machinist Oshkoder noted: "Hurry, not hurry – equal we work for nothing. The prices on the products increased, 100 rubles were given, and for bread they take only 300 rubles. Under Soviet rule, we will die so naked and barefoot. " A worker Kobko angrily stated his opinion: "No one pays any attention to a worker – just work. They have already brought us to the point that we go naked and barefoot. You will have to go to the gang, there is no other way out "[14, p.308].

It should be taken into account that for the period of reconstruction in Ukraine, and the Vinnytsia highway lacked everything, therefore it had to live in difficulty.

In 1945 – 1946, the USSR, including Ukraine, passed into peace rails. In 1946, rail districts were formed. Within the limits of Ukraine, five administrative and territorial railway districts were formed, including the South-West, which included: South West, Vinnytsia, Odesa, Lviv, Kovel and Chishineon Roads [13, p.131 – 132].

In order to improve operational guidance on highways, and Vinnytsia, in particular, in September 1946, were formed economic units – department: Kozyatyn, Zhmerinka, Shepetovska, Grechany, Gaivoron. In subordination of which there were all available enterprises and a rolling stock [13, p.132].

They planned in 1947 to go to normal operating regime, establishing a transition period for individual groups, as from Vinnitsa – 15 in 1947, and with all the number of inflamed work for some time remained great [11.Cdago of Ukraine. F.1.OP. 77.mp.304, ark 14].

Stalin regime, as in the pre-military years, has intensified the stimulation of labor to grow production efficiency. Party and trade union editions intensified the advocacy of achievements of innovators and stakhanovists of production, as well as urged to restore the All-Union Socialist Competition, aimed at performing the front orders [12, p.293].

Rail transport then was a powerful consumer of fuel. During the war, and on its completion, the movement began for its savings. An example showed Machinists Depart of Station Kozatin – Deputy of the Verkhovna Rada of the USSR V.N. Bogdanov, depot Shepetovka – E.E.Cryvochchuk and P.F.Hudzei [5, p.150].

The movement has spread to accelerate circulation of working capital, and those who were free were transferred to the current account of NKSC. Thus, the contribution of Gayvoron workers was 100 and 500 thousand rubles [5.S.127].

Even due to raising the circulation of cars tried to provide over-plan accumulation. The measures taken gave the result: in 1949, the work of the road became a relaxing, significantly decreased the cost of transportation. The workers of the depot Zhmerinka received a super planned profit of 800 thousand rubles, Shepetovka – 713 thousand [5, p.153].

The profitability of the economic activity of the railway in the future allowed cash prizes to stimulate the directorality of the work of railways. In 1950, Kozyatin Vinnytsya's junction was isolated from a special fund from the Special Foundation for the high quality repair of cars. Accordingly, 86 thousand 479 rubles, for timely sending of locomotives to the destination – 3 thousand 65 rubles, for overcoming the repair plan repair plan – 47 thousand rubles. For high quality without removing carriages and unvarious movement to the meat of destination – 196 thousand 794 rubles, for qualitative repair of equipment and preventing the simple and timely supply of oxygen – 12 thousand 978 rubles. In general, premature amounted to 3 million 748 rubles [5, p.149].

In post-war years, the role of the Vinnytsia railway in the life of the Podilsky region and Ukraine grew. The general and qualification level of railwaymen increased. It is worth noting that high, at that time, indicators of reconstruction and work of rail transport of Ukraine were extracted as administrative methods, hard labor and economic levers.

Literature:

1. Galkak S.D. Distribution during the Second World War (1939-1945). Vinnitsa: Merkjuri – Podillya Ltd.2018. 656 p.

2. Job – State Archive of Vinnytsia region.

3. Jelesnodors in the Great Fairy West 1941 – 1945 / Editor Konarev N.S. Mocaq: "Transport.1985. 576 p.

4. Masilo IV Methods of leadership by railway transport of Ukraine 1944 – 1950-year – Vinnytsya: Past and present. Local studies of research. Vinnitsa: "VDPU" .2013.C.464 - 468.

5. Masilo IV Zs History of the Reconstruction of Vinnytsia Railway // Materials of the XII Podilsky Historical and Local History Conference. Kamyansky – Podilsky. 2007.124 – 129.

6. Masilo I.V.Podvig Railwayman Podillya during the Great Patriotic War // Materials of the XI Podilsky Historical and Local History Conference. Kamyansky – Podilsky.2004.C.71 – 74.

7. Mazilo IV From the history of the reconstruction of the Zhmerin car repair plant during the Great Patriotic War // Vinnytsya: the past and present. Local studies of research. Vinnitsa: "VDPU" .2007.C.313 – 316.

8. Mazilo I.V.Materials – Household provision of workers of Vinnitsa railway in 1944 – 1950s / Vinnytsya: Past and present. Local studies of research. Vinnitsa: "Vlasik" .2009.C.467 – 469.

9. Mazilo IV Management by rail transport by Ukraine during its reconstruction // Visnyk of the Cherkasy University. Series of historical sciences.160 – 161. Cherkassy.2009.146 – 150.

10. Ukraine in the Second World War: A view from the twentieth century. The friend's book / editor of Smolyn V.A.Kiv: Scientific thought.2011.939 p.

11. Cdago of Ukraine – Central State Archive of Public Associations of Ukraine.

12. Cherneg P. M. Appreciation of workers of Ukraine to strengthen the military – economic power of the USSR during the Second World War. Kiev: View of the NPU them .. P.Dragomanov.2004.426 p.

13. Yugo is a hollow jelly road. The army. Top. Tomorrow / Under the editors of B.S.Oliknik. Kiev: "Transportation of Ukraine" .1995.242 p.

14. Yankovskaya O. Social policy of the state by the eyes of workers and peasants // Editor-in-chief of Smolina V.A. Post-war Ukraine: essays in social history. P.1.2 // Editor Editor V.A. Kiev: "Institute of History of the National Academy of Sciences of Ukraine. In 2010.193 – 348.

PEDAGOGICAL SCIENCES

Зараян А.А.

*Рязанский Государственный Университет
имени С.А. Есенина*

СНЯТИЕ ТРУДНОСТЕЙ ПРИ ПОНИМАНИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ НА СЛУХ

Zaranyan A.A.

*Ryazan State University
named for S.A. Esenin*

PREVENTING DIFFICULTIES IN COMPREHENDING FOREIGN SPEECH

Аннотация.

В статье рассматриваются причины возникновения у учащихся трудностей при восприятии и понимании иноязычной речи на слух, приводится классификация трудностей, предлагаются пути их преодоления и возможные способы адаптации текстов для аудирования.

Abstract.

The article examines the causes of students' difficulties in comprehending foreign language speech, gives the classification of difficulties, suggests the ways of overcoming them and possible ways of adapting texts for listening.

Ключевые слова: *обучение иностранному языку в школе, аудирование, трудности восприятия и понимания речи на слух, способы адаптации текстов для аудирования.*

Keywords: *teaching English as a foreign language at school, listening skills, difficulties of comprehending foreign speech, adapting texts for aural comprehension.*

Изучающие иностранные языки и учителя единого мнения сходятся во мнении, что аудирование является одним из самых сложных видов речевой деятельности. Восприятие иноязычной речи на слух – это сложный процесс, который требует от обучающихся предельной концентрации и внимания, а от преподавателя – хорошей подготовки, последовательности в развитии данного вида речевой деятельности.

Овладение речью на иностранном языке, как средством общения, включает в себя два основных умения. Мы согласны с мнением П.А. Березкиной в том, что эти умения, в первую очередь, состоят в том, чтобы понимать речь других людей и впоследствии выражать свои мысли или намерения [1, с. 3].

А.Н. Шукин утверждает, что восприятие иноязычной речи на слух связано с рядом трудностей, преодоление и знание которых в дальнейшем обеспечит благополучность овладения навыками аудирования [5, с. 183].

Е.М. Мосолова предлагает следующую классификацию трудностей:

- психологические трудности восприятия речи;
- трудности, связанные с выбором аудиоматериала для аудирования;
- фонетические трудности;
- грамматические трудности;
- лексические трудности;
- трудности, связанные с культурными особенностями страны изучаемого языка [3, с. 78-79].

К психологическим трудностям аудирования относят незрелость мысли, а также отсутствие способности выйти за рамки привычных синтаксических и морфологических явлений, в результате чего

слушающий упускает содержание текста. Для преодоления вышеперечисленных трудностей преподаватель должен тщательнее подбирать материал для аудирования, чтобы он соответствовал возрастным особенностям и уровню владения иностранным языком обучающегося; вводить его в коммуникативную ситуацию заблаговременно и проводить подготовительные и речевые упражнения перед прослушиванием аудиотекста.

Следующая трудность восприятия речи на слух связана с особенностью стиля текста, выбранного для аудирования. Выделяют два стиля текста: книжный, который зачастую характеризуется монологической формой изложения, и разговорный, представленный в диалогической форме. Чаще всего диалог представляет большую трудность, так как ему свойственна ситуативность и спонтанность речи, которая приводит к отклонению от языковых норм. Кроме того, успех межкультурного диалога зачастую обуславливается правильностью разъяснения и понимания воспринимаемых на слух явлений. Е.В. Лучина, например, относит к ним географические названия; имена исторических деятелей, ученых; названия произведений литературы и искусства, исторические факты и т. д. [2, с. 349]. Исходя из вышеизложенной информации, важно ознакомить обучающихся с различными стилями текста и их особенностями заблаговременно.

Последняя группа трудностей связана с культурой страны изучаемого языка. Это обусловлено различием норм поведения между двумя культурами (родной и иностранной). По мнению Е.Г. Семеновой, для преодоления соответствующих трудностей необходимо быть осведомленным о стране

изучаемого языка, ее культуре и традициях, а также о современном положении норм поведения [4, с. 85].

Рассмотрим основные трудности в понимании аудиотекстов, которые выделяет А.Н. Щукин [5, с. 183-189].

Трудности, связанные с содержанием аудиотекста могут касаться понимания предметного содержания текста: фактов, логики изложения этих фактов и общей идеи текста, а также поступков и мотивов действующих лиц.

Учитывая приведенные выше обстоятельства, можно руководствоваться следующим рекомендациям при отборе материала и организации занятий.

Во-первых, более легким будет считаться тот текст, тема и содержание которого известны учащимся, но целесообразно будет включить в него новую информацию. Задание может звучать следующим образом: «Послушайте текст и скажите, что нового вы узнали по сравнению с прочитанным вами текстом».

Во-вторых, тексты, которые соответствуют возрасту и жизненному опыту учащихся повышают интерес к работе и являются условием успеха. Также необходимо уточнение, с какой целью будет прослушиваться текст: извлечь новую информацию, ответить на вопросы, выразить свое отношение и т.д.

В-третьих, трудный текст, который интересен учащимся, запоминается учащимися лучше, чем простой, но неинтересный. Согласно мнению методистов, уровень аудиотекстов в любом случае должен быть выше языковой компетенции обучающихся, поскольку это мобилизует их прогностические способности.

При возникновении трудностей, вызванных структурной организацией аудиотекста, важно стремиться к тому, чтобы структура текста была логичной, содержала в себе вступление, главную часть и заключение.

Далее приведем трудности языковой формы аудиотекста.

Фонетические трудности появляются из-за расхождений между акустическим обликом слова, особенно заметным в разговорной речи, и неполным стилем произношения. Преодоление трудностей иноязычного аудирования следует начинать с овладения фонологической стороной языка. Рекомендуется давать цепочки слов, которые становятся узнаваемыми и воспринимаемыми в любом предложенном для восприятия на слух контексте: I — my — mine, he — his — him, they — their — them, meeting — reading — eating. Формирование адекватных акустико-артикуляционных образов с использованием подобного рода упражнений способствует образованию в памяти «следов», с помощью которых происходит распознавание новой слуховой информации.

Лексические трудности могут возникнуть в связи с присутствием в тексте омонимов (a row of seats - ряд кресел; to cause a row - вызвать скандал), многозначных слов (accurate information — accurate grammar), паронимов (economic — economical), а

также имен собственных. Омонимы, многозначные слова, паронимы желательно исключать из аудиотекста для начального этапа, так как они затрудняют понимание текста, требуя держать в памяти контекст фразы, к которой они были использованы.

Что касается новых слов, в аудиотексте их должно содержаться не более 5-7% от общего количества слов. Они не должны нести в себе ключевую для понимания информацию, т.е. не быть опорными.

Грамматические трудности возникают тогда, когда текст содержит в себе еще неизученный учащимися грамматический материал.

Трудности, вызванные экспрессивной и стилистической окрашенностью речи и социокультурным содержанием воспринимаемой речи на слух следует преодолевать на этапе предварительной работы с текстом.

Наконец, трудности, связанные с условиями восприятия аудиотекста. На начальном этапе рекомендуется использовать тексты из 3-5 предложений (1,5-2 минуты звучания). Объем текста до 3 минут звучания считается оптимальным, так как учитывает возможности учащихся сохранять информацию в кратковременной памяти и возможность ее воспроизведения в близкой к оригиналу форме.

Понимание текста также зависит от количества его предъявлений. На занятиях по аудированию рекомендуется предъявлять текст один раз, так как это имеет место в реальных условиях общения. Двукратное предъявление текста будет целесообразно при установке на дальнейшее обсуждение текста или его воспроизведение. Повторному прослушиванию должен предшествовать контроль понимания первого предъявления аудиотекста и формулировка новой установки, ориентирующей учащихся на последующую работу с аудиотекстом.

Темп речи оказывает большое влияние на процесс слушания. Методисты рекомендуют с первых уроков вести занятия в среднем темпе носителей языка, ставя тем самым учащихся в условия реального общения.

Таким образом, успешное восприятие информации на слух зависит от многих факторов. Осведомленность об упомянутых трудностях поможет их учесть при подготовке к аудированию и найти способы их преодоления, чтобы адаптировать процесс восприятия и понимания информации у обучающихся.

Список литературы

1. Березкина П.А. Трудности восприятия иноязычной речи на слух [Электронный ресурс] // Теоретические и практические предпосылки подготовки полилингвальных специалистов в УВО: матер. V Международного научно-практического онлайн-семинара (вебинара), Могилёв, 11 апреля 2019 г. / Могилёв: изд-во Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, 2019. — С. 3-6.

2. Лучина, Е.В. Индивидуальный стиль слухового восприятия как способ преодоления трудностей восприятия речи собеседника по диалогу / Е.В.

Лучина // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик. - Москва : Языки Народов Мира, 2016. - С. 348-352. (с. 349).

3. Мосолова, Е.М. Проблема аудирования на уроках иностранного языка как вида речевой деятельности / Е.М. Мосолова // Психология и педагогика: Современные методики и инновации, опыт практического применения. - Липецк : РаДуши, 2015. - С. 70-79.

4. Семенова, Е.Г. Аудирование как один из видов речевой деятельности / Е.Г. Семенова // Актуальные проблемы современной филологии и методики преподавания языка. - Орел : Орловский государственный университет экономики и торговли, 2018. - С. 82-87 (с.85).

5. Щукин А.Н. Методика преподавания иностранных языков: учебник для студентов учреждений высшего образования/ А.Н.Щукин, Г.М. Фролова.- 2-е издание, стер.- М.: Издательский центр «Академия», 2017. – с. 183.

УДК:615.065:378.017:5/6

*Мельничук Світлана,
Копчук Тамара,
Щудрова Тетяна*

Буковинський державний медичний університет

[DOI: 10.24412/2520-6990-2021-794-11-12](https://doi.org/10.24412/2520-6990-2021-794-11-12)

КУРС ЗА ВИБОРОМ СТУДЕНТА «ПОБІЧНА ДІЯ ЛІКІВ» - НЕВІД'ЄМНА СКЛАДОВА ФОРМУВАННЯ СУЧАСНОГО МЕДИЧНОГО ФАХІВЦЯ

*Melnychuk Svitlana,
Kopchuk Tamara,
Shchudrova Tetiana*

Bukovinian State Medical University

COURSE OF STUDENT'S CHOICE «SIDE EFFECT OF DRUGS» - AN INTEGRAL COMPONENT OF THE FORMATION OF MODERN MEDICAL SPECIALIST

Анотація:

Стаття підкреслює необхідність та важливість вивчення студентами-медиками спеціальності «Медицина» дисципліни «Побічна дія ліків», завдяки якій вони закріплюють та удосконалюють знання з фармакології, розширюють та поглиблюють уявлення про побічну дію лікарських засобів і заходи її профілактики. В статті описано методи та переваги вивчення цієї дисципліни, доцільність формування сучасного лікаря-практика, який стане надійною ланкою у проведенні об'єктивного аналізу будь-якого випадку побічної реакції при використанні медикаментів та безпомилковому встановленні причинно-наслідкового зв'язку її виникнення.

Abstract.

This article emphasizes necessity and importance of studying by medical students of specialty «Medicine» of discipline «Side effects of drugs», through which they consolidate and improve knowledge of pharmacology, expand and deepen the understanding of the side effects of drugs and measures for their prevention. In article was described the methods and advantages of studying this discipline, the feasibility of forming modern practitioner, which will become a reliable link in an objective analysis of any incident of adverse drug reactions and faultless establishment of the causal-effect relationship of its development.

Ключові слова: доцільність, побічна дія ліків, студенти-медики.

Keywords: the feasibility, side effects of drugs, medical students.

In the side effects of drugs, students have the opportunity to get closer to the problem of rational use of drugs, because drugs can both cure the patient and bring great benefits and cause undue harm – significantly worsen the quality of life of patients, complicate the disease. Medicines that are constantly advertised on television and used with incredible perseverance by patients should be used with great caution by future doctors. And patients, in turn, should work closely with doctors and inform them about the appearance of any unusual reactions when using new drugs - these are the basic principles on which students' attention is focused when teaching the side effects of drugs. Therefore, the psychology of not only the patient but also, first of all, the medical worker must be changed.

Teaching the subject is fully methodically provided – students have the opportunity to use textbooks on side effects of drugs, lecture texts, guidelines for classroom work, reference books, and most importantly – the distance learning server "Moodle", which in addition to thorough disclosure of theoretical issues the amount of illustrative material that encourages students to study the required material more carefully and in depth. During the classes, the teachers of the department actively use tables, computer slides, etc., which allows to present the study material clearly, vividly and concisely. Also, future doctors watch educational films: "Mental and physical dependence on drug use", "Modern view of contraceptives", "The problem of antibiotic resistance" and others.

The first lesson focuses on the calculation of pharmacokinetic parameters, which is extremely important when prescribing drugs to children and the elderly, as well as patients in whom the pharmacokinetics and pharmacodynamics of drugs may change significantly due to various factors. Thanks to the acquired knowledge of the classification of adverse drug reactions, medical students in further clinical practice will be able to focus on which drugs can cause certain side effects, and assess the mechanisms of development of the latter [3]. When considering situational tasks and tasks, students learn to recognize and analyze the phenomena that occur with repeated and combined use of drugs: withdrawal syndrome, tolerance, tachyphylaxis, sensitization, idiosyncrasy, synergism and antagonism [4]. In addition, it is very important for future medical professionals to consider the causes and mechanisms of these phenomena, their clinical manifestations, because further treatment of withdrawal syndrome in a drunkard or drug addiction is impossible without understanding these phenomena [5]. Considering pharmacotherapeutic tasks, students learn to prioritize the quality of medical care, to avoid polypragmatism (simultaneous administration of excessive amounts of drugs to the patient), because it is scientifically proven [1] that the simultaneous use of three or more drugs significantly increases the risk of side effects. Each session actively discusses the effects of different groups of drugs on a pregnant woman, because by determining the potential risk of the drug to the fetus, the doctor can prevent congenital pathology, slow fetal development and subsequent physical and intellectual development of the child.

When studying the discipline "Side effects", teachers should inform each student of the importance of informing about cases of adverse reactions and / or lack of effectiveness of drugs and convince them of the urgent need to register side effects, because if a doctor monitors side effects, according to the State Expert center of the Ministry of Health of Ukraine, this is evidence of its high professional level. The classes discuss a large number of problems related to the detection and registration of side effects of drugs: lack of time and motivation of doctors, mass self-medication, use of advertised drugs, the clinical effect of which (or interaction with other drugs) is not studied in detail. pharmacists, etc. [6]. Prospective physicians should work diligently with their patients, as reports of adverse drug reactions may come directly from them. Upon completion of the course "Side effects of drugs" students should realize that pharmacological supervision is primarily a manifestation of the professional level of the

doctor, and indirectly - legal protection in case of an unforeseen situation. Although the problem of side effects of drugs will exist as long as the drugs are used, future specialists should do everything possible to minimize the frequency of these effects, and make its manifestations less dangerous to the health of patients [7].

Conclusion. The study of the elective course "Side effects of drugs" by medical students will allow them to recognize different types of adverse reactions, take measures to eliminate and prevent them and help improve the quality and safety of drugs, the use of which will significantly affect economic and demographic processes. effective treatment of patients and improving their quality of life.

References

1. Кашуба О. В. Побічні реакції, спричинені лікарськими засобами: термінологія та класифікація, механізми розвитку і клінічні прояви / О. В. Кашуба // Фармакологія та лікарська токсикологія. – 2013. – Т. 30, № 3. – С. 82-90.
2. Кашуба О. В. Побічні реакції, спричинені нестероїдними протизапальними лікарськими засобами диклофенаком і німесулідом в Україні: порівняльне статистичне дослідження та прогноз (Частина 2) / О. В. Кашуба // Фармакологія та токсикологія. – 2012. – Т. 26, № 1. – С. 65-71.
3. До питання класифікації побічних реакцій лікарських засобів та підходів до їхньої диференціації / О. В. Матвеева, О. П. Вікторов, В. Є. Бліхар [та ін.] // Рациональная фармакотерапия. – 2011. – № 4. – С. 5-11.
4. Warfarin-Antibiotic Interactions in Older Adults of an Outpatient Anticoagulation Clinic / Parinaz K. Ghaswalla, Spencer E. Harpe, Daniel Tassone // The American Journal of Geriatric Pharmacotherapy. – 2012. – Vol. 10, № 6. – P. 352-360.
5. Retour d'expérience sur l'évaluation des activités de pharmacie clinique développées en chirurgie / A. Jarfaut, M. Clauzel-Montserrat, D. Vigouroux [et d'aut.] // Annales Pharmaceutiques Francaises. – 2015. – Vol. 73, № 2. – P. 123-132.
6. Évènements iatrogènes médicamenteux : impact des consultations pharmaceutiques en cours d'hospitalisation / R. Santucci, D. Levêque, R. Herbrecht [et d'aut.] // Annales Pharmaceutiques Francaises. – 2014. – Vol. 72, № 6. – P. 440-450.
7. Шепелева Е. Н. Информированность врачей о нежелательных побочных реакциях на лекарственные средства / Е. Н. Шепелева, Е. В. Горбачева // Фармакогнозия и фармація. – 2010. – № 2. – С. 97-98.

Недашківський Руслан Михайлович
аспірант Інституту професійно-технічної освіти
НАПН України, м. Київ

КОНЦЕПТУАЛЬНІ АСПЕКТИ ФОРМУВАННЯ ПРОФЕСІЙНОЇ КОМПЕТЕНТНОСТІ МАЙБУТНІХ ТРАКТОРИСТІВ-МАШИНІСТІВ СІЛЬСЬКОГОСПОДАРСЬКОГО ВИРОБНИЦТВА

Ruslan Nedashkivsky
graduate student of the Institute of Vocational Education
NAPN of Ukraine, Kyiv

CONCEPTUAL ASPECTS OF FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF FUTURE TRACTORS-DRIVERS AGRICULTURAL PRODUCTION

Анотація.

Стаття присвячена висвітленню концептуальних положень цілеспрямованого формування професійної компетентності майбутніх трактористів-машиністів сільськогосподарського виробництва в закладах професійної (професійно-технічної) освіти. Наведено результати дефінітивного аналізу поняття «професійна компетентність майбутніх трактористів-машиністів сільськогосподарського виробництва». Виокремлено компоненти професійної компетентності майбутніх трактористів-машиністів, основні методологічні підходи, принципи, фактори, педагогічні умови формування професійної компетентності майбутніх трактористів-машиністів сільськогосподарського виробництва в закладах професійної (професійно-технічної) освіти..

Зроблено висновки, що висвітлені положення цілеспрямованого формування професійної компетентності майбутніх трактористів-машиністів сільськогосподарського виробництва в закладах професійної (професійно-технічної) освіти з опорою на обґрунтовані напрями та етапи розв'язання проблеми є спробою розробити методологічний і теоретичний концепти формування цієї інтегративної властивості особистості.

Abstract.

The article is devoted to the coverage of the conceptual provisions of the purposeful formation of professional competence of future tractor drivers of agricultural production in institutions of professional (vocational) education. The results of the definitive analysis of the concept "professional competence of future tractor drivers of agricultural production" are given. The components of professional competence of future tractor drivers, basic methodological approaches, principles, factors, pedagogical conditions of formation of professional competence of future tractor drivers of agricultural production in institutions of professional (vocational) education are singled out..

It is concluded that the provisions of purposeful formation of professional competence of future tractor drivers of agricultural production in vocational (technical) education based on reasonable directions and stages of problem solving are an attempt to develop methodological and theoretical concepts of formation of this integrative personality trait.

Ключові слова: професійна компетентність, майбутні трактористи-машиністи сільськогосподарського виробництва, компоненти, методологічні підходи, принципи, педагогічні умови.

Keywords: professional competence, future tractor-drivers of agricultural production, components, methodological approaches, principles, pedagogical conditions.

Актуальність проблеми. Увага вчених до проблем формування професійної компетентності кваліфікованих робітників пов'язана, насамперед, з якісними змінами, широкомасштабними технологічними інноваціями, що відбуваються в суспільстві, економіці, промисловості та міжнародних відносинах. Увага вчених до проблем формування професійної компетентності кваліфікованих робітників пов'язана, насамперед, з якісними змінами, широкомасштабними технологічними інноваціями, що відбуваються в суспільстві, економіці, промисловості та міжнародних відносинах.

Скажімо, кілька десятиліть тому людина мала можливість використовувати певний набір знань, умінь і навичок протягом тривалого часу майже без

змін. Нині бурхливий розвиток науки і техніки, використання інформаційно-комунікаційних технологій у всіх сферах людської діяльності, міграційні процеси вимагають формування у випускника професійно-технічного навчального закладу не тільки набору певних компетенцій, що складають фахову основу професії, а й формування професійно-вагомих якостей і здібностей особистості.

У цілісній системі суспільних відносин професійно-технічна освіта тісно взаємопов'язана з економічним життям суспільства, яке змінюється у конкретно-історичних умовах. Академік Н. Нічкало зазначає: «Кожному етапу розвитку суспільства притаманні свої соціально-економічні та науково-технічні проблеми. Їх розв'язання потребує

нових підходів, що враховують динаміку змін у життєдіяльності різних соціальних систем». [1].

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Різні аспекти формування професійної компетентності майбутніх фахівців, у тому числі і в галузі професійно-технічної освіти, привернуло увагу багатьох вітчизняних та зарубіжних науковців, зокрема: С. Амеліної, В. Андрієвської, В. Байденка, Н. Брюханової, Д. Ващенко, С. Гончаренка, І. Зязюна, О. Локшиної, П. Лузана, Н. Ничкало, В. Радкевич, Л. Тархан, О. Хуторського, В. Ягупова та ін.

Однак поза увагою вчених залишилися вкрай важливі змістово-технологічні аспекти формування професійної компетентності майбутніх трактористів-машиністів сільськогосподарського виробництва.

Мета статті полягає в висвітленні концептуальних положень формування професійної компетентності майбутніх трактористів-машиністів сільськогосподарського виробництва в закладах професійної (професійно-технічної) освіти.

Виклад основного матеріалу дослідження. Студіювання науково-методичних джерел дало можливість прийти до висновку, що професійну компетентність слід розглядати як фактор соціальної конкурентоспроможності випускника, оскільки вона є результатом якісної освіти, оволодіння професійними здатностями, досягнення певної кваліфікації та дозволяє при необхідності перемінити спеціальність. Проте у педагогічній науці недостатньо розробленими лишаються положення про цілі, зміст, технології, методи, форми і принципи компетентісно-орієнтованої підготовки майбутніх трактористів-машиністів сільськогосподарського виробництва.

У практиці підготовки майбутніх трактористів-машиністів сільськогосподарського виробництва недостатня розробка означеної проблеми виявляється у: а) низькій сформованості у випускників професійно-технічних навчальних закладів – майбутніх трактористів-машиністів сільськогосподарського виробництва – здатностей самостійно оволодіти новими знаннями; б) надто обмеженому включенні у навчально-виробничий процес сучасних технологій інноваційного навчання учнів, зокрема, при вивченні спеціальних дисциплін; в) обмеженій кількості дієвих, конкретних науково-методичних рекомендацій педагогічним працівникам професійно-технічних навчальних закладів щодо організації додаткових форм організування навчання учнів.

Ознайомлення з результатами наукових досліджень учених і практичним досвідом роботи педагогічних працівників професійно-технічних навчальних закладів дало змогу виявити провідну суперечність, яка має місце у професійно-технічній освіті, зокрема: між сучасними вимогами до випускників професійно-технічних навчальних закладів, зокрема трактористів-машиністів сільськогосподарського виробництва, і їх реальною професійною компетентністю.

Професійна компетентність сучасного кваліфікованого робітника є складним багатокомпонентним поняттям, яке в сучасній науковій літературі характеризується з точки зору кількох наукових підходів: соціокультурного, діяльнісного, комунікативного, професійного, контекстно-інформаційного та психологічного. Кожний із названих підходів не вичерпує наукового аналізу проблеми професійної компетентності повністю; всі ці підходи знаходяться у взаємозв'язку і взаємодоповнюють один одного. Професійна компетентність досягається шляхом розвитку особистості в системі професійно-технічної освіти, яка пов'язана з формуванням на базі загальної освіти таких професійно значимих для особистості й суспільства якостей, які дозволяють людині найбільш повно реалізувати себе в конкретних видах трудової діяльності, що відповідають суспільно необхідному розподілу праці, ринковим механізмам стимулювання найбільш продуктивного і конкурентоздатного функціонування робітника тієї чи іншої кваліфікації й профілю [2].

У перебігу наукового пошуку на основі логічних правил визначення понять дефініцію «*професійна компетентність майбутніх трактористів-машиністів сільськогосподарського виробництва*» потрактовано як інтегровану властивість особистості, яка характеризується наявністю професійних знань, умінь, навичок, цінностей та особистісних якостей, що зумовлюють здатність особистості ефективно здійснювати професійну діяльність, щодо обслуговування технічних засобів аграрного виробництва, об'єктивно оцінювати виробничі задачі і ефективно їх виконувати у заданий термін та в заданій якості.

У процесі здійснення структурно-компонентного аналізу враховано особливості формування професійної компетентності майбутніх трактористів-машиністів та завдання, які потрібно реалізувати для її успішного формування, а також вимоги щодо знань, умінь, навичок і якостей, якими мають володіти майбутні кваліфіковані робітники. Аналіз процесу організації професійної діяльності майбутніх трактористів-машиністів переконує, що в структурі професійної компетентності маємо виокремити такі взаємозалежні та взаємообумовлені компоненти: мотиваційно-ціннісний, практично-діяльнісний, когнітивний та особистісно-рефлексивний.

Мотиваційно-ціннісний компонент передбачає стимулювання подальшої професійної діяльності учня, *практично-діяльнісний компонент* репрезентує комплекс вмінь та навичок професійної діяльності; *когнітивний компонент* передбачає наявність здатності застосовувати, аналізувати, класифікувати і систематизувати знання та уміння; *особистісно-рефлексивний компонент* передбачає наявність сформованого світогляду, вольові якості, володіння уміннями самоконтролю власної професійної діяльності.

Завдання формування професійної компетентності синтезують в собі комплекс мотивованих знань, умінь, навичок, необхідних для здійснення

професійної діяльності; розвиток мотиваційних, самоосвітніх здібностей та якостей майбутніх трактористів-машиністів; набуття досвіду продуктивної професійно-комунікаційної взаємодії; сталий розвиток мотивації учнів до самоосвітньої діяльності.

Методологія формування професійної компетентності майбутніх трактористів-машиністів визначається єдністю таких основних наукових підходів, зокрема: *системний підхід* забезпечує вивчення даного феномена як складного, багаторівневого утворення особистості, яке за відповідних умов розвивається та має певну структуру, застосування системного підходу передбачає поєднання в єдине ціле методичних напрямів, технологій, методів, прийомів, форм і засобів формування професійної компетентності майбутніх трактористів-машиністів; *діяльнісний підхід* забезпечує оволодіння навчально-методичною діяльністю при залученні учнів у перебігу навчання до навчально-професійних форм діяльності (імітаційне моделювання, практики тощо); *компетентнісний підхід* передбачає формування і розвиток здатностей їх практичного застосування у майбутній виробничій діяльності та дозволяє зорієнтувати педагогічний процес на виконання соціального замовлення – підготувати фахівця, який за своїми професійними і особистісними якостями відповідає вимогам освітнього стандарту; *особистісно-розвивальний підхід* передбачає опору на природний процес саморозвитку, самореалізацію, самоствердження особистості [3, с. 77]. У практиці підготовки майбутнього тракториста-машиніста ця методологія передбачає організацію навчання з урахуванням його індивідуальних особливостей, надає можливість майбутньому кваліфікованому робітнику ґрунтовно оволодіти технологіями і методиками розвитку власного творчого потенціалу.

Зазначені методологічні підходи у своїй єдності забезпечують ефективність вирішення завдань формування професійної компетентності у майбутніх трактористів-машиністів сільськогосподарського виробництва у професійно-технічних навчальних закладах через реалізацію відповідних принципів. Зокрема, для цього у дослідженні враховувалися норми основних і часткових принципів: об'єктивності, всебічності, системності, безперервності, принцип прямого і зворотного зв'язку з виробництвом, моделювання, економічної доцільності, безперервності та інші.

Крім наголошених, у нашому дослідженні враховувалися принципи цілісності, активної діяльності особистості, єдності зовнішніх впливів і внутрішніх умов, самоорганізації, сутнісного аналізу, детермінізму, концептуальної єдності дослідження, поєднання суцього і належного, структурності, вимоги до реалізації яких детально виписано у науковій літературі.

Вказані принципи разом із загально-педагогічними (науковості навчання; систематичності і послідовності в навчанні; наочності навчання; зв'язку навчання з життям; доступності навчання; міцності, усвідомленості і дієвості результатів навчання, виховання й розвитку тощо) спрямовані на реалізацію

формування професійної компетентності майбутніх трактористів-машиністів.

Сучасна система аграрної освіти спрямована на вирішення складних завдань формування всебічно розвинутої особистості майбутнього фахівця-аграрника, розвиток його талантів, розумових і фізичних здібностей, відповідно до потреб суспільства та аграрної галузі. На виконання цих стратегічних завдань спрямовані усі складові педагогічного процесу – зміст, методи, засоби та форми навчання й виховання, контроль і корекція результатів навчальної діяльності учнів при широкому залученні сучасних технологій.

У зв'язку з вищевказаним, важливого значення для педагогічної теорії набуває визначення сприятливих педагогічних факторів та умов формування професійної компетентності майбутніх кваліфікованих робітників уже з перших днів навчання у професійно-технічному навчальному закладі.

Підкреслимо, що питання обґрунтування педагогічних умов ефективного формування професійної компетентності майбутніх трактористів-машиністів є одним із головних у нашому дисертаційному дослідженні. Результати його розв'язання дозволять визначити провідні напрями наукового пошуку, розробити методіку ефективного формування здатностей учнів до професійної діяльності.

Засобами факторного аналізу було визначено фактори досліджуваного процесу зокрема: позитивна мотивація учнів до оволодіння майбутньою професійною діяльністю, перспективи успішного працевлаштування та кар'єрного зростання, необхідність постійно поповнювати обсяг знань; відбір та структурування змісту освіти; професіоналізм викладача; проблемно-пошукова організація самостійної роботи; сучасні інноваційні технології навчання (проблемно-розвивальна, тренінгові, імітаційно-ігрова, проектна технології, урок-дискусія, прес-конференція, відео урок); організація інтелектуальної позаурочної діяльності учнів (факультативи, гуртки, спецкурси, клуби, студії тощо); володіння учнем пізнавальними уміньми; наявність у професійному навчальному закладі якісних посібників та підручників; сучасна матеріально-технічна база, яка дозволяє створити дієве інформаційно-освітнє середовище навчального закладу; об'єктивність методів контролю навчальних досягнень учнів; вимоги викладача (майстра) щодо формування якісних знань з певного навчального предмета; комп'ютерна техніка (Internet).

На основі індуктивного способу встановлення причинно-наслідкових зв'язків сформульовано *педагогічні умови*, які, при їх забезпеченні, експериментально визначені фактори перетворюють в реальні детермінанти формування правової культури майбутніх кваліфікованих робітників, надають їм якості дієвості.

Враховуючи дидактичні принципи, компоненти та різні підходи науковців до педагогічних умов, методом експертних оцінок було визначено, що успішне формування професійної компетентності майбутніх трактористів-машиністів сільськогосподарського виробництва у закладах професійної

освіти можливе при забезпеченні таких педагогічних умов:

1. цілеспрямоване формування позитивної мотивації учнів щодо оволодіння майбутньою професійною діяльністю;

2. раціональне поєднання в освітньому процесі традиційних та інноваційних технологій навчання майбутніх трактористів-машиністів сільськогосподарського виробництва;

3. організація випереджувального навчання учнів засобами додаткових дидактичних форм (факультативи, спецкурси, студії, наукові гуртки тощо);

4. відбір та структурування змісту освіти на основі нормативних вимог освітнього стандарту та варіативної регіонально спрямованої складової;

5. створення сприятливого інформаційно-освітнього середовища для самоосвітньої діяльності учнів.

Для цілеспрямованої, системної реалізації концептуальних ідей дослідження розроблено структурну модель, яка відображає систему формування професійної компетентності майбутніх трактористів-машиністів у перебігу професійної підготовки і складається з чотирьох взаємопов'язаних блоків: методологічно-цільового, суб'єктного, змістово-технологічного; діагностико-корективного.

Методологічно-цільовий блок моделі містить: соціальне замовлення; мету; завдання; методологічні підходи та принципи щодо формування професійної компетентності майбутніх трактористів-машиністів сільськогосподарського виробництва.

У моделі передбачено, що методологія формування професійної компетентності майбутніх трактористів-машиністів спрямовує процес на дотримання вимог і положень основних методологічних підходів та принципів.

До змістово-технологічного блоку моделі входять експериментально визначені фактори, теоретично обґрунтовані педагогічні умови, що структурують педагогічні технології, методи, форми, зміст, засоби формування професійної компетентності у послідовності певних етапів педагогічної взаємодії.

Реалізація мети та завдань формування професійної компетентності учнів здійснювалася протягом трьох умовно виділених послідовних етапів: спонукально-інформаційного, формувального та результативно-корекційного. Структурно ці етапи відображають технологічний блок моделі.

Завершальний, діагностико-результативний блок моделі передбачає оцінювання, аналіз та корекцію результатів формування професійної компетентності майбутніх трактористів-машиністів, що диференційовані за рівнями сформованості цієї інтегративної властивості особистості: 1-й рівень (початковий); 2-й рівень (середній); 3-й рівень (достатній); 4-й рівень (високий), критерії їх діагностування (потребо-мотиваційний, інформативно-когнітивний, операційно-діяльнісний, особистісно-самооцінний) та відповідні показники.

Особливостями розробленої моделі є: застосування компетентнісного підходу як цілісної соціально-педагогічної, відкритої, динамічної системи; забезпечення належного рівня функціональності суб'єктів навчального процесу в умовах динамічних змін; можливість внесення коректив у механізм управління освітою: потреби цілі → рішення → дії → результати; використання нагромадженого педагогічного і професійного досвіду. Структурна модель формування професійної компетентності майбутніх трактористів-машиністів відображає обґрунтовані завдання, методологічні підходи, принципи, фактори, педагогічні умови, етапи, структурні компоненти, критерії, показники щодо проектного феномена.

Висновки. Отже, висвітлені положення цілеспрямованого формування професійної компетентності майбутніх трактористів-машиністів сільськогосподарського виробництва в закладах професійної (професійно-технічної) освіти з опорою на обґрунтовані напрями та етапи розв'язання проблеми є спробою розробити методологічний і теоретичний концепти формування цієї інтегративної властивості особистості.

Подальші наукові дослідження будуть присвячені методиці реалізації запропонованої моделі педагогічної системи цілеспрямованого формування професійної компетентності майбутніх трактористів-машиністів сільськогосподарського виробництва.

Список використаних джерел

1. Ничкало Н.Г. Неперервна професійна освіта: міжнародний аспект // Неперервна професійна освіта: проблеми, пошуки, перспективи / За ред. І.А. Зязюна. Київ: Віпол, 2000. 636 с.
2. Радкевич В.О. Теоретичні і методичні засади професійного навчання у закладах профтехосвіти художнього профілю: монографія / за ред. Н. Г. Ничкало. Київ: УкрІНТЕІ, 2010. 424 с.
3. Фіцула М. М. Педагогіка вищої школи : навч. посіб. Київ: Академвидав, 2006. 352 с.

УДК 82-1

*Ибрагимова Р.Э.,
Никитина В.Р.,
Фатыхова А.Л.*

Стерлитамакский филиал «Башкирский государственный университет»

МУЗЫКАЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПОЭЗИИ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРНОГО ЧТЕНИЯ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

*Ibragimova R.E.,
Nikitina V.R.,
Fatykhova A.L.*

Sterlitamak branch «Bashkir State University»

MUSICAL MATERIAL FOR THE STUDY OF POETRY IN THE LESSONS OF LITERARY READING IN PRIMARY SCHOOL

Аннотация.

Статья посвящена трудностям в изучении поэзии на уроках литературного чтения в начальной школе. Авторы предлагают эффективное средство для профилактики возникновения и устранения выявленных сложностей – использование музыки на уроках чтения в начальной школе. В статье приводятся виды работ с применением музыкального материала на литературном чтении для полноценного восприятия младшими школьниками пейзажной лирики.

Abstract.

The article is devoted to the difficulties in studying poetry in the lessons of literary reading in elementary school. The authors propose an effective tool for preventing the occurrence and eliminating the identified difficulties - the use of music in reading lessons in primary school. The article describes the types of work using musical material in literary reading for a full-fledged perception of landscape lyrics by junior schoolchildren.

Ключевые слова: *литературное чтение, музыка, поэзия, пейзажная лирика, начальная школа.*

Keywords: *literature, music, poetry, landscape poetry, primary school.*

Формирование эстетических потребностей, ценностей и чувств у младшего школьника – одна из задач Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования [7].

Один из основных учебных предметов «Литературное чтение» в соответствии с ФГОС НОО ориентирован на достижение следующих целей: формирование эстетически-креативных и познавательных способностей, эмоционального сочувствия при чтении художественных произведений; развитие эстетического взгляда к тексту и умения осознавать литературное произведение.

Основными задачами курса являются:

- формировать умение воссоздавать художественные образы литературного произведения, развивать творческое и воссоздающее воображение;
- развивать поэтический слух детей, накапливать эстетический опыт слушания произведений;
- формировать эстетическое отношение ребёнка к жизни;
- развивать интерес к самостоятельному литературному творчеству[4].

И словесное и музыкальное искусство обладают огромным эмоционально-эстетическим потенциалом для формирования духовной культуры обучающегося. Расширяя эмоциональную сферу, и литературное и музыкальное искусство помогают личности углубляться в замысел автора произведе-

ния, постичь идейно-эмоциональную и нравственно-эстетическую стороны литературных произведений.

При применении музыки на уроках литературного чтения, как свидетельствует практический опыт, у детей наблюдается высокая активность, заинтересованность предметом, глубочайшее и полное понимание художественного произведения, раскрытие мыслей, эмоций и ощущения автора, проникновение в слово, мир красок и звуков, усовершенствование и обогащение словаря, эстетического вкуса, способность воспринимать и ценить произведение искусства.

Среди всех литературных жанров особое место занимает поэзия, которая передает впечатления, переживания, настроения, мысли и чувства, возникшие в душе поэта [1, с. 71]. Нередко работа со стихотворными произведениями вызывает трудности у младших школьников. На данную проблему особое внимание обращают такие педагоги – исследователи, как З.Н. Новлянская и Г.Н. Кудина [6], Т.В. Волченко [2] и другие.

Это объясняется прежде всего специфическими особенностями лирики как особого рода художественной литературы. В ней много образности, абстрактности, завуалированности, нет явной морализации, наличие непонятных слов для обучающихся начальных классов.

Для полноценного восприятия стихотворения учащиеся должны проникнуться эмоциональным

состоянием лирического героя, почувствовать, пережить то, что его волнует [3, с. 14]. Все вышеперечисленное достаточно сложно для обучающихся начальной школы, так как, по исследованиям психологов, их эмоциональная сфера развита не в полной мере. Исходя из этого, по нашему мнению, задача учителя при чтении лирических стихотворений – разбудить эмоции и чувства младшего школьника, добиться искренней заинтересованности к изучаемому произведению. Одним из эффективных средств, мы полагаем, является использование музыки на уроках чтения в начальной школе.

В учебниках литературного чтения в начальных классах часто встречается пейзажная лирика, в основе которой заложена природа: ее процессы и явления, то или иное определенное состояние. Но, при всем том, данные процессы отнюдь не являются понятными, они не ясны и непосредственно не проявлены; до самой сути и смысла лирического произведения следует додуматься. Пейзажная лирика труднее других литературных жанров поддается анализу и сопоставлению, осмыслению и восприятию.

Методисты Глинская Е.Л., Абдуллина А.А. в исследованиях, посвященных изучению пейзажной лирики, определяют условия, оказывающие огромное влияние на полноценное восприятие младшими школьниками:

1) наличие у учащихся жизненных представлений, аналогичных авторским;

2) развитие у учащихся внимания к переживаниям героев; целенаправленная работа по обогащению словаря словами, обозначающие чувства, состояние и настроение;

3) формирование у учащихся воссоздающего и творческого воображения[5].

Для полноценного восприятия младшими школьниками пейзажной лирики и с учетом названных выше условий нами проводится следующая работа:

– на уроках литературного чтения применяется речевая разминка на регулирование дыхания, выработку отчетливого произношения звуков произведений стихотворного типа под музыку;

– используются музыкальные произведения на этапе введения в тему для того, чтобы дети самостоятельно определили тему урока (например, весенняя заличка на уроке, включенном в раздел о весне);

– предлагается музыкальный материал на этапе работы с текстом до чтения в целях предвосхищения, предугадывания (например, перед чтением произведения слушание отрывка из произведения П.И. Чайковского «Апрель» с последующим вопросом: «Какое по настроению будет сегодня стихотворение?»);

– на этапе содержательного и языкового анализа художественного произведения включить ученикам два музыкальных произведения одной тематики, но разного характера, предложить выбрать то, что подходит к настроению стихотворения;

– используется работа с информационными технологиями в виде мобильных приложений, в которых можно самостоятельно создавать музыкальное сопровождение к изучаемому стихотворению;

– музыкальное интонирование при изучении народного творчества (прохлопывание, пропевание);

– на этапе вторичного синтеза предлагается творческое задание на подбор музыкального сопровождения для «озвучивания» стихотворения.

Младший школьник без богатого читательского опыта не может сразу проникнуться настроениями поэта, переживаниями лирического героя. К этому читателя нужно готовить. Музыкальный материал помогает «открыть уста детей», вызывает желание поделиться своими чувствами и мыслями, пробуждает фантазию и воображение. Музыка и поэзия созвучны, позволяют ученикам более ярко и точно прочувствовать настроение, глубже пережить прочитанное.

Список литературы

1. Борисенко И.В. Парадоксально-игровая поэзия в начальной школе// Начальная школа. – 2014. – № 7. – С.71-74

2. Волченко Т.В. Некоторые приемы работы с художественным произведением на уроках литературы в начальной школе//Начальная школа. – 2009. – № 11. – С.34-38

3. Герасимов С.Е. Познавательная активность и понимание// Вопросы психологии. – 1994. – № 3. – С.14-15

4. Климанова Л. Ф., Бойкина М. В. Литературное чтение. Примерные рабочие программы. Предметная линия учебников системы «Школа России». 1-4 классы. – 138 с.

5. Кудина Г.Н. Индивидуально-типологические особенности понимания младшими школьниками лирического текста // Психологическая наука и образование. – 1998. – Том 3. – № 3-4. – С. 85-93

6. Основы литературного чтения в начальной школе: учеб. пособие для студ., обуч. по направлению подготовки «44.03.01 – Педагогическое образование. Начальное образование»/Авт.-сост. Ибрагимов Р.Э., Ишкильдина З.К. – Стерлитамак : Стерлитамакский филиал БашГУ, 2017. – 84 с.

7. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования / Утвержден Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 6 октября 2009 г. № 373. URL: <https://base.garant.ru/197127/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/>

УДК: 378.147

*Рехтема Л.О.**Миколаївський національний університет імені В.О.Сухомлинського***РЕАЛІЗАЦІЯ ПРОФЕСІЙНОЇ СПРЯМОВАНОСТІ РОЗВ'ЯЗАННЯ ТЕКСТОВИХ ЗАДАЧ У ПІДГОТОВЦІ ФАХІВЦІВ ПОЧАТКОВОЇ ОСВІТИ***Rekhteta L.O.**Nikolaev National University named after VO Sukhomlinsky***IMPLEMENTATION OF PROFESSIONAL ORIENTATION OF SOLVING TEXT PROBLEMS IN THE TRAINING OF PRIMARY EDUCATION PROFESSIONALS****Анотація**

В статті приділено увагу особливостям математичної підготовки фахівців початкової освіти. Розглянуто роль розв'язування задач у підготовці майбутніх педагогів. В статті доведено, що математична підготовка з одного боку є складовою підготовки майбутніх вчителів, а з іншою важливим самостійним компонентом навчального процесу сучасного закладу вищої освіти. Актуальною проблемою в реалізації професійної спрямованості є розв'язування текстових задач, що сприяє розвитку творчої особистості майбутнього фахівця початкової освіти, формуванню його наукового світогляду.

Abstract

The article pays attention to the peculiarities of mathematical training of primary education specialists. The role of problem solving in the training of future teachers is considered. The article proves that mathematical training on the one hand is a component of training of future teachers, and on the other an important independent component of the educational process of a modern high education. An urgent problem in the implementation of professional orientation is the solution of text tasks, which contributes to the development of the creative personality of the future specialist of primary education, the formation of his scientific worldview.

Ключові слова: *математична підготовка, професійна підготовка майбутніх фахівців початкової освіти, розв'язування задач, види задач, заклад вищої освіти.*

Keywords: *mathematical training, professional training of future specialists of primary education, task solving, types of tasks, institution of high education.*

Сучасному суспільству потрібні відповідальні люди, які можуть самостійно приймати й ухвалювати рішення, прогнозувати їх можливі наслідки; здатні до мобільних, і конструктивних змін, тобто – інноваційні та креативні фахівці. У руслі цих вимог на систему вищої освіти нашої держави покладено завдання якісної професійної підготовки взагалі, педагогічної – зокрема.

Важливо зазначити, що в умовах сьогодення вітчизняними та зарубіжними вченими розроблено ефективні методики формування операцій лѣчби, навичок обчислень та розв'язання сюжетних задач (Н. Глузман, Н. Листопад, О. Онопрієнко, С. Скворцова та ін.).

Важливо зауважити, що відповідно до нового Державного стандарту початкової освіти основною метою освітньої галузі «Математика» є формування в учнів математичної компетентності на рівні, достатньому для забезпечення життєдіяльності в сучасному світі, успішного оволодіння знаннями з інших освітніх галузей у процесі шкільного навчання, забезпечення інтелектуального розвитку учнів, розвитку їх уваги, пам'яті, культури мислення та інтуїції [1].

У Миколаївському національному університеті імені В. О. Сухомлинського при вивчені курсів «Математика» і «Методика навчання математики» для студентів спеціальності 013 Початкова освіта навчальна діяльність передбачає двосторонню вза-

ємодію між викладачем та студентами. Теоретичний курс математики у професійній підготовці майбутніх педагогів покликаний дати глибокі знання з основ предмета, логіки його побудови.

На заняттях з методики навчання математики при розв'язуванні сюжетних задач у студентів відпрацьовуємо не тільки уміння грамотно будувати запитання для розбору задачі, а й самостійно класифікувати об'єкти, виділяти і встановлювати взаємозв'язки між явищами, що, в свою чергу, сприяє формуванню математичного стилю мислення.

На формування математичної грамотності фахівців початкової освіти впливає рівень складності змістових ліній Державного стандарту та освітніх програм. Для прикладу виокремлюємо змістову лінію «Сюжетні задачі» у змісті початкового курсу математики та здатність майбутніх учителів розв'язувати текстові задачі арифметичним (та або алгебраїчним) способом.

В основі цього процесу лежить розуміння сутності арифметичних дій і вміння перекладати залежності між величинами, про які йдеться в умові, математичною мовою. Проте, у деяких студентів, процес встановлення необхідної дії навіть під час розв'язування простої задачі може викликати певні труднощі. Для складеної задачі вибір дії ще більше ускладнюється: необхідно вказати не лише дії, але й порядок їх виконання.

Оскільки розв'язування простих задач залежить від розуміння ними суті арифметичних дій, то, класифікуючи прості задачі, виділяють три основні їх види: задачі, які розкривають конкретний зміст арифметичних дій; задачі, пов'язані з поняттями різницевого чи кратного відношення двох чисел; задачі, які розкривають зв'язки між компонентами та результатами арифметичних дій. До окремих видів віднесено задачі на ділення з остачею, знаходження частини числа, знаходження числа за його частиною [3; 4].

Важливо, як вважає К.Авраменко, щоб в умовах закладу вищої освіти майбутні педагоги набули досвіду роботи над простими та складеними задачами та були готові запропонувати школярам працювати над ними фронтально, індивідуально чи у групі [2]. Саме тому на практичних заняттях з методики навчання математики ми використовуємо ігрові та інтерактивні технології, моделювання та прийоми активізації розумової діяльності студентів.

Крім того, коментоване розв'язування задач дозволяє майбутнім учителям обґрунтувати та відстоювати свої думки міркувань, що, в цілому, сприяє формуванню в них грамотної математичної мови.

Ми погоджуємося із думкою С. Сковрцової, яка вважає, що самостійне розв'язування задач

майже завжди є творчим процесом, тому важливо, щоб здобувачі освіти (школярі / студенти), яким ще складно працювати без сторонньої допомоги, розв'язували задачі «напівсамостійно» [3].

Таким чином, усвідомлення математики як специфічного способу мислення, розуміння ними діалектичного зв'язку із реальною дійсністю, уявлення про математичне моделювання сприяють розвитку творчої особистості майбутнього вчителя, формуванню його наукового світогляду.

Список використаних джерел

1. Новий Державний стандарт початкової освіти. URL: nus.org.ua/uryad-opublikuvav-novuj-derzhstandart-pochatkovoj-osvity-document.pdf.

2. Підготовка майбутніх фахівців початкової освіти до роботи в умовах Нової української школи: колективна монографія / за заг. ред. Проф. Якименко С.І. Миколаїв: СПД Румянцева, 2020. с. 93-109

3. Сковрцова С. Методика навчання розв'язування сюжетних задач у початковій школі. Навчально-методичний посібник для студентів. Ч.ІІ: Методика формування в молодших школярів умінь розв'язувати задачі певних видів. Одеса, 2011. 156 с.

4. Типові освітні програми для закладів загальної середньої освіти: 1-2 клас та 3-4 класи К.: Видавництво «Світоч», 2019. 336 с.

UDS 378.78

Стукало Елена Анатольевна

аспирант кафедри иностранной филологии и перевода,

Национальный университет биоресурсов и природопользования Украины (Киев, Украина)

старший преподаватель кафедры филологии

Днепровского государственного аграрно-экономического университета

(Днепр, Украина)

[DOI: 10.24412/2520-6990-2021-794-20-22](https://doi.org/10.24412/2520-6990-2021-794-20-22)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ ВЕТЕРИНАРОВ

Stukalo Elena Anatolevna

PhD student of Department of Foreign Philology and Translation, National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine)

Senior teacher of Philological Department, Dnipro State University of Agriculture and Economics (Dnipro, Ukraine)

THE USE OF INTERACTIVE TECHNOLOGIES IN THE TRAINING OF FUTURE VETERINARIANS

Аннотация.

В результате анализа научных педагогических источников, выяснено сущность, задачи, принципы, структуру, формы и методы интерактивного обучения в высшем учебном заведении. Раскрыты особенности применения интерактивных технологий обучения в профессиональной подготовке будущих ветеринаров. Обоснована целесообразность использования интерактивных технологий для реализации профессиональных процессов в университете.

Abstract.

As a result of the analysis of scientific pedagogical sources, the essence, tasks, principles, structure, forms and methods of interactive teaching in a higher educational institution have been clarified. The features of the use of interactive teaching technologies in the professional training of future veterinarians are revealed. The expediency of using interactive technologies for the implementation of professional processes at the university has been substantiated.

Ключевые слова: интерактивные технологии, профессиональное образование, профессиональная подготовка, высшее учебное заведение, педагогическое взаимодействие.

Keywords: interactive technologies, vocational education, professional training, higher educational institution, pedagogical interaction.

Introduction. Modern education has many tasks, the main of which is to train qualified professionals, motivated, focused and able to adapt to market demands, the ever increasing demands of consumers who realize themselves in the professional sphere. An important component of training specialists in the field of agriculture is the formation of practical skills to perform professional functions. To ensure the conditions of specialist training in the real environment of future professional activity, practice is provided. Professional skills can also be practiced in professional disciplines classes in conditions close to real. For this purpose it will be expedient to use active and interactive teaching methods (discussions, didactic games, modeling of production situations, etc.), which will reflect the essence of the future profession, form the professional qualities of specialists.

Analysis of recent researches and publications. In modern conditions, an important requirement of society to the individual is not the encyclopedic knowledge, but the acquisition of certain skills and abilities that contribute to the development and self-realization of the individual. This task is largely solved through the introduction of innovative technologies, among which an important role is played by interactive teaching methods [1, p. 58].

Disclosure of the essence of interactive technologies in high school was the subject of research of many scientists who consider interactive approaches the most effective, because they put the student in an active position of independent learning [5, p. 225]. An analysis of publications on the use of interactive technologies provides an opportunity to note that a significant amount of research has been devoted to this problem. In particular, O. Pometun analyzes the possibilities of using interactive learning technologies during classes at the modern level [6]. T. Dutkevych explores the psychological foundations of the use of interactive teaching methods in the training process of specialists with higher education [2].

S. Kashlev considers interactive learning as an innovative pedagogical phenomenon and offers a theoretical justification for the peculiarities of the use of interactive teaching methods in the pedagogical process [3]. Interactive technologies as a component of the educational process were also studied by L. Ampilohov, O. Komar, V. Melnyk, L. Pavlov, L. Pirozhenko, M. Skrypnyk, N. Suvorova, etc.

Aim of research. The purpose of the article is to determine the features of the use of interactive technologies as an optimal learning environment for the training of future veterinarians.

Presentation of the main research material. To successfully study in a modern higher education institution, a student must be active and ready for intense mental activity. There will not be enough explanations and demonstrations to obtain stable and conscious

knowledge. The search for conditions that would intensify cognitive activity at the level of innovations related to the organization, forms and methods of teaching, naturally leads to the introduction of interactive teaching methods in the educational process. In the process of finding a definition that would reflect the new content of learning interactions, the term “interactive learning” appeared.

Interactive is a special form of organization of cognitive activity, one of the tasks of which is to create comfortable learning conditions in which each participant in the process feels his intellectual ability. “Interactive” means the ability to interact in a conversation, dialogue with something (computer) or someone (person). Thus, interactive learning is first of all dialogical learning, during which the interaction of teacher and student is carried out.

The main purpose of the pedagogical process from the standpoint of humanistic philosophy is to reveal and create conditions for the maximum development of individual capabilities. One of the components of the pedagogical process, according to S. Kashlev, is “pedagogical technologies as a set of ways of pedagogical interaction, the consistent implementation of which guarantees the solution of pedagogical problems” [3, p. 8].

The word “interactive” (from the English interact, where “inter” – mutual and “act” – to act) means the ability to interact, to engage in dialogue. Interactive learning is a special form of organization of cognitive activity, which has a specific, predictable goal – to create a comfortable learning environment in which everyone who learns feels his success, intellectual ability. The essence of interactive learning is that the learning process takes place under the condition of constant, active interaction of all participants.

The term “interactive learning” began to be used from the end of 90s of the twentieth century and, according to scientists, has the following classification features: from the point of view of philosophy – it is a dialectical process; by focusing on personal structures, it can be described as informational and operational at the same time; by the nature of the content – general, social, psychological, pedagogical, cultural; by the mechanism of assimilation – as associative and reflex; by the main factor of development – as sociogenic; by approach to personality – as anthropocentric; by the prevailing methods – as a problem-oriented, explanatory and illustrative; by cooperation of participants – as group, pair, frontal, individual; by organizational forms – as an alternative to traditional classroom, as innovative, in which classes are held in the active form of problem lectures, seminars, brainstorming, psychodrama, debate, dialogue, polylogue, press conference, business and didactic games, trainings, etc. (in general, more than 2000 types of interaction are used in business and education today) [4, p. 16].

Thus, interaction can be interpreted as enhanced activity between subjects of the educational process, and the use of interactive teaching methods – as ways of purposeful enhanced interaction between teacher and students, the interaction of participants in the pedagogical process through the prism of their own individuality, personal life experience to create optimal training conditions for future professionals. Pedagogical interaction is characterized by a high level of communication intensity of its participants, their communication, exchange of activities, change and diversity of their types, forms and techniques, purposeful reflection by participants of their activities and interactions. Interactive forms of learning help to make each student not only a listener or observer, but also an active participant in the learning process. We agree with the opinion of T. Dutkevych that the psychological essence of interactive learning is interpersonal interaction in the process of communication and cooperation between participants in the educational process [2].

Among the basic conceptual bases of effective introduction of pedagogical innovations of interactive character in educational process of higher educational institutions are defined as follows:

- systematic analysis of technological processes, techniques, means of interactive technologies as an optimal educational environment for the training of specialists in agriculture, which includes the profession of veterinarian;
- systematic study of information on the use of interactive technologies in the training of future veterinarians, which has theoretical and practical significance for their professional growth;
- development of methods for the use of interactive technologies in the training of future veterinarians;
- determination of optimal pedagogical conditions for effective implementation of interactions in the process of professional training of future veterinarians, which provides not only professional training of students, but also their direction to the fullest self-realization, development of individuality, independence, openness to self-improvement.

All this determines the strategy and tactics of building a modern system of professional training of future veterinarians in higher education institution and the creation of a set of optimal conditions for teachers to self-development of students, their self-realization in the conditions of interactive learning. After all, the use of interactive methods gives students the opportunity to test their professional abilities and skills in practice in the process of active participation in professionally oriented interactions.

The use of interactive technologies in professional training of future veterinarians will contribute not only to the improvement of the process of professional education of students and better mastering of theoretical program material, but also to the general development

of future doctors, providing each of them with optimal opportunities for personal development.

When using interactive technology in the professional process training of future veterinarians, it is advisable to take into account the leading function of these innovations in pedagogical interaction. According to this criterion, interactions are classified into the following groups of methods:

- creating a favorable atmosphere, organization of communication;
- organization of activities exchange;
- organization of thinking;
- organization of reflective activity;
- integrative (interactive games) [3, p. 23].

Conclusion and propositions. Thus, integrative methods (interactive games) are ways of pedagogical interaction between teacher and students, which integrate all the leading functions of interactive teaching methods. It is simulated game situations can be a prototype of professional activity of future veterinarians, which allows students to actively test such actions of agriculture sphere specialist while studying in higher education institution by actively participating in such interactions. Thus, higher education institutions must create conditions for specialists quality training, introduce new pedagogical methods, technologies, interactive teaching methods aimed at developing practical skills, creativity, abilities and inclinations of the individual.

References.

1. Гай Н.М. Використання інтерактивних технологій на уроках спеціалізації. Педагог професійної школи: методичний посібник; за заг. ред. Т.М. Герлянд. К.: ППО АПН України, 2009. Вип. 1. С. 57-64.
2. Дуткевич Т. В. Психологічні основи використання інтерактивних методів навчання у процесі підготовки спеціалістів з вищою освітою. Використання інтерактивних методів та мультимедійних засобів у підготовці педагога: зб. наук. праць. Кам'янець-Подільський: Абетка-Нова, 2003. С. 26–33.
3. Кашлев С. С. Технология интерактивного обучения. Мн.: Белорусский верасень, 2005. 196 с. (Педагогика, обращенная в завтра).
4. Мельник В. В. Інтеракція в освітньому процесі: технологія організації. Управління школою, 2006. № 23 (133). С. 15–35.
5. Підласий І. П. Практична педагогіка або три технології : інтерактивний підручник для педагогів ринкової системи освіти. К.: Видавничий Дім «Слово», 2004. 616 с.
6. Пометун О. І., Пироженко Л. В. Сучасний урок. Інтерактивні технології навчання: наук.-метод. посібник; за ред. О. І. Пометун. К.: Видавництво А.С.К., 2004. 192 с.

Уста-Азизова Дилноза Ахраровна,
канд. пед. наук, доцент
Хикматов Жавохирбек Шерали угли,
студент

Мухаммаджонова Ойазимхон Махмуджон кизи
студентка

Ташкентский педиатрический медицинский институт
Узбекистан

ПРИНЦИПЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ ОТРАЖАЮЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В МЕДИЦИНСКИХ ВУЗАХ

Usta-Azizova Dilnoza Akhbarovna,
Cand. ped. Sciences, Associate Professor
Hikmatov Zhavohirbek Sherali ugli,
student

Muhammadjonova Oyazimkhon Mahmudjon Gizi
student

Tashkent Pediatric Medical Institute
Uzbekistan

PRINCIPLES OF PROFESSIONAL TRAINING REFLECTING THE LAWS OF THE EDUCATIONAL PROCESS IN MEDICAL UNIVERSITIES

Аннотация

В статье представлена информация о принципах профессионального медицинского обучения. Принципы обучения имеют значение и для определения содержания, форм, обучения методов и организации профессионального медицинского обучения. Благодаря специфике процесса обучения в медицинских учебных заведениях наряду с общеизвестными появляются принципы, отражающие закономерности учебно-воспитательного процесса в медвузах.

Abstract.

The article presents information on the principles of professional medical training. The principles of training are also important for determining the content, forms, teaching methods and organization of professional medical training. Due to the specifics of the educational process in medical schools, along with the well-known principles that reflect the patterns of the educational process in medical schools.

Ключевые слова: принципы обучения, дидактические принципы, содержание, формы, методы.

Keywords: principles of teaching, didactic principles, content, forms, methods.

В дидактике профессионального образования принципы процесса профессионального обучения являются важнейшей категорией. Они связаны с целями обучения и воспитания и имеют исторический характер; некоторые из них утрачивают свое назначение, другие перестраиваются, возникают новые принципы, которые отражают современные требования общества и науки к обучению. Принципы обучения имеют значение и для определения содержания, форм, методов и организации профессионального медицинского обучения. Благодаря специфике процесса обучения в медицинских учебных заведениях наряду с общеизвестными появляются принципы, отражающие закономерности учебно-воспитательного процесса в медвузах.

Дидактические принципы отражают взаимосвязи в теоретическом и производственном обучении между целью, содержанием, методами, формами организации, средствами и результатами обучения: между различными частичными процессами преподавания и учения; между воспитательной и трудовой деятельностью; между различными звеньями или этапами обучения и между педагогическим и трудовым процессами; между руководством

учебным процессом и самостоятельностью учащихся; между коллективным развитием и развитием каждого учащегося в отдельности и др.

Принципы дидактики характеризуются как *своеобразную определенную систему исходных, основных дидактических требований к процессу обучения (в том числе и медицинской сфере), выполнение которых должно обеспечивать его необходимую эффективность*. В труде П.И. Пидкасистого они характеризуются как «...общие нормы организации учебного процесса, которые являются общими ориентирами для планирования, организации и анализа практики обучения». Принципы же воспитания представляют собой основополагающие четко сформулированные требования, которые направляют педагогическое мышление и действия воспитателей.

При формулировании и характеристике педагогических принципов иногда имеется в виду, что кроме принципов дидактики и принципов воспитания есть еще и общие принципы педагогического процесса. В некоторых случаях считается, что принципы воспитания имеют общий характер по

отношению ко всему процессу и их действие распространяется как на систему внеаудиторной воспитательной работы, так и на процесс обучения (если понятие «воспитание» считается общим по отношению к понятию «обучение»).

Если учесть, что, во-первых, обучение имеет воспитывающий характер, а воспитание включает в себя элементы обучения и, во-вторых, что принципы являются ориентирами для планирования, организации и анализа практики обучения и воспитания, что они должны направлять действия преподавателей, то этих направляющих положений не должно быть много. Человек (специалист), руководствующийся в своей повседневной деятельности определёнными положениями, должен их постоянно удерживать в сознании, ориентироваться на них. Если же их слишком много, возможно ли пользоваться ими как рабочими инструментами? Кроме того, если понятия и сами процессы обучения и воспитания трудно разделить в мышлении и на практике, то обязательно ли выделять принципы обучения и воспитания, особенно в условиях продолжающейся интеграции этих принципов на основах идей деятельностного, личностного подходов в обучении и воспитании и гуманизации педагогического процесса?

Система общественных отношений, педагогическая наука в лице её наиболее талантливых представителей, как в Узбекистане, так и во всем мире, формулируют принципы обучения и воспитания, раскрывающие пути достижения цели формирования личности в соответствии с общественным идеалом. А педагогическая система и конкретные педагоги, воспринимают эти принципы и реализуют их требования в меру своих индивидуальных возможностей и в зависимости от требовательности системы и всего общества к исполнению этих основоположений.

В учебном пособии под редакцией В.А.Сластёнина, педагогический процесс рассматривается как единая целостная система. И педагогические принципы рассматриваются как принципы целостного педагогического процесса. Они разделяются на две группы:

1. Принципы организации педагогического процесса - гуманистической направленности педагогического процесса, связи с жизнью и производственной практикой; научности; соединения обучения и воспитания с трудом, преемственности и систематичности; наглядности; эстетизации детской жизни;

2. Принципы управления деятельностью воспитанников – сочетание педагогического управления с развитием инициативы и самостоятельности воспитанников, сознательности и активности учащихся; сочетания уважения с разумной требовательностью к воспитаннику; опоры на положительное в человеке, согласованности требований школы, семьи и общественности, сочетания прямых и параллельных педагогических действий; доступности и посильности обучения, учета возрастных и индивидуальных особенностей, прочности и

действенности результатов образования, воспитания и развития.

В наибольшей степени принципы зависят от цели воспитания. Выраженная в практическом, рабочем отношении и содержании образования и воспитания общая цель воспитания является тем императивом, который определяет характер и содержание системы принципов обучения и воспитания. Их требования реализуются через формы учебно-воспитательной работы как определенное сочетание средств и методов, обеспечивающих освоение воспитанниками содержания образования и воспитания, и достижение тем самым цели воспитания. Таким образом, требования принципов определяют, в каких организационных формах должен осуществляться педагогический процесс, чтобы пути освоения содержания медицинского образования были наиболее рациональными, и чтобы его освоение обеспечивало достижение цели воспитания.

Основополагающие принципы организации подготовки будущего врача и всего медперсонала, использующиеся в настоящее время, включают большое количество дисциплин, как теоретических, так и клинических, преподавание которых осуществляется на различных кафедрах.

Объем и содержание необходимого учебного материала образовательной программы, количество аудиторных и внеаудиторных часов, формы контроля по дисциплинам определяется государственным образовательным стандартом высшего и среднего профессионального образования Республики Узбекистан.

Образовательный процесс в медицинском вузе направлен на освоение студентом-медиком соответствующего содержания обучения в рамках государственного образовательного стандарта, а также на достижение целей обучения, которые сформулированы в квалификационной характеристике специалиста.

Существенным достоинством традиционной высшей медицинской школы всегда являлась направленность на углубленную подготовку студентов как по теоретическим, так и по клиническим дисциплинам. Много времени традиционно уделялось и в настоящее время уделяется на обучение студентов так называемой «постели больного», на демонстрацию и разбор клинических наблюдений, на освоение практических навыков, что способствует формированию у студента основ клинического мышления.

Несмотря на трудности в процессе получения медицинского образования, для дальнейшей плодотворной научно-клинической деятельности в стране созданы все необходимые условия. Это непременно должно привести к тому, что наша медицинская наука будет в ногу со временем и даже опережать его, будет достойно служить великому делу процветания нашей независимой Родины.

Литература

1. Белагурова В.А. Научная организация учебного процесса. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2006.
2. Пидкасистый П. И., Воробьева Н. А. Подготовка студентов к творческой педагогической деятельности: учебно-методическое пособие - Москва: Педагогическое общество России, 2007.
3. Слостенин В.А., Исаев И.Ф., Шиянов Е.Н. Общая педагогика Под редакцией В.А.Слостенина В двух частях. Изд.Владос. Москва, 2003.

4. Уста-Азизова Д.А. Методика профессионального обучения. Учебное пособие. – Т., 2015.

5. Уста-Азизова Д.А., Артыкова С., Махкамова Ш. Формирование и развитие активности учащихся. Международная научно-практическая конференция «Интерактив плюс» Современная образовательная среда: теория и практика. Чебоксары, 2018. С.21-24.

Уста-Азизова Дилноза Ахраровна,

канд. пед. наук, доцент

Бекмуллина Лаура,

студентка

Бекназарова Сарвиноз,

студентка

Даминова Фариди

студентка

Ташкентский педиатрический медицинский институт

Узбекистан

ПРОЦЕСС РАЗВИТИЯ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ К БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВРАЧА

Usta-Azizova Dilnoza Akhbarovna,

Cand. ped. Sciences, Associate Professor

Beckmullina Laura,

student

Beknazarova Sarvinosis,

student

Daminova Farida

student

Tashkent Pediatric Medical Institute

Uzbekistan

THE PROCESS OF DEVELOPING STUDENTS' PREPARATION FOR FUTURE PROFESSIONAL ACTIVITY OF A DOCTOR

Аннотация.

В статье представлена информация о процессе развития подготовки студентов к будущей профессиональной деятельности врача. Профессиональная деятельность всё больше усложняет проблему обучения, воспитания и развития учащихся на всех этапах становления человека. С самых первых шагов приспособления ребенка к окружающему миру идёт на уровне первоначальных знаний, навыков и умений, которые приобретает ребенок в семье, затем в школе. При этом у него накапливаются задатки будущей трудовой и профессиональной деятельности человека, независимо от того, в какой сфере ему предстоит работать в дальнейшем.

Abstract.

The article presents information about the process of development of students' preparation for future professional activity of a doctor. Professional activity increasingly complicates the problem of education, upbringing and development of students at all stages of human development. From the very first steps of the child's adaptation to the world around him goes at the level of initial knowledge, skills and abilities that the child acquires in the family, then in school. At the same time, he accumulates the makings of a person's future labor and professional activity, regardless of the field in which he will work in the future.

Ключевые слова: *принципы обучения, дидактические принципы, содержание, формы, методы.*

Keywords: *principles of teaching, didactic principles, content, forms, methods.*

В современном мире каждому человеку, несмотря на то, закончил он высшее образование или только среднее, всё же рано или поздно приходится определяться в своей профессии или специальности. Сейчас современное разделение труда требует

подготовки будущих рабочих и специалистов по тысячам профессий и специальностям, каждая из которых имеет свою специфику. Профессиональная деятельность всё больше усложняет проблему обучения, воспитания и развития учащихся на всех

этапах становления человека. С самых первых шагов приспособления ребенка к окружающему миру идёт на уровне первоначальных знаний, навыков и умений, которые приобретает ребенок в семье, затем в школе. При этом у него накапливаются задатки будущей трудовой и профессиональной деятельности человека, независимо от того, в какой сфере ему предстоит работать в дальнейшем.

Во все времена передача трудового и профессионального опыта от поколения к поколению, задачи профессиональной и трудовой подготовки подрастающих поколений, занимало важную роль.

В жизни, как в повседневной жизни, так и в профессиональной деятельности, каждый из нас сталкивается с проблемами воспитания, образования и обучения. Это может быть в качестве родителя, учащегося, наставника, преподавателя, организатора, руководителя и т.д. Каждому человеку необходимо владение педагогическими умениями и навыками, чтобы решать такие проблемы. Однако такого опыта недостаточно, чтобы решать проблемы, связанные с воспитанием, образованием и обучением. Масштаб возможностей человека в решении проблем воспитания, образования и обучения существенно расширится, если он в деятельности будет основываться на знаниях научной педагогики, освоит передовые методики воспитания, образования и обучения.

В настоящее время возрастающий поток информации во всех областях человеческой деятельности требует постоянного расширения, обновления знаний и перехода к иному, чем раньше принципу обучения.

К системе образования предъявлены новые требования, которые бы обеспечивали подготовку выпускников к работе в новых резко изменяющихся социально-экономических условиях, конкретизирующихся открытием новых границ, информатизацией образования, использованием современных технологий.

Новые методики требуют пересмотра используемых методик в подготовке специалистов. Следовательно, на первый план выходит задача принципиально нового проектирования модели методик обучения, конструирования содержания и организации содержательной учебной информации, педагогической деятельности обучающего и учебной работы обучающегося в образовательном пространстве.

Основываясь на принципах воспитания, методика профессионального обучения раскрывает цели обучения конкретной учебной дисциплине, ее значение для развития обучающегося, вскрывает закономерности усвоения знаний, умений и навыков и формирования убеждений, определяет объем и структуру содержания образования, совершенствует методы и организационные формы обучения, воспитывающее воздействие педагогического процесса на личность обучающегося.

Именно поэтому процесс развития профессионализма врача у студентов становится для них ситуацией не только определяющей развитие самой

личности, но и формирует у них готовность к жизненной самореализации. Формируя высококачественные профессионально-ориентированные знания, умения, навыки, профильное медицинское образование должно обеспечить студенту-медику реальную связь характеристик образа будущей профессиональной медицинской деятельности с параметрами общественных и лично значимых качеств.

В условиях совершенствования составляющей медицинской деятельности, снижение престижа врачебной деятельности на первое место выходит не просто обучение студентов-медиков знаниям, умениям и навыкам, а личность обучающегося, как будущего врача, ориентированного, прежде всего, на оказание квалифицированной помощи пациентам. Стремление к личностно-профессиональному развитию, освоению врачебной деятельности, осознание ее социальной значимости, нахождение смысла в учебно-профессиональной деятельности определяются профессиональной мотивацией студентов-медиков.

Традиционная система профессиональной подготовки будущих врачей, характеризующейся высоким уровнем интеллектуальной и эмоциональной напряженности, направленной на освоение широкого круга медицинских знаний, в недостаточной степени способствует формированию у студентов-медиков представления о врачебной деятельности, интересу к ее содержанию и задачам. В связи с этим к моменту окончания обучения в медицинском вузе значительное число студентов не готово к выбору врачебной специализации. Изучение психолого-педагогических условий развития профессиональной мотивации, обуславливающей стремление студентов к достижению высоких результатов, самореализации в учебно-профессиональной и будущей врачебной деятельности, позволит более оптимально организовать профессиональное становление будущего врача.

Структура подготовки к врачебной профессии имеет глубокие исторические корни. Еще Гиппократ, Авиценна, А.Молль, М.Я.Мудров, и др., отмечали важность формирования у врача не только профессиональных знаний и умений, но и развития его личностных качеств. В настоящее время личность врача рассматривается как центральный компонент системы врачебной деятельности, обеспечивающий ее направленность и успешность функционирования в решении гуманистической цели врачебного труда (Б.А.Ясько, 2005).

В силу специфики врачебной профессии важнейшим звеном профессиональной подготовки студента-медика является становление его профессиональной идентичности, содержательный компонент которой определяется особенностями профессии, раскрывающимися в следующих взаимосвязанных составляющих: профессиональной деятельности, профессиональном общении, личности профессионала, профессиональной морали и нравственности, при этом в качестве системообразующего компонента выступает морально-нравственный компонент.

Таким образом, в период профессионального обучения в силу таких его особенностей как частичная, опосредованная включенность студента в профессию, отсутствие опыта самостоятельной профессиональной деятельности, происходит преимущественно становление онтогенетически более раннего социального аспекта профидентичности будущего врача, что проявляется в изменении следующих показателей: содержание образа профессии и образа профессионала, принятие профессиональных норм и требований, реальное включение студентов в профессиональное сообщество. Применение лично ориентированных технологий образования позволяет создать в образовательном процессе вуза психолого-педагогические условия, способствующие повышению эффективности процесса профессиональной идентификации студентов-медиков. При этом основными условиями, позволяющими оптимизировать этот процесс, является активное и целенаправленное взаимодействие студента и преподавателя, актуализация субъектного уровня отношения студента к миру, учет особенностей и сензитивных периодов развития каждой составляющей профидентичности, что позволяет

обеспечить начальный уровень обретения профессиональной идентичности студентом.

Литература

1. Бабанский Ю.К. Педагогика: Учеб. Пособие для студентов пед. институтов.– М., «Просвещение», 1988. – 479с.
2. Врач-педагог в изменяющемся мире: традиции и новации / Под редакцией академика РАМН, проф. Н.Д. Ющука – М.: ГОУ ВУНМЦ, 2005. – 336с.
3. Кукушин В.С. Теория и методика воспитательной работы. Учеб. пособие. – Ростов-на-Дону: Март, 2002. – 320 с.
4. Лихачев Б.Т. Педагогика. – М.: Юрайт, 2003. – 607 с.
5. Скибицкий Э.Г., Толстова И.Э., Шефель В.Г. Методика профессионального обучения. Учебное пособие. Новосибирск, 2008.
6. Уста-Азизова Д.А., Абдуллахужаева Г. Основные навыки психолого-педагогического профессионального общения в медицине. Colloquium-journal. Научный журнал №1 (25), Польша, январь, 2019. С.57-59.

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

УДК:159.99

*Воротникова Ю.С.,
Корпоративный университет, ООО СИБУР
Маркисова К.*

МАОУ «Лицей № 38»

[DOI: 10.24412/2520-6990-2021-794-27-33](https://doi.org/10.24412/2520-6990-2021-794-27-33)

**ТИП УСТАНОВОК СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОМПЕТЕНЦИЙ БУДУЩЕГО**

*Vorotnikova Yu.S.,
Corporate University, SIBUR LLC
Markisova K.
MAOU "Lyceum № 38"*

**TYPE OF INSTITUTIONS OF MODERN YOUTH THROUGH THE PRISM
OF COMPETENCIES OF THE FUTURE**

Аннотация.

В статье проанализирована типология установок личности, влияющих на успешность индивида; проведена корреляция с востребованными навыками будущего и описаны результаты диагностики современных подростков, а также приведен лингвокогнитивный анализ для подтверждения выводов по исследованию о доминанте фиксированного типа мышления молодежи.

Abstract.

The abstract shows the results of the research dealing with determining of contemporary teens' mindset in order to reveal if the teens are ready for demands of the future jobs. To prove the research results there is linguistic cognitive analysis of teens discourse to show the tendency of fixed mindset frequency among generation Z.

Ключевые слова: установка на рост, поколение Z, компетенции будущего

Keywords: fixed and growth mindset, generation Z, competences of future

В современном обществе наблюдается активная трансформация рынка труда, ключевые тренды которой освещены подробно в докладе WEF «Future of Jobs» [8]. В этом докладе отображена ситуация в сфере рабочих мест в будущем и отслеживаются темпы изменений на основе опросов ведущих представителей деловых кругов и специалистов по кадровой стратегии во всем мире. При этом среди основных выводов в данном докладе показан набор востребованных компетенций специалистов 2025 года, в линейке которых особое место занимает навык «непрерывного обучения» и формирование устойчивой установки на рост.

Это обусловлено тем, что мир, в котором мы живем, становится с каждым годом сложнее: увеличивается поток информации, растут нагрузки на психику, сам человек претерпевает значительные трансформации. Личность в социуме поставлена перед необходимостью решать всё более ответственные задачи, включаться в новые общественные и межличностные отношения, учитывать большее количество факторов, способствующих успешной и продуктивной деятельности. Быстрое изменение природной и социальной среды заставляет человека искать новые формы и алгоритмы поведения, позволяющие выжить в новой ситуации, адаптироваться к ней, используя при этом свой прошлый жизненный опыт, умственные способности, творческий потенциал активность и инициативность.

С учетом прогнозов, которые даны в отчете «The future of Jobs», к 2025 году будет нарастать кризис рабочего капитала, когда дефицит специалистов с нужным набором компетенций составит до 64% [8]. В связи с этим возникает вопрос, насколько готово текущее поколение школьников к вызовам будущего? Какой тип мышления и установок на развитие у них преобладает, чтобы обеспечить быструю адаптивность к новым условиям труда? Именно эти аспекты исследованы в настоящей работе, которая направлена на изучение некоторых когнитивных параметров современной молодежи на примере выборки учащихся 10 классов г. Нижний Новгород МАОУ «Лицей № 38».

До старта диагностики школьников как фокус группы, на примере которой можно сделать выводы по доминирующим установкам, отметим, что подавляющее большинство работодателей считают, что навыки, необходимые для выполнения многих рабочих задач, существенно изменятся к 2025 году, при этом среднемировой показатель стабильности навыков (доли ключевых неизменных навыков) достигнет показателя 58% [4]. Такой прогноз наталкивает на вывод о развитии адаптивности и способности к обучению, который также подкреплен прогнозами по трансформации самих рабочих мест: прогресс в области автоматизации приведет к массовой замене рабочей силы. Охватывая краткосрочные или среднесрочные временные рамки, данный

анализ предлагает другую перспективу: работа, выполняемая в настоящее время людьми, будет дополняться автоматизированным трудом.

Согласно данным отчета “Future of Jobs”, к 2025 году у 54% сотрудников появится необходимость в повышении квалификации или переподготовке. Из них 35% сотрудников потребуются дополнительная подготовка в течение 6 месяцев, 9% сотрудников – от 6 до 12 месяцев, 10% сотрудников – более года [8]. Самыми востребованными навыками будут: аналитическое и инновационное мышление, а также активное обучение, которые можно развивать при соответствующей установке личности – установке на рост (growth mindset).

Для промышленных отраслей данная аналитика подразумевает следующее:

(а) во-первых, по мере того, как конкуренция за дефицитные квалифицированные таланты, способные воспользоваться возможностями Четвертой промышленной революции, усиливается и становится все более дорогостоящей, существует возможность поддержать повышение профессиональной квалификации текущих рабочих кадров относительно новых (и технологически реорганизованных) высококвалифицированных ролей для реализации своего полного трудового потенциала.

(б) Во-вторых, необходимость обеспечения достаточного резерва квалифицированных кадров создает для организаций возможность позиционировать себя как учебные организации и получать поддержку в профессиональной переподготовке кадров и повышению квалификации от широкого круга заинтересованных сторон.

(в) В-третьих, с нарастающей актуальностью привлечения талантов и менеджмента деятельности онлайн работников, традиционные отрасли также должны стратегически обдумать, как эти элементы могут быть применены к их задачам управления трудовыми ресурсами.

В настоящее время многие компании прилагают усилия к обучению сотрудников, занимающих ключевые должности, а также реализуя программы опережающего обучения, чтобы заранее сформировать целевой профиль компетенций у будущих сотрудников.

Так, например, компания СИБУР, которая является признанным лидером нефтехимической отрасли России, ключевой целью кадровой политики ставит доступ к талантливым российским инженерам, ученым и ИТ-специалистам мирового уровня, так как именно они принимают решения, генерируют технологические инновации и улучшения, внедряют проекты по модернизации производственных мощностей и обеспечивают их окупаемость в обновленной операционной модели. Помимо глубоких и постоянно актуализируемых профессиональных знаний и навыков, им важно владеть английским языком для того, чтобы быть в курсе современных мировых трендов нефтехимии, понимать основы экономики производства, уметь работать с цифровыми инструментами, добиваться результатов в кросс-функциональных командах.

Современный высококвалифицированный рабочий нефтехимического предприятия должен быть настоящим многопрофильным специалистом:

- совмещать функции оператора и аналитика;
- уметь работать с роботизированными системами и анализировать большие объемы данных для принятия решений по ведению оптимальных режимов работы;
- уметь обсуживать дорогостоящее технологическое оборудование;
- знать и соблюдать нормы и правила промышленной безопасности.

Наконец, такой рабочий должен обладать бизнес-мышлением: не только отрабатывать смену, но и видеть влияние своих действий/решений на экономику производства. С точки зрения личных установок, для кадрового потенциала критически важным является готовность сотрудников к постоянному обучению и повышению своей квалификации, творческой активности – поиску и внедрению идей по улучшению операционной эффективности. Все эти ожидания коррелируют напрямую с ожиданием работодателя у специалиста сформированной осознанной установки на рост и навыка постоянного обучения. Поэтому многие компании в своей рекрутинговой стратегии смещают фокус в сторону долгосрочного сотрудничества с учебными заведениями разного уровня и опережающей качественной подготовки будущих сотрудников под требования и стандарты СИБУРа еще в период либо обучения в вузе, а иногда и в период обучения в школе, реализуя как оффлайн форматы ранней подготовки, так и развивая онлайн практики повышения уровня компетенций [3]. Инвестируя в развитие вузовского обучения и тщательный отбор на программу, предусматривающий диагностику установок на развитие и способности к обучению, СИБУР повышает % успешно адаптировавшихся выпускников, наращивая скорость перехода молодых специалистов на целевые роли.

Приведенный пример показывает не только озабоченность компаний формированием раннего кадрового пула в контексте тревожных прогнозов по уровню развития человеческого капитала в будущем, но и важность осознанного отношения у молодежи к профессиональному развитию и базовых компетенций, востребованных в будущем, включая компетенцию адаптивности и установки на рост, с ранних лет.

Что такое установка на рост в текущем его понимании: growth mindset, или мышление роста, — убеждение человека в том, что его интеллектуальные способности могут совершенствоваться в течение всей жизни, если прилагать для этого усилия. В отличие от fixed mindset — убеждения в том, что интеллект человека — это фиксированная черта, growth mindset основан на том, что человек может развиваться постоянно [7].

Психолог Стэнфордского университета Кэрл Дуэк (Carol Dweck) более 20-ти лет занимается изучением образа мышления. Дуэк обнаружила, что можно выделить два типа мышления: фиксирован-

ное мышление и мышление роста. Её последнее исследование показало, что качество жизни в большей степени зависит от отношения к проблемам, а не от таланта или интеллекта. Одно из самых основных убеждений, имеющих у нас о себе, которые Дуэк обнаружила в своём исследовании, связано с тем, как мы рассматриваем свою личность и как мы её оцениваем. «Фиксированное мышление» предполагает, что наш характер, интеллект и творческие способности – статичные данности, которые мы не можем значительно изменить, а успех – это подтверждение наличия интеллекта, оценка того, как эти данности соответствуют такому же фиксированному стандарту; стремление к успеху и избегание неудач любой ценой становится способом поддержания ощущения собственного ума и квалифицированности. С другой стороны, «мышление роста» процветает на проблемах и видит поражения не как доказательство нехватки интеллекта, а как трамплин для роста и развития наших способностей. Из этих двух образов мышления, которые мы проявляем с раннего возраста, проистекает наше поведение, отношение к успехам и неудачам в профессиональной и личной сфере и в итоге наша способность к счастью [2].

Дуэк обнаружила, что именно установка на рост создаёт пристрастие к обучению, а не потребность одобрения. Его отличительная черта – убеждённость в том, что такие человеческие качества, как интеллект, творчество и даже способность к любви и дружбе, можно взрастить с помощью усилий и осознанной практики. Люди с таким мышлением не только не унывают при неудачах, но фактически они даже не воспринимают их как свой провал: они видят ситуацию как процесс собственного обучения. Дуэк и её команда обнаружили, что люди с фиксированным мышлением видят риск и усилия в некотором роде как проявление своей недостаточности, своё несоответствие неким требованиям [6].

Самый тревожный вывод команды исследователей был в отношении маркеров фиксированного мышления, которые можно обнаружить у детей: школьники с фиксированным мышлением, которых регулярно хвалят за традиционно положительные результаты, часто преувеличивают субъективную

оценку своих способностей, чтобы создать и поддерживать на внешнем периметре свой образ успешности без корреляции способностей с реальными результатами знаний/компетенций. Дуэк сетует: «...в фиксированном мышлении несовершенства зазорны, особенно если вы талантливы, поэтому они солгали. Что вызывает беспокойство, так это тот факт, что мы взяли обычных детей и превратили их в лунов, просто говоря им, что они умные. Это иллюстрирует основное различие между двумя менталитетами: для тех, у кого мышление роста, «личный успех – это когда ты работаешь изо всех сил, чтобы стать ещё лучше»; а для тех, у кого фиксированное мышление, «успех связан с установлением своего превосходства». Для последних неудачи – приговор и ярлык. Для первых – мотивирующая информация, которая открывает глаза.» [6].

Итак, представленный анализ показывает, что люди, у которых сформировано мышление или установка на рост, не боятся трудностей и неудач, а наоборот, относятся в таким вещам позитивно: негативный опыт — важнейший опыт, без которого движение к цели часто невозможно; growth mindset — это позитивное отношение к переменам, возможность человека легко выходить из зоны комфорта, а значит – быть адаптивным к быстро изменяющимся условиям, быть человеком, готовым к вызовам 21 века.

Какова доминирующая установка у современной молодежи – это ключевой фокус проведенного нами исследования: насколько современные подростки готовы к задачам и трансформациям рынка труда в будущем?

Первичное тестирование было направлено на изучение осведомленности учеников старших классов о типах мышления и важности компетенции непрерывного обучения.

Второй этап тестирования респондентов было направлено на определение установки на рост с последующим изучением результатов теста в корреляции с академической успеваемостью школьников. Для определения типа установок школьникам было представлено 7 утверждений, соответствующих тому или иному типу установок, или типу mindset (вопросы представлены ниже, взяты из опросников команды Дейк) [5]:

Прочтите каждое из представленных ниже утверждений и выберите один из вариантов. Помните, здесь нет верных или неверных ответов.

№	Вопрос	Варианты ответа
1	Каждый обладает определенным уровнем интеллекта, и это никак нельзя изменить.	
2	Можно узнать что-то новое, но интеллект никак нельзя изменить.	1 - Полностью не согласен
3	Если бы я заранее знал, что не справлюсь с каким-то заданием, то не стал бы даже начинать, даже если бы мог научиться чему-то.	2 - Не согласен
4	Интеллектуальные способности нельзя изменить.	3 - Частично не согласен
5	Для меня важнее научиться чему-то, а не получать отличные оценки.	4 - Частично согласен
6	Мне не хочется это признавать, но лучше бы я получал высокие оценки, а не учился чему-то.	5 - Согласен
7	Если бы мне пришлось выбирать между высокой оценкой и сложным заданием, я бы выбрал...	6 - Полностью согласен
		1 - высокая оценка
		2 - сложное задание

Результаты первого опроса показывают, что большая часть респондентов не знакома с типами установок и не ориентированы на непрерывное обучение. Однако в связи с интенсивной профориентацией относительно профессий и компетенций будущего среди респондентов, которые знакомы с понятиями «установка на развитие/ непрерывное обучение», практически все выделяли важность навыков, соответствующих growth mindset.

В рамках второго исследования были получены достаточно интересные результаты: все респонденты по итогам теста продемонстрировали доминанту установки на рост.

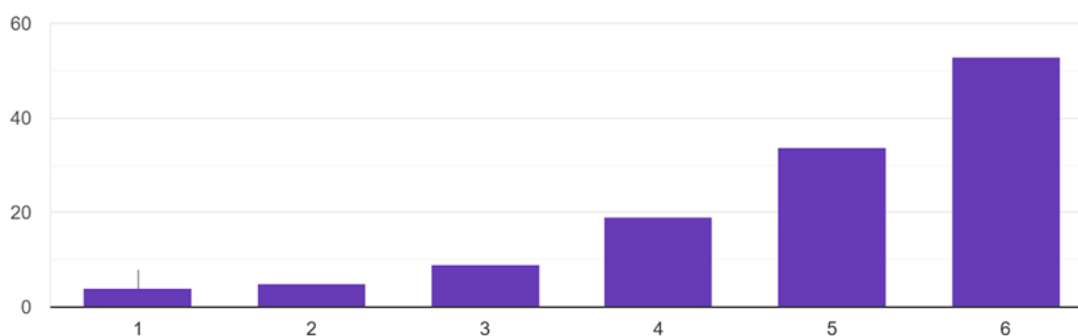
Между тем:

(а) корреляция между типом установки на развитие и стабильной академической успеваемостью не было обнаружено (коэффициент корреляции - 0.22).

(б) в результате наблюдений за поведением фокус группы демонстрируют ложную установку на рост: в тесте выбор респондентов указан на сложные задания, тогда как в реальности сразу после ответ на тест выбор школьников тяготеет к легким заданиям, например:

Для меня важнее научиться чему-то, а не получать отличные оценки.

124 ответа

1. Экспериментальной группе, состоящей из 27 человек (23% респондентов), в процессе обучения, на уроке русского языка было предложено выбрать один из двух вариантов: 1) более сложное задание с условием, что в журнал выставляются только оценки «хорошо» и «отлично»; 2) более простое задание. Только 3 человека (11%) выбрали первый вариант (как в реальности, так и в тесте при опросе), в то время как, 67% респондентов в опросе остановили свой выбор на более сложном задании, а в реальности попросили легкие задания.

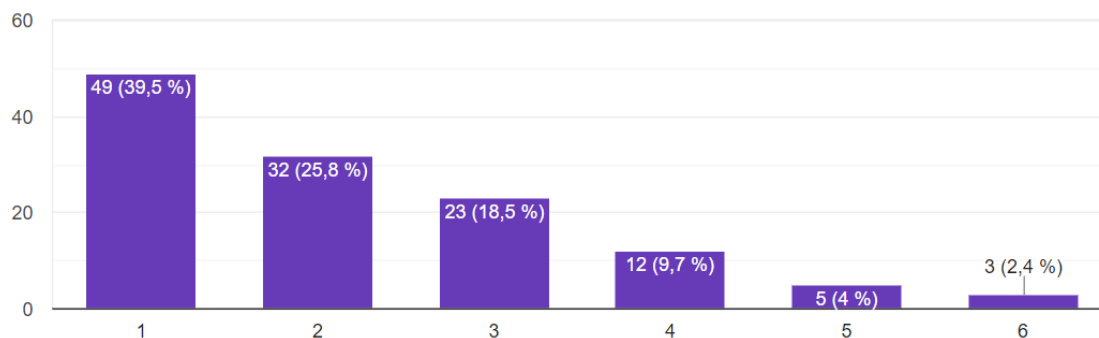
2. Той же экспериментальной группе было предложено пройти олимпиаду на общее логическое мышление с элементами математики (профильного для группы предмета). Согласились на участие лишь 14%: большинство мотивировало свой отказ недостатком необходимых знаний и навыков, но не отрицало возможность их получения в процессе выполнения заданий. Данная реакция экспериментальной группы противоречит статистике опроса (утверждение 5).

3. Тем же школьникам было дано задание: подготовить мини-проект по истории Великой Отечественной войны, а также на выбор несколько тем, среди которых были хорошо проработанные на уроке темы и менее изученные школьниками. В

процессе подготовки мини-проекта по последними темам необходимо было изучить новую информацию, получить новые знания. Более охотно школьники выбирали уже проработанные темы, что также противоречит результатам опроса (утверждение б)

Мне не хочется это признавать, но лучше бы я получал высокие оценки, а не учился чему-то.

124 ответа

Из этих противоречий следует вывод, что школьники имеют более высокое мнение о своем поведении в ситуациях, тестирующих их mindset, нежели их поведение в реальных ситуациях. Это говорит о том, что школьник понимает, как следует себя вести и как оправдать ожидания исследователей, но данные установки не отражаются в ежедневном поведении.

Противоречие результатов опроса и реальных ситуаций предлагаем трактовать как признак фиксированного мышления, при котором школьники предпочитают казаться лучше и совершеннее, оправдывая социальные ожидания от них. Такие школьники не способны провести объективную рефлексию своего поведения и перспектив развития, идентифицировать зоны роста и перейти к циклу непрерывного обучения. Данные результаты оправдывают прогноз экспертов относительно дефицита высококвалифицированных кадров, так как уже сейчас мы наблюдаем позицию поколения Z, к которому относится современная молодежь, заключающуюся в стремлении экономии усилий и минимизации возможностей выхода из зоны комфорта.

Подтверждение данного вывода можно найти в описании ключевых характеристик поколения Z, или детей, рожденных после 2000-х годов. Главный социально-психологический тренд для нового поколения – это инфантилизация. Сюда же нужно добавить свойственный инфантильному поколению детский эгоцентризм и потребительское отношение к жизни. Уже сейчас многие студенты претендуют на то, чтобы получать заработную плату не по результату своей деятельности, не за надлежащее выполнение функциональных обязанностей, а просто за сам факт присутствия на рабочем месте, «отсживания» положенного количества часов (отчасти заполняемого общением в интернете) [1].

Отчасти данную тенденцию к инфантилизации и использованию «легких» инструментов организации действительности можно проследить и в речи

современных школьников через анализ сленгизмов, появившихся за 2020 год.

Для иллюстрации данного тезиса мы проанализировали свыше 30 слов, появившихся в вокабуляре подростков за 2020 год и получивших распространение преимущественно через социальную сеть Тис-Тос.

Анализ данных сленгизмов выявил, что

(а) среди новых слов доминируют односложные лексемы (в русском доминантны многосложные слова, отражающие синтетическую природу языка, тогда как в английском языке при переходе от синтетического к аналитическому типу языка происходила утрата словообразовательных и словоизменительных морфем, в результате которой прошла симплификация лексического состава);

ПРИМЕР:

- вайб (настроение)
- кринж (неловко/стыдно)
- рофл (шутка)

(б) преобладающим способом словообразования в современном подростковом сленге является заимствование иностранных слов через транскрипцию оригинальных лексем, при этом основным источником новых слов является английский язык:

- пруф (доказательство)
- донат (деньги за контент)
- шеймить (стыдить)

При этом транскрипция заимствованных слов преимущественно наблюдается в отношении именных частей речи, тогда как адаптация иноязычных слов в глагольные единицы проходит по смешанному типу: транскрипция + морфологический способ:

- хелпнуть (помочь)
- форсить (популяризировать)
- юзать (использовать)

Стоит отметить, что у большинства сленгизмов есть эквиваленты в родном русском языке, но они многосложны как по слоговой структуре, так и

по морфологической структуре. Кроме этого, наблюдения показывают, что набор сленгизмов современных школьников, которые появляются преимущественно благодаря социальным сетям, отличается слабой степенью приживаемости в языке и быстрой обновляемостью, аналогично содержанию трендов соц.сетей.

На наш взгляд, такая языковая тенденция современных подростков также является отражением тенденции фиксированного типа мышления, когда есть желание быть частью доминирующего сообщества без рефлексии собственной роли и без внесения нового в создаваемую реальность. Отчасти данные результаты заставляют задуматься о том, как в рамках учебного процесса в школах вводить курсы или интегрировать в процесс предметной подготовки коррективную установку подростков для максимальной их подготовки к реалиям будущего и требованиям предприятий.

Список литературы

1. Коатс Дж. Поколения и стили обучения. М.: МАПДО; Новочеркасск: НОК, 2011. Поколение Z: те, кто будет после / Из интервью А. Сычёвой с психотерапевтом, кандидатом медицинских наук Марком Сандомирским.

2. Кэрл Дуж. Гибкое сознание. Новый взгляд на психологию развития взрослых и детей. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013 – 400 с. Конспект: <http://baguzin.ru/wp/?p=11745>

3. Программа работы с молодыми специалистами СИБУРа. URL: <https://burneft.ru/main/news/35296>

4. Рабочие места завтрашнего дня. URL: <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2020/12/pdf/zahidi.pdf1>.

5. Dweck, C. S., Chiu, C., & Hong, Y. (1995). Implicit Theories and Their Role in Judgments and Reactions: A Word From Two Perspectives. *Psychological Inquiry*, 6(4), 267–285. https://doi:10.1207/s15327965pli0604_1

6. Dweck CS (2000) Self-Theories: Their Role in Motivation, Personality, and Development (Psychology, Philadelphia).

7. Ming-Te Wang, Jamie Amemiya. Changing Beliefs to Be Engaged in School: Using Integrated Mindset Interventions to Promote Student Engagement During School Transitions, in Handbook of Student Engagement Interventions, 2019

8. WEF: Future of Jobs. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-future-of-jobs-report-2020>

УДК:159.99

*Воротникова Ю.С.,
Корпоративный университет, ООО СИБУР
Жалюк В.Р.*

*МАОУ Школа «Перспектива» г. Томска
[DOI: 10.24412/2520-6990-2021-794-33-36](https://doi.org/10.24412/2520-6990-2021-794-33-36)*

МУЗЫКА КАК ИНСТРУМЕНТ СНИЖЕНИЯ СИТУАТИВНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ У ПОДРОСТКОВ

*Vorotnikova Yu.S.,
Corporate University, SIBUR LLC
Жалюк В.Р.
MAOU School "Perspective" Tomsk*

MUSIC AS A TOOL FOR REDUCING SITUATIONAL ANXIETY IN ADOLESCENTS

Аннотация.

В статье проанализированы эффекты влияния музыки на ситуативную тревожность школьников через экспериментальное исследование фокус группы. Определены ключевые факторы ситуативной тревожности и современные жанры, которые могут оказывать наибольший эффект для ее снижения.

Abstract.

The abstract shows the results of the research dealing with state anxiety of teens and effect of music while coping with this kind of stress. While studying effect of contemporary music, we have revealed typical factors of state anxiety of teens as well as we have determined the music genre, which is the most effective to cope the stress.

Ключевые слова: *ситуативная тревожность школьников, влияние музыки на стресс*

Keywords: *state anxiety of teens, music effect at stress*

К настоящему времени накоплены экспериментальные данные, подтверждающие влияние свойств музыки на деятельность различных систем организма, на электрическую активность мозга, состояние памяти, внимания, умственной работоспособности, на процесс оптимизации функционального состояния спортсменов в процессе тренировочной деятельности и во время соревнований, а

также указывающие на возможность достаточно широкого применения музыкотерапии в лечебно-профилактической медицине, в том числе в отношении разных целевых групп [1; 7 и др].

На наш взгляд, музыка может быть эффективна и в отношении современных подростков, которые находятся в состоянии хронического стресса и тревожности при достаточно высоких ожиданиях

от них как от будущих специалистов, представляющих человеческий капитал отраслей РФ.

Проблемой тревожности в целом психологи занимаются давно, и до настоящего времени она не утратила своей актуальности. Мы живем в череде стремительно меняющихся событий, точнее, в ожидании и прогнозировании различного рода перемен, испытываем на себе дискомфорт ситуаций неопределенности. Для многих людей такой ритм жизни становится постоянным стрессором, поскольку не все способны самостоятельно и мобильно справляться с негативными переживаниями, которые, в свою очередь, деструктивным образом влияют на психологическое благополучие человека, снижают продуктивность его деятельности, затрудняют самореализацию. Тревожность, по мнению ученых, как устойчивое личностное образование есть свидетельство нарушений: она препятствует эффективной деятельности, полноценному общению, ограничивает человека в его жизненных планах.

Если предположить высокий уровень тревожности подростков и высокий потенциал музыки по ее снижению для обеспечения современной молодежи высокой эффективности при обучении, то актуальность предлагаемого исследования не вызывает сомнений.

Согласно исследованиям А.М. Прихожан [8], современная тревожность качественно отличается от той, которая была ранее: она возникает на фоне утраты векторов жизненных планов и целей, смятения перед ближайшим будущим и трансформируется в глубинную тревогу, которая в наименьшей степени может быть преодолена. Возникает психическая нестабильность, личность становится незащищенной при столкновении со стрессорами различных видов, вслед за этим нарастает предрасположенность к невротическим реакциям и психоэмоциональным срывам. Симптоматика может быть охарактеризована как наличие постоянного ощущения неопределенности, беспокойства, внутренней немотивированной тревоги. Это, в свою очередь, становится причиной злоупотребления психоактивными веществами, развития неврозов, роста суицидальных попыток и законченных суицидов, особенно среди подростков.

Тревожность – это ситуативная тревога, ее психофизиологические симптомы хотя бы раз в жизни испытывал каждый человек: учащенный пульс, затрудненность дыхания, напряжение мышц, головокружение, покраснение или бледность кожных покровов, боли в желудке, диарея, бессонница, беспокойство, чувство вины, безнадежности, неконтролируемый гнев и другие. Действие таких стрессовых факторов на фоне социальных причин (которые чаще всего встречаются в детском и подростковом возрасте) может привести к появлению панических атак, которые, в свою очередь, активизируя выброс гормона стресса, снова стимулируют появление тревоги. Это становится не только проблемой отдельных личностей, но и профессиональной задачей исследователей [9].

И.Г. Сарасон в своих работах, посвященных тревожности в оценочных ситуациях (так называемая тестовая тревожность) указывал, что тревожность перед проверкой знаний (будь то экзамены или тестовые задания) отражает общую оценочную тревожность человека. Разработав «Шкалу тестовой тревожности для детей», психолог провел лонгитюдное исследование, которое показало, что результаты экзаменов и тестов у нетревожных лучше, чем у детей с высоким уровнем тревожности, причем с повышением возраста учеников эта тенденция также растет. Причиной этого автор видит научение неадекватным реакциям на такие и подобные ситуации [11].

В юношеском возрасте 13,5–18 лет «повышенная чувствительность может вызывать конфликтные реакции или даже хронические психические нарушения невротического характера» [10]. Но при этом общий эмоциональный фон (по сравнению с подростковым возрастом) выравнивается, поскольку снижается общая повышенная возбудимость. Однако в отличие от выводов, сделанных авторами относительно учебной ситуации старшеклассников, причин их переживаний, личностных проблем и действенной учебной мотивации, ученым приходится констатировать тот факт, что тревожность современных школьников во многих случаях начинается еще в период подготовки к ОГЭ и ЕГЭ.

Стоит отметить, что ряд исследователей особо отмечают, что наиболее острые динамические характеристики проблема тревожности приобретает в подростковом возрасте: это связано со многими психологическими особенностями подростков, благодаря которым тревожность может закрепиться в структуре личности как устойчивая характеристика. Стремление учащихся к самоактуализации, критическое осмысление окружающего, становление образа Я и «внутренней позиции» личности создают условия для развития тревожности. Подросток постоянно попадает в ситуацию дискомфорта, фрустрирует эмоциональная сфера, т. е. он реагирует на эту ситуацию негативными переживаниями, которые вызывают тревожность [5].

Для любого человека ситуация проверки его компетентности является стрессовой: чрезмерная учебная нагрузка и психологическое напряжение, которые учащиеся испытывают на протяжении всего периода подготовки к экзамену и во время его проведения, часто приводит к эмоциональному срыву, психосоматическим заболеваниям, уходу в аддиктивные формы поведения, а в самых крайних случаях могут закончиться суицидом. Психологи уже называют такое напряжение «синдромом ожидания ЕГЭ» и высказывают мнение, что от этого синдрома не застрахован ни один школьник [6].

Анализируя школьную тревожность, Н.В. Литвиненко приходит к выводу, что «новые требования и новые задачи, которые ставит перед ребенком школа на каждом новом этапе обучения, подчас превосходят его возможности, изменяя состояние эмоциональной сферы и вызывая неспецифическую стрессовую реакцию организма» [4]. Среди

прочих возможных причин школьной тревожности автор отмечает регулярно повторяющиеся оценочно-экзаменационные ситуации.

«Самооценка часто служит средством психологической защиты. Желание иметь положительный образ Я нередко побуждает индивида преувеличивать свои достоинства и преуменьшать недостатки» [10]. Похожую мысль находим и у И.С. Кона: «вместе с уровнем организации и саморегулирования организма повышается эмоциональная чувствительность, но одновременно возрастают и возможности психологической защиты», «уровень сознательного самоконтроля у юношей выше» [2].

Также И.С. Кон писал, что «психологические трудности взросления, противоречивость уровня притязаний и образа Я нередко приводят к тому, что эмоциональная напряженность, типичная для подростка, захватывает и годы юности» [там же, с. 69], и утверждал, что особенности эмоциональных реакций в большей степени являются не возрастными, а индивидуально-типологическими и зависят от социальных факторов и условий воспитания. Тревожность в юношеском возрасте – это «проявление отсроченного эффекта более ранних психических травм» [Там же, с. 71].

И.В. Дубровина в ходе своих исследований выяснила, что в подростковом возрасте наблюдается постепенное снижение уровня тревожности до 10-го класса и достаточно серьезное увеличение количества тревожных учащихся в 11-м классе. До 14–15 лет преобладает межличностная тревожность, связанная, прежде всего, с отношениями со сверстниками (друзьями, одноклассниками), то к 16–17 годам начинает доминировать самооценочная тревожность, обусловленная необходимостью личностного самоопределения и выбора дальнейшего жизненного пути [9].

Обычно говорят о школьной тревожности вообще либо о тревожности, возникающей непосредственно в процессе сдачи экзаменов. Очень высокие показатели тревожности сказываются негативно на функционировании психики и нервных процессов: так, при высоком уровне реактивной тревожности возникают нарушения внимания, а в ряде случаев и нарушения тонкой координации; завышенные показатели личностной тревожности связаны с наличием невротического конфликта, чреватые эмоциональными, невротическими срывами и психосоматическими заболеваниями.

Но тревожность не является изначально негативным феноменом. Определенный уровень тревожности – естественная и обязательная особенность активной личности. При этом существует оптимальный индивидуальный уровень «полезной тревоги». Как отмечает А.М. Прихожан, «тревожность как сигнал об опасности привлекает внимание к возможным трудностям, препятствиям для достижения цели, содержащимся в ситуации, позволяет мобилизовать силы и тем самым достичь наилучшего результата» [8]. С другой стороны, низкая тревожность требует повышения внимания к мотивам деятельности и повышения чувства от-

ветственности, поскольку иногда очень низкая тревожность в показателях теста – результат активного вытеснения личностью высокой тревоги с целью показать себя в «лучшем свете».

На наш взгляд, выводы, которые делали ученые в начале 2000-х актуальны и сейчас, для чего проведем соответствующее исследование на современных школьниках. Что касается инструментов снижения уровня тревожности, обратимся к наработанным наукой материалам по эффекту музыкального воздействия, принимая в качестве основы для гипотезы исследования предположение о том, что воздействие музыкой может помочь снизить тревожность подростков и повысить уровень их академической успешности.

Воздействие музыки на организм человека изучается музыкальной психологией, которая является актуальной и быстро прогрессирующей областью науки. Задача данного направления заключается в анализе способов, механизмов и условий достижения "эмоционального общения" в условиях музыкально-психологического эффекта воздействия музыки на личность. Ученые доказали, что при взаимодействии человека и музыки улучшаются такие психические процессы как память и внимание, задействуются два полушария головного мозга, музыкальное воздействие осуществляется на центральную нервную систему, мышечную, пищеварительную системы.

В конце XIX века, ученик русского физиолога И.М. Сеченова И.Р. Тарханов исследовал механизм воздействия музыки. В 1893 г. в Петербурге была опубликована его статья «О влиянии музыки на человеческий организм». В своей статье он обратил внимание на то, что на работоспособность дыхательной, сердечно-сосудистой и пищеварительной систем положительно влияет только гармоничная благозвучная музыка. Им было подчеркнuto, что красивая музыка снимает напряжение и способствует увеличению работоспособности [3].

Считается, что при подборе правильной специализированной мелодии можно оказать благоприятное воздействие на больных людей и способствовать их выздоровлению. Психотерапевтом И.Е. Вольпертом на практике было доказано, что вокалотерапия, к примеру, исполнение народных песен, оказывает мягкое терапевтическое воздействие на психику человека и весь его организм.

В США были проведены медицинские исследования, позволяющие определить особенности влияния тяжелого рока на человеческий организм и его психику. Исследование показало, что низкочастотные колебания влияют на спинномозговую жидкость, состояние которой имеет влияние на слизистые железы и гормональную сферу. В то время, когда человек слушает тяжелый рок, нарушается равновесие гормональной сферы, повышается содержание инсулина в крови, что, в свою очередь, приводит к нарушению процессов возбуждения и торможения в коре головного мозга. Известно, что поклонники данного направления музыки отличаются неадекватным поведением и во время концертов и после них.

Таким образом, влияние музыки на человека очевидно. Как показывают материалы различных исследований, психофизиологическое состояние подростка может зависеть от выбранного им направления музыки. Как именно музыка может повлиять на современных подростков, покажем через практический эксперимент.

Для изучения состояния тревожности мною был использован тест Спилберга – Ханина, для определения ситуативной тревожности. Данный тест состоит из 20 вопросов, каждый вопрос имеет 4 варианта ответа, оцениваемых по 4ех бальной шкале. Суммируя полученные баллы, получаем результат, показывающий состояние ситуативной тревожности. При интерпретации показателей можно использовать следующие ориентировочные оценки тревожности:

- До 30 баллов – низкая
- 31 – 44 балла – умеренная
- Более 45 баллов – высокая

Для определения факторов тревожности был проведен опрос, в котором подростки должны были указать причины, вызывающие тревожность, он был проведен среди участвующих в эксперименте учениках.

Опрос показал, что нет одной конкретной причины, вызывающей ситуативную тревожность подростков: есть совокупность факторов, таких как беспокойство о будущем, личные переживания, процесс обучения:

- 57% подростков в большей степени тревожат личные переживания, такие как: отношения со сверстниками, в семье, проблемы восприятия себя;
- 27% - мысли о будущем, неизвестность;
- 16% - процесс обучения: то, как проходят уроки, как складываются отношения с учителями.

В контексте представленных результатов есть предположение о корреляции академической успеваемости и уровня тревожности, которую мы проследили в рамках следующей фазы анализа, доказав высокую корреляцию тревожного состояния и низкой успеваемости. При этом интервью школьников с низкой успеваемостью выявило, что ключевым фактором тревожности выступают личные взаимоотношения, которые доминируют в системе ценностей подростков в сравнении с ценностью развития/учения: лишь 9% опрошенных отметили, что тревожность вызывают отношения с учителями, что сказывается на результатах обучения.

Определив доминирующие факторы тревожности по мнению участников фокус группы, мы провели следующий эксперимент:

(1) школьники проходили тест на ситуативную тревожность после завершения учебных занятий,

(2) затем им предлагалось решить усложненные задачи по математике/ физике, и они проходили повторно тест на тревожность,

(3) далее респонденты были распределены на подгруппы и прослушали композиции разных жанров музыки, после чего был пройден в третий раз тест на тревожность для определения динамики уровня тревожности.

Результаты эксперимента показали, что в большинстве случаев уровень тревожности после прослушивания музыки в целом снижается, даже после стрессовой ситуации, созданной через тестирование по математике/физике, которая значительно повысила уровень тревожности всех респондентов по сравнению с уровнем тревожности до решения задач. Из предложенных трех жанров музыки наиболее эффективным для снижения тревожности оказалась классика и поп-музыка, тогда как рок композиции снизили тревожность незначительно.

На наш взгляд, полученные результаты можно систематизировать в приложение, которое может каждый школьник использовать для самодиагностики уровня ситуативной тревожности и понижать его через прослушивание композиций, которые наиболее оперативно могут в этом помочь. Таким образом, мы надеемся перевести весь накопленный опыт исследователей по воздействию музыки на школьников в прикладное направление повышения эффективности обучения в современной школе.

Список литературы

1. Казаринова, А.С. Музыка в системе психо-профилактики / А.С. Казаринова // Труды Ленингр. НИИ психоневрол. - 1976. - Т. 78. - С. 89.
2. Кон И.С. Психология ранней юности. - М., 1989.
3. Левитов Н.Д. О психических состояниях человека / М., 1964. - 344с.
4. Литвиненко Н.В. Школьная тревожность как показатель нарушения адаптации школьников к образовательной среде // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5
5. Микляева А.В., Румянцева П.В.. Школьная тревожность: диагностика, профилактика, коррекция. – СПб.: Речь, 2004-248 с.
6. Мищенко В.И. Предэкзаменационный стресс в мыслях и убеждениях подростков // Материалы XX Всероссийской научной конференции «Модернизация российского общества: стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров». 19–20 апреля 2019 г., - Таганрог, 2019. С. 492–496.
7. Полякова, В. Б. О возможности применения музыки для стимуляции умственной работоспособности / В.Б. Полякова // Физиологические характеристики умственного и творческого труда. – М., 1969. - С. 103-104.
8. Прихожан А.М. Тревожность у детей и подростков: психофизиологическая природа и возрастная динамика. - М.; Воронеж, 2000.
9. Психическое здоровье детей и подростков в контексте психологической службы / Под ред. И.В. Дубровиной. - Екатеринбург, 2000.
10. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология развития человека. Развитие субъективной реальности в онтогенезе. - М., 2013.
11. Sarason I.G. Experimental approaches to test anxiety: Attention and the uses of information. Anxiety, Current Trends in Theory and Research. - N.Y., 1972. Vol. 1

PHILOSOPHICAL SCIENCES

УДК: 383 : 37.017

Рогова О.Г.

Дніпровська академія неперервної освіти

DOI: [10.24412/2520-6990-2021-794-37-39](https://doi.org/10.24412/2520-6990-2021-794-37-39)

СВЯТО ЯК ЗАСІБ ФОРМУВАННЯ ОСВІТНІХ ЦІННОСТЕЙ

Rohova O.G.

Dnipro Academy of Continuing Education

A CELEBRATING AS A WAY OF THE FORMATION OF EDUCATIONAL VALUES

Аннотация

В статье рассматривается ценностно формирующий потенциал школьного праздника, как неординарного события в образовательном процессе. Обосновано, что расширение круга праздничного общения способствует укреплению единства и доверия в школьном коллективе, сохранению коллективной памяти, отображающей общие ценности образовательного учреждения. Раскрыто, что включение личностной эмоциональной составляющей в пространство праздника, возвышающегося над будничностью, способствуют ненавязчивому расширению и укреплению ценностных горизонтов учащихся.

Abstract

In the article is considered the value-forming potential of a school celebrating as an extraordinary event in the educational process. Is substantiated that the expansion of the circle of festive communication contributes to the strengthening of unity and trust in the school team, the preservation of collective memory about common values of the school. Is opened that inclusion of the personal emotional components in the space of a celebrating as an event that overcome everyday life helps to contribute to free expansion and strengthening of the value levels of pupils.

Ключевые слова: праздник, школьный праздник образовательный потенциал, формирование ценностей, личность.

Keywords: celebrating, school celebrating, educational potential, formation of values, personality.

Система свят, сформована у будь-якій культурі, у будь-якій цивілізації є неабияким посередником між людиною і часом, виконуючи одну особливу функцію: вона структурує час, наповнюючи його течію певними сенсами. Вона допомагає людині осмислити сенс свого існування, пропонуючи певні погляди на вирішення проблеми ціннісного наповнення життя. Свято є відкритим явищем, де зникає межа між суспільним і приватним, між сакральним і профанним, де часто зникають офіційні ранги і ролі, де «я» однієї людини виходить поза межі себе на зустріч іншому «я», що народжує почуття урочистості, бурхливих радощів. Тому кожне свято врізається у пам'ять і серце. В цьому проживанні свята є певна іскра виходу поза межі буденності, а іноді навіть паростки відчуття трансцендентного в людині. Стаючи окремим елементом між зайнятістю і вільним часом, свято розриває владу їх зчеплення, даруючи смисли і сенси, які засвоюються без особливих зусиль. Саме ці властивості свята дозволяють, на нашу думку, використовувати його феномен як один із концептів формування аксіосфери зростаючої особистості в освітній царині.

Слід зазначити, що у пошуках новітніх виховних технологій освітяни поступово почали звертати увагу на феномен свята. Так, дослідження святкової культури як засобу духовно-морального виховання у системі позашкільної освіти здійснено Н. А. Єрміною [5]. Значення свята для релігійної освіти на-

креслює Л. В. Сурова [4]. Суспільно-формує значення масових свят розглядає І. А. Маслова-Лисичкіна [2]. Сенс шкільного свята в історико-педагогічній думці України досліджує В. В. Олійник [3]. Але значення шкільного свята як ціннісно формуєчого явища у державній школі досить слабо рефлексується у сучасній філософії освіти.

Метою статті є накреслення потенційних можливостей події свята, як однієї із складових ціннісного наповнення сучасного освітнього процесу.

Під час повсякденного освітнього процесу вчитель звертається більш за все до когнітивних здібностей учнів. Захоплення почуттів є надзвичайною вчительською вдачею, і є скоріше винятком, ніж нормою. Свято ж охоплює дитину у всій своїй повноті, торкаючись і розуму, і серця, і почуттів, тобто в більш об'ємній «стереоскопічній перспективі» у порівнянні з монотонною буденністю, що дозволяє учневі цілковито зануритись у простір цінностей, запропонованих тим чи іншим святом.

Свято відрізняється набагато ширшим рівнем спілкування. Учні переживають та проживають урочистість свята разом з тими, хто відчуває ту ж саму радість і є готовими об'єднатись з іншими у цій радісті. Причетність до свята з його змістовним навантаженням дозволяє зануритись у сенсоутворюючий формат свята через подолання атомарної ціннісної розділеності індивідів. Відбувається злиття індивіда зі шкільною спільнотою, оновлене

відчуття себе в колективі. У різноманітних шкільних колективах можна зустріти дивовижні приклади згуртування, взаємодопомоги, взаємопідтримки, самовіддачі, що об'єднують тих учнів, які начебто не мали підстав для спілкування взагалі. Це свідчить про те, що свято набуло свого як особистісного, так і суспільно-сакрального для шкільного життя значення — втілення любові до ближнього як ціннісної реальності, досвід чого не можна, або досить важко отримати іншими освітніми засобами. І це народжує довіру до тих, хто має спільні переживання. Довіра, у свою чергу, забезпечує нову та більшу глибину спілкування й розділення певних цінностей на рівнях вчитель-учень, учень-учень. Таким чином, стан свята дозволяє легше розділити думку, істину, погляд, зробивши їх загальними через розширене спілкування.

Свято є онтологічним «усуненням» необхідності, докладання звичних зусиль, примусу, досвіду подолання освітніх труднощів, тобто того, що є індикаторами звичайності ситуації, які насичують щоденне шкільне життя. Свято є піднесенням або звільненням від буденності, рутини, звичайного, а іноді й набридлого, що може мати місце під час відпрацювання певних освітніх позицій. І в цьому піднесенні над буденністю без нав'язливого перевантаження свідомості відбувається насичення внутрішнього світу особистості глибинними сенсами свята. Саме це усунення буденності народжує почуття полегшення, певного звільнення й відчуття свята як дару через максимальну причетність до події. Цінності такої причетності здатні суттєво згуртувати шкільне середовище й наповнити новими аксіологічними горизонтами.

Свято межує між очікуванням і звершенням. Але для того, щоб свято стало іманентним, треба прийняти участь у його підготовці. Чим більше сумісних дій, хвилювань, спільних справ, свободи та спонтанності, з якими можна готувати й наближати свято, тим легше створити атмосферу свята, вибудувати єднання шкільного простору через трансляцію життєвих цінностей від покоління до покоління. Але слід пам'ятати, що підготовка свята здатна вимагати великих зусиль, подолання чи навіть маленького подвигу праці, жертвовності, виправлення помилок тощо. Цей найскладніший момент підготовки свята учні мають пройти поруч із дорослими. Саме тоді труднощі підготовки свята не зможуть перебільшити радощів проживання самої події.

Більше того, свято цілком може стати явищем, здатним подолати складні екзистенційні стани: самотності, тривоги, забутості, покинутості. Через створення нових умов шкільного життя (підготовка та святкування) можуть розкритися здібності, таланти та глибина внутрішнього світу тих дітей, значущість яких буденне шкільне життя зводить майже нанівець. Тобто свято може бути шляхом виходу з полону злободенності й можливістю поділитись думками, почуттями, поглядами, тощо. Під час свята негативні екзистенційні стани долаються не за рахунок нехтування ними, а за рахунок звільнення від

них на користь наповнення позитивними екзистенційними станами.

Кожне свято є ще і нагадуванням про якусь подію або людей з минулого. Серез святкування і пам'ять дещо з минулого починає жити по новому у сьогоденні, хоч і не повністю ототожнюється з тим, що було. Освітнє свято завжди транслюється спільнотою, тому воно є подією, де зберігається колективна пам'ять, що віддзеркалює загальні цінності закладу освіти. І в залежності від змісту свята — це шанс або на відкритість і розвиток, або на безплідне тимчасове весілля з гонитвою за певними насолодами від скасування уроків. Тому планування свят має дотримуватись певної змістовної концепції, щоб зрозуміти: радість від чого мають пережити учасники свята? Так, німецький науковець М. Кунцлер наголошує, що суттю будь-якого свята є усталення буття [1]. Люди святкують для того, щоб знову усвідомити своє буття, буття інших у світі в залежності від ситуації та теми свята. Будь-яка подія, що переживається саме так, обов'язково буде мати трансцендентне вимірювання. А якщо свято не розкриває глибинних сенсів буття, не стверджує його цінність, то таке свято або дуже швидко зникає, або перетворюється на звичайне скасування уроків.

Українське слово «свято» є спільнокореневим зі словами «освячення» та «святість». І свято виконуватиме свою методологічну освітню функцію тільки наразі залучення дитини до значущого, справжнього та глибинного, духовно-ціннісного, що взмозі дійсно осяяти кожную зростаючу особистість.

Отже, свято цілком здатне стати певним освітнім майданчиком плекання аксіосфери особистості, але слід пам'ятати, що кожен майданчик має свої межі: ніхто не має права насилувати свідомість іншого й робити його полоненим. Свято відчувається людиною до тих пір, поки ніхто не порушує свободи учасників свята і дає можливість заграли творчим струнам власної індивідуальності.

Підсумовуючи, можна зробити висновок, що шкільне свято є потужним засобом формування аксіосфери зростаючої особистості через його проживання в єднанні вільного емоційного включення та глибинного занурення школярів у суспільно-сакральним вимір святкування завдяки піднесенню над буденністю протягом періоду підготовки та самого проведення урочистої події у просторі шкільного життя.

Список літератури

1. Кунцлер Міхаель. Літургія Церкви / Пер. з нім. монахині Софії. - Львів: Свічадо, 2001. - 616с.
2. Маслова-Лисичкіна І. А. Масове свято як засіб виховання людини в радянську добу / Вісник КНУКіМ. Серія : Мистецтвознавство. 2016. Вип. 34. С. 104-110. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Vknukim_myst_2016_34_14
3. Олійник В. В. Шкільне свято як засіб виховання учнів у загальноосвітній школі України (друга половина XIX ст. - 20-ті роки XX ст.): автореф. дис. ... канд. пед. Наук : 13.00.01. - Київ: Інститут педагогіки НАПН України, 2011. - 20 с.

4. Сурова Л. В. Церковный год (беседы о православии) / Л. В. Сурова. – М. : Изд-во «Паломник», 2000. – 397 с.

5. Традиционные народные праздники в системе дополнительного образования: организация, методика, практический материал [Электронный ресурс] / авт.-сост. Н. В. Еремина. – Калининград:

Калининградский областной институт развития образования, 2018. – 94 с. URL: <https://www.koiro.edu.ru/activities/nauchno-metodicheskayadeyatelnost/redaktsionno-izdatelskaya-deyatelnost/spisok-literatury-izdannoy-koiro/2018/narodnyeprazdniki.pdf>

Степанова О.И.

кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия и логика»
Национального Университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека

ПРИМЕНЕНИЕ ЛОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ ПОСТРОЕНИЯ КЛАССИФИКАЦИИ В «КАНОНЕ ВРАЧЕБНОЙ НАУКИ» АБУ АЛИ ИБН-СИНО

Stepanova OI

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of "Philosophy and Logic"
Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan

APPLICATION OF LOGICAL PRINCIPLES OF CONSTRUCTION OF CLASSIFICATION IN THE "CANON OF MEDICAL SCIENCE" ABU ALI IBN-SINO

Аннотация

Великий мыслитель Восточного средневековья Абу Али ибн-Сино - известный всеми миру врач, ученый-энциклопедист, являлся также глубоким философом, естествоиспытателем. Он также знаменит своими трудами по логике. В данной статье делается попытка в краткой форме изложить идею о влиянии логического учения на целительное искусство Ибн-Сино. Ибн-Сино, также как и все ученые школы восточного перипатетизма, исходя из аристотелевского учения классификации причин и его логического учения, применил логические принципы деления понятий на виды и принципы построения классификации для создания стройной концепции классификации болезней и их причин. Производя классификацию болезней и недугов, органов и систем органов, многочисленных факторов, влияющих на здоровье человека, он создал стройную систему медицинских знаний, имеющих теоретическое и практическое значение на протяжении последующих веков как на Востоке, так и на Западе.

Abstract

The great sage of the Eastern Middle Ages, Abu Ali ibn-Sino - a world-famous doctor, an encyclopedic scientist, was also a profound philosopher, a natural scientist. He is also famous for his works on logic. In this article, an attempt is made to briefly present the influence of logical teaching on the healing art of Ibn-Sino. Ibn-Sino, as well as all the scholars of the school of Eastern peripatetism, based on the Aristotelian teaching of the classification of causes and its logical teaching, applied the logical principles of dividing concepts into types and the principles of classification to create a coherent concept of the classification of diseases and their causes. By classifying diseases and ailments, organs and organ systems, and numerous factors affecting human health, he created a coherent system of medical knowledge that was important both theoretically and practically for the following centuries, in the East and the West.

Ключевые слова: системный анализ, логический анализ, деление понятий, классификация, причины болезней, факторы здоровья, многофакторность.

Keywords: system analysis, logical analysis, division of concepts, classification, causes of diseases, health factors, multifactoriality.

Несмотря на многочисленные научные труды, посвященные анализу творчества Абу Али ибн-Сино, имеется целый пласт неизведанного. «Авиценна известен и неизвестен» [1]. Так, заслуживает научного интереса его логическое наследие и применение логики в искусстве врачевания. «Логика есть наука, при помощи которой познаются различные методы перехода от вещей, наличных в человеческом уме, к вещам, познание которых он стремиться приобрести», - говорил Абу Али ибн-Сино. Логическое мышление, являющееся по определению Ибн-Сино, основой всех наук и ключом к научным открытиям, предполагает знание не только о

содержании понятий, но и о составе – группах и видах, из которых оно состоит. Таким образом, логика позволяет решать проблему взаимосвязи «общего» и «отдельного». Наряду с другими логическими операциями, этому способствует логическая операция «деление понятий», на основании которой строится любая научная классификация. Деление понятий – логическая операция дробления объема понятия на части по определенному признаку и по определенным правилам. В результате логического деления в множестве (классе) объектов выделяются все входящие в него подмножества (подклассы) таким образом, что каждый принадлежащий множеству объект попадает только в одно подмножество.

Другими словами, деление понятия – логическая операция, в результате которой совершается переход от родового понятия к законченному множеству видовых. Объем исходного понятия дробят на объемы входящих в него видов, групп, подклассов, частей по одному для всех них признаку и таким образом раскрывается его объем. С логическим делением мы имеем дело очень часто, во всех случаях, когда необходимо выявить и исследовать все разновидности какого-либо сложного предмета, процесса или явления. Таким сложным феноменом является человеческий организм, а также болезни и недомогания. Именно поэтому Абу Али ибн-Сино уделяет пристальное внимание проблеме классификации как человеческих органов, так и классификации болезней, а также их причин.

С точки зрения формальной логики, «деление понятий» – это распределение на группы тех предметов, которые мыслятся в исходном понятии. В операции деления понятий различают: *делимое понятие* – родовое понятие, объем которого подлечению делению (делимое множество); *члены деления* – видовые понятия, которые получаются в результате деления (подмножества); *основание деления* – признак, на основе которого объем родового понятия делят на объемы видовых понятий. Основание деления одного и того же понятия может меняться в зависимости от поставленных задач, но в любом случае это должен быть объективный и существенный признак. В своих логических работах Ибн-Сино подчеркивает, что при делении понятий необходимо соблюдать определенные правила: деление должно проводиться только по одному основанию, должно быть соразмерным, то есть объем делимого понятия должен равняться сумме объемов членов деления, объемы членов деления должны быть автономными – не пересекаться, не иметь общих элементов; каждый принадлежащий множеству (роду) элемент должен войти только в одно подмножество (вид); делить нужно на ближайшие виды, а не на отдаленные. На логической операции деления понятий строятся классификации.

Классификация играет огромную роль в познавательном процессе. Предметы, процессы и явления объективной реальности столь многочисленны, сложноорганизованы и взаимосвязаны, что невозможно их познать без систематизации. Одним из способов систематизации объектов познания является классификация. Многочисленные классификации имеются во всех науках без исключения: точных, естественных, общественно-гуманитарных, социально-экономических. Они применяются как в фундаментальных исследованиях, так и в прикладных, в частности в медицине. Например, классификация органов – это распределение их по группам и классам, где каждый из них имеет свое определенное постоянное место, обусловленное его существенными свойствами и признаками. Распределенные на группы, они становятся более доступными для изучения. Классификация придает строгость и четкость процессу познания, без чего процесс познания невозможен.

Большой интерес представляет собой классификация причин болезней, представленная Абу Али ибн-Сино в его знаменитом труде «Канон врачебной науки». Причинно-следственная зависимость понимается великим мыслителем как общеприкладная философская проблема, занимающая одно из центральных мест в системе всеобщей взаимосвязи и взаимозависимости явлений материального и духовного миров. В «Каноне врачебной науки» обосновывается связь «причины-следствия» с другими философскими категориями: сущности и явления, необходимости и случайности, формы и содержания, единичного и общего. Опираясь на Аристотеля и Фараби, Ибн-Сино выделяет четыре вида причин: материальную, формальную, двигательную и целевую. Такая теоретическая позиция не могла не найти своего отражения при классификации причин различных заболеваний.

Делимое понятие: причина здоровья и болезней

Основание деления: тип заложенности в организме

Члены деления: материальная, формальная, двигательная, целевая причины

Так, ибн-Сино обосновывает, что всю совокупность причин здоровья и болезней можно свести к четырем группам: «...материальные, действенные, формальные и конечные. Материальные причины – это заложенные в (теле) основы, в которых существует здоровье и болезнь. Ближайшая основа – организм или пневма, более отдаленная основа – соки, еще более отдаленная – элементы. Действенные причины – это причины, которые изменяют состояние тела человека или сохраняют его неизменным. Таковы состояния воздуха и 1) то, что с ним связано – еда, вода, напитки; 2)...опорожнение, запор, страна, жилище; 3)...телесные и душевные движения и покой. Формальные причины – это натура и обусловленные ими силы, а также их сочетание. Конечные причины – это состояния функций («действия») органов, связанные с «силами» и их «носителями» и пневмой» [2]. Материальная основа является одной из приоритетных при построении Абу Али ибн-Сино классификации причин здоровья и болезней.

Делимое понятие: болезнь

Основание деления: расположение болезни

Члены деления: внутренние и внешние

1) Так, по расположению болезней, он делит их на *внутренние* и *внешние*. Внешние причины пространственно располагаются вне тела а болезни, ими вызванные (например, болезни желудка) могут носить случайный характер. Внутренние причины находятся внутри организма. Имеют более устойчивую взаимосвязь и вызывают существенные изменения в организме. Но так как существует неразрывное единство организма и внешней среды, то также внешние и внутренние причины образуют неразрывное единство.

Внутренние причины есть нарушение непрерывности внутри организма, причиной же нарушения непрерывности является переполнение организма неподвижными соками. *Внешние причины* также определяются нарушениями непрерывности

организма, но в зависимости от внешней среды. Характеризуя боль как одно из неестественных состояний организма, Ибн-Сино пишет: «...совокупность причин боли сводится в две категории: это категория (причин), внезапно изменяющих натуру, то есть (вызывающих) расстройство натуры, и категория причин, нарушающих непрерывность» [3]. *Внешние причины* в свою очередь, делятся на механические (всевозможные механические травмы, ушибы, ранения, переломы костей, вывихи суставов, растяжение связок, разрывы, разможнение тканей и т.д.); физические (температурное воздействие, лучистая энергия, смена времени года, климат и т.д.); химические (действие экзогенных и эндогенных ядов и т.д.); биологические (живые возбудители, «мельчайшие организмы», черви и т.д.). Абу Али ибн-Сино также выделяет предрасполагающие причины: простуда, переутомление, наследственность.

Таким образом, делимое понятие: внешние причины болезни

Основание деления: тип воздействия на организм

Члены деления: механические, физические, химические, биологические.

Физические причины в определенной мере связаны с сезонами. Прохладный свежий воздух может оказывать благотворное влияние на состояние здоровья. Но, например, летний зной может способствовать возникновению головной боли и заболеваний желудочно-кишечного тракта, нарушений сердечного ритма. Переохлаждение и простуда ведут к большому количеству заболеваний как внутренних органов, так и костей и суставов. Изменение климата (сезона) может также приводить к обострению застаревших заболеваний. Необходимо четко различать, какие физические причины способствуют нормальному состоянию организма, выздоровлению, какие же ведут к возникновению и обострению болезней.

Химические причины связаны с ядами, находящимися как в природной среде, так и изготовленными «...такое вещество (яд) не изменяются по всей природной форме, но продолжает действовать, будучи устойчивым по силе и форме, пока не разрушит тело» [4]. Биологические причины болезней также заслуживают отдельного рассмотрения. Заслуживает ибн-Сино является выдвинутое им предположение о возбудителях болезней - мельчайших невидимых организмах. Не имея микроскопа или других увеличительных приборов, он выискивает реальную причину инфекционных заболеваний, которую в настоящее время исследует микробиология. Он первым обратил внимание на заразность оспы, описал различие между чумой и холерой, изучил проказу, желтуху и ряд других инфекционных заболеваний.

Так, здесь мы можем видеть реализацию Ибн-Сино основных принципов построения классификации: деления на ближайшие виды, затем – на более отдаленные. Выбор основания как существенного и объективного признака. Причинные факторы, по мнению Ибн-Сино, находятся в состоянии

взаимодействия; так, наложение внешних и внутренних причин приводит к тяжелому течению заболевания. Кроме того, цепочка причин и следствий, как внешних, так и внутренних, требует рассмотрения их целостно, системно и последовательно. В этом также большое значение имеет логическое учение, которому Ибн-Сино придает огромное значение. «Действующие причины чего-либо в одном случае бывают причиной, в другом причиной причины: они могут быть предшествующие и последующие... и не могут быть бесконечными» [5] Однако, соотношение причин может быть расположено таким образом, что внешняя может компенсировать внутреннюю, и наоборот. Так, если при простуде организм попадает в более жаркий и сухой климат, внешние причины могут помочь организму побороть болезнь. К тому же, не всякая причина, существующая потенциально, может обязательно привести к последствию. «Не всякая причина, достигающая тела, оказывает на него воздействие; иногда при этом нужны еще три вещи: сила, исходящая от активной силы, исходящая из предполагающей силы тела, а также возможность встречи одной из этих сил, с другой на время достаточное, чтобы проявилось данное действие причины» [6]. К тому же, великий целитель подчеркивает, что одна и та же типичная причина болезней может как привести к заболеванию, так и не привести к нему; может вызвать разную степень тяжести болезни. «Действие одних и тех же причин на сильного и слабого, на очень чувствительного и на малочувствительного человека не одинаково» [7]. Огромный личный опыт врачевания привел Ибн-Сино к мнению, что причины болезни можно также разделить на оставляющие след в организме человека и не оставляющие следа. Таким образом, он использует дихотомическое деление - деление и противоречащие понятия.

Здесь: делимое понятие - причина болезни;

члены деления – оставляющие след в организме, не оставляющие след в организме;

основание деления – следствие воздействия на организм.

Выводы из этого фрагмента можно сделать такие: в настоящее время в современной медицине это называется выздоровлением и трансформацией болезни в хроническую стадию. Сочетание внешних и внутренних причин, состояние организма, правильность подобранного лечения может привести как к полному выздоровлению, так и к хронической болезни.

Абу Али ибн-Сино также делит причины болезни на явные и неявные. Явные могут диагностироваться при помощи органов чувств – наблюдения, осмотра врача, анализа ощущений пациента и тому подобного. Лечить такие болезни гораздо проще, чем неявные. Неявные болезни основаны на скрытых причинах, обнаружить и лечить их возможно с помощью логической операции умозаключений. Так, самым верным способом рассуждения являются дедуктивные умозаключения, которые дают достоверный вывод. Индуктивные умозаключе-

чения дают возможность обобщать опыт врачевания и делать вероятные выводы. Это предполагает определенную осторожность в выборе лечения. Также широко используются традуктивные умозаключения (аналогия). «Великий ученый и врач Ибн-Сино говорил, что врачебное искусство появляется уже тогда, когда на основе приобретенного опыта образуется взгляд на сходные предметы. Если какое-нибудь средство помогло многим людям одного склада (например, вялым), то оно поможет и другим людям такого же склада при сходных обстоятельствах» [8]. Умозаключение по аналогии может давать вывод о принадлежности одному организму определенных признаков, основанный на сходстве этого организма в существенных признаках с другими единичными организмами. Вывод по аналогии не имеет доказательной силы, но его значение заключается в способности наводить на догадки относительно еще не удостоверенных характеристик, диагнозов болезней. Великий ученый показывал также, что применение обоих методов – наблюдения, осмотра и различного вида логических умозаключений является обязательным для постановки правильного диагноза и назначения эффективного лечения.

Здесь: делимое понятие: причины болезни;

Члены деления: явные и неявные;

Основание деления: способ обнаружения.

Еще одно деление понятия «причины здоровья и болезней» у Ибн-Сино также представляет большой интерес: это деление на обязательные и необязательные. Обязательные причины Ибн-Сино связывает с философской категорией «необходимость»; это причины, обязательно приводящие к болезни (например, тесный телесный контакт с зараженным чумой). Необязательные причины Ибн-Сино связывает с философской категорией «случайность», они могут как привести, так и не привести к заболеванию. Это могут быть внешние случайные факторы, стечение обстоятельств. Так, исследователи медицины отмечают, что Ибн-Сино перечисляет шесть категорий обязательных причин: «1) Окружающий воздух» - различные климатические и географические факторы; 2) «пища и питье» - еда, лекарства, принимаемые внутрь; 3) «движение и покой тела»; 4) «движение души», то есть «нафс» - психоэмоциональные причины; 5) «сон и бодрствование»; 6) «опорожнение и задержание различных соков, являющихся основой по гуморальным воззрениям, материальной субстанции тела» [9] «Случайные причины: горячность природы мозга, благоволия, раздражения от острых запахов, отчетливая краткость и чуткость сна, отчетливая видимость сосудов глаз, некоторая острота ума, быстрая изменчивость мыслей и намерений» [10].

Здесь: делимое понятие «причины болезней»;

Члены деления: обязательные и необязательные;

Основание деления: необходимость или случайность заболеваний.

Ограниченный объем статьи не позволяет рассмотреть все многочисленные изыскания Абу Али ибн-Сино относительно классификации болезней и их причин. Так, например, заслуживает отдельного рассмотрения его классификация головных болей, которых он насчитывал более тридцати шести, классификация кожных, сердечно-сосудистых заболеваний и многого другого.

Заключение

Подход Ибн-Сино к изучению здоровья человека и причин заболеваний и недугов строится на системном исследовании, в котором сочетаются теоретические источники, накопление практических наблюдений и логическая их обработка. Содержательным моментом учения Абу Али ибн-Сино является подход к анализу причин заболеваний как сложному системному комплексному психосоматическому явлению. Такого же мнения придерживается современная медицина. Кроме того, Ибн-Сино придерживается мнения, что ряд болезней являются многопричинными, многофакторными, и, как следствие, многосимптомными, сложными. Поэтому очень важно выявить логическую связь между внешними проявлениями болезни – симптомами и внутренними причинами, между многочисленными внешними факторами и внутренними процессами, протекающими во всех органах и системах органов. Одним из существенных факторов успехов Ибн-Сино в искусстве целителя являлся логический анализ к выявлению причин заболеваний: вычленение основных и второстепенных факторов, анализ закономерностей взаимодействия и взаимовлияния внешних и внутренних составляющих процесса болезни, понимания существенных и несущественных компонентов явлений заболеваний позволили Абу Али ибн-Сино стать одним из великих врачевателей, целителей, создать выдающийся медицинский труд «Канон врачебной науки» и нести неоценимый вклад в развитие медицинской науки.

Литература:

1. Салдадзе А. Ибн-Сина. Авиценна. Ташкент, издательство «Гафур Гулям», 1985г, - С8
2. Абу Али ибн-Сино. Канон врачебной науки. 2-е издание, т 1, Ташкент, «Фан», 1979-1982 гг, - С 6-7
3. Там же , - С 206.
4. Там же , - С 185
5. Там же , - С 160
6. Там же , - С 150
7. Там же , - С 154
8. Степанова О.И. Логика. Ташкент, Из-во Национального Университета Узбекистана, 2012 г, - С 96.
9. Джумаев В.К. Хирургия Ибн-Сины и ее исторические истоки. Ташкент, изд-во «Медицина», 2-е издание, 1999 г, - С 198.
10. Абу Али ибн-Сино. Канон врачебной науки. 2-е издание, т 4, Ташкент «Фан», 1979-1982 гг, - С 128.

JURISPRUDENCE

Girdwoyn Piotr,
 Prof., Phd doctor
 Institute of Criminal law
 Faculty of Law and Administration
 University of Warsaw, Warsaw, Poland

Baltabayev Erzhan
 phd student
 Faculty of Law and Administration
 University of Warsaw, Warsaw, Poland

[DOI: 10.24412/2520-6990-2021-794-43-47](https://doi.org/10.24412/2520-6990-2021-794-43-47)

THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE CONCEPT OF SPORTS LAW

Abstract.

As a result of the commercialization and politicization of public relations taking shape in sports, athletes were, in fact, one of the least protected members of society¹. The lack of a systematic approach to the regulation of procedures for holding athletes accountable, the procedural regulation of the procedure for appealing decisions of sports organizations, the uncertainty and inconsistency of legal norms deprive athletes of the opportunity to protect their rights and restore their reputation. The relevance of the topic is due to problems existing in the field of legal regulation of the procedure for resolving disputes arising in sports.

The purpose of this research paper was to conduct a functional comparative legal analysis of the provisions of domestic and foreign legislation, as well as the requirements of regulatory documents of (international) sports organizations, with the aim of identifying legal norms and structures that provide effective resolution of disputes in the field of sports.

The importance of the research is manifested in the need to eliminate legal uncertainty on the following issues that are fundamental to this issue:

- regarding the legal nature, signs and functions of the jurisdictional bodies of sports organizations in the field of resolving sports disputes and other bodies that resolve sports disputes;
- regarding the possibility of a unilateral choice of procedure for resolving all types of sports conflicts;
- in relation to methods of appealing against decisions of sports arbitration courts, considering the constitutional right to judicial protection.

Keywords: *theoretical, legal, analysis, concept, sports, law*

Introduction

Sports law is a relatively new area of research and rule-making for jurisprudence. Until now, there is no single point of view on what this, in fact, is - "sports law". By the way, among scholars and specialists there is not even a terminological unity in the matter under consideration. Therefore, this aspect will be determined first. Among the most frequently used terms can be called directly "sports law", as well as "sports law", "sports law", "sports law", "legislation on physical education and sports." The terminological and substantive difference between the concepts of "sports" and "physical-sports", related to the distinction between physical culture and sports, we will pay attention to when we characterize the subject of sports law - thus, the terms "sports law" and "legislation remain the most common alternatives" about physical education and sports. " Let us dwell on them in more detail.

The phrase "sports law" is increasingly being used by both specialists and the general public. Appeal to it can be considered as a result of increasing the level of legal regulation of public relations in the field of sports, the growing attention of society and the state to sports in general. To date, it is this phrase that is perhaps the most common to refer, relatively speaking, to the "interface" between law and sports: this term is used by

the authors of numerous articles, monographs, textbooks we cite, and attempts are made to train lawyers specializing in sports law with a number of universities. The annual International Scientific and Practical Conference "Sports Law: Prospects for Development" is held, in the framework of the Bar Association more than a year has been active in Issy in sports law. At the same time, this term has worldwide recognition: in the English version of "sports law", in the French-language "droit du sport", the German-language "sportrecht" and etc. It is also used in scientific and educational publications. There is the International Association of Sports Law (IASL), which holds annual congresses (the 2009 Congress in Warsaw became the 15th) and publishes the International Sports Law Review. Also used is the Latin concept of "lex sportiva", used to denote "a special legal phenomenon and at the same time a scientific discipline.

The concept of "legislation on physical education and sports" is legal. This term was introduced by the Federal Law of December 4, 2007 No. E29-FZ "On Physical Culture and Sport in the Federation" (hereinafter - the Federal Law "On Physical Culture and Sport in the Federation"), part 1 of article 4 of which determines the composition legislation on physical education and sports, which consists of the specified Federal Law, other federal laws and laws of the subjects of the

Federation adopted in accordance with them. There is a narrow understanding of the legislation on physical culture and sports, which cannot be used to designate the entire array of norms and their sources, which regulates social relations in this area.

Thus, in our study, we use the term "sports law" as a concept that has become established in jurisprudence. Significantly more important, primarily from a scientific point of view, is the content of the concept of "sports law". His clarification is one of the main tasks of this research.

Although the term "sports law" is used very often these days, when one gets acquainted with the works of legal scholars devoted to sports law, one encounters a circumstance that is already described and not uncommon for domestic jurisprudence, when almost every researcher studying a particular group of norms is now seeks to proclaim her branch of law. In modern legal literature, the following points of view have been expressed on the problem under consideration.

Discussion

In the works of C. B. Alekseev, who has perhaps made the greatest contribution to the development of the doctrine of sports law in recent years, traces a kind of "evolution" of the concept we are considering. Referring to the system of law as a superstructure category related to the basis of social relations (i.e., in the mainstream of Soviet legal science, which distinguishes certain branches of law exclusively in view of the social, political significance of the relations regulated by them), as well as on the basis of practical expediency and convenience, the author, firstly, defines physical culture and sports legislation, which he sees as a complex branch of legislation, which has its own pedigree, going back to civil and administrative law too. At the same time, sports legislation is proposed to be considered as a set of legal norms (and not their formal sources) governing physical education and sports and the relations adjacent to them.

Sport plays an important role in modern societies, including those in Europe. However, individual countries differ in terms of their citizens' participation in universally accessible sport. In some societies, the percentage of people who pursue different sports is high, while in other countries it is insignificant. What are the reasons behind such differences? What variables are crucial to accounting for these differences? How has Polish society changed in this regard? Theoretical and empirical analyses show that people in Poland are becoming increasingly active when it comes to sport. In terms of taking part in sport, Polish society is starting to catch up with other European societies. The decisive role in the process is played by: a) social factors (education and affluence), b) the ideals and values that dominate the local culture (physical appearance, kinetic pleasures, and positive emotions), and c) the efficiency and adequacy of the physical education system in schools (innovation, the use of cyberspace, and efforts aimed at addressing social needs). If these three areas of socialization – society, culture and physical education in schools – reach a high level of convergence and if fewer variables hinder the process than at present,

people in Poland will become as physically active as other societies in the West.

Due to its complex and multifaceted nature, sport escapes a clear and synthesizing interpretation. Sport is not a uniform domain of culture; instead, there are many variations of it. Sport plays many different roles the number of which is hard to estimate. For example, some people do sports just for fun and to entertain themselves. In such cases, instead of striving for the best possible performance, priority is to given hedonistic sensations, kinetic sensations, relaxation, the enjoyment of affirmative social interactions, the joy of spending one's free time in a pleasant way, and the opportunity to express oneself. Sport also functions as different games where the main focus is on attaining perfection in terms of physical shape, athletic skills, and ethical criteria. Finally, sport can be seen as a kind of labor aimed at accomplishing pragmatic results, material results in particular. When seen like that, sport comes across as a profession and, consequently, is Sport plays an important role in modern societies, including those in Europe. However, individual countries differ in terms of their citizens' participation in universally accessible sport. In some societies, the percentage of people who pursue different sports is high, while in other countries it is insignificant. What are the reasons behind such differences? What variables are crucial to accounting for these differences? How has Polish society changed in this regard?

Theoretical and empirical analyses show that people in Poland are becoming increasingly active when it comes to sport. In terms of taking part in sport, Polish society is starting to catch up with other European societies. The decisive role in the process is played by: a) social factors (education and affluence), b) the ideals and values that dominate the local culture (physical appearance, kinetic pleasures, and positive emotions), and c) the efficiency and adequacy of the physical education system in schools (innovation, the use of cyberspace, and efforts aimed at addressing social needs). If these three areas of socialization – society, culture and physical education in schools – reach a high level of convergence and if fewer variables hinder the process than at present, people in Poland will become as physically active as other societies in the West.

It becomes a product on the free market where it takes the form of a sporting event. This product is purchased by a vast group of consumers who are usually referred to as supporters. Each sport product has a certain market value that depends on demand (sports discipline, rank of a sporting event) (Krawczyk, 2002, pp. 112-114). As a result of this multifaceted nature of sport, different theoretical and axiological perspectives need to be adopted while analyzing sport. Sport is an interesting field of research for scholars who deal with life sciences, economic sciences, technical sciences, social sciences, as well as the humanities. For that reason, any attempt at developing a holistic concept of sport presents a number of theoretical and methodological problems because of the fragmented research perspectives offered by the above groups of sciences. In a bid to circumvent these problems, we shall focus on dis-

cussing sport as a socio-cultural phenomenon manifested predominantly in existential and semiotic terms. This paper will primarily deal with universally accessible sport, also called "sport for all," recreational sport. Put more simply: active recreation.

As we analyze contemporary societies, we realize that the extent to which individuals in different societies are involved in sports varies greatly. In some societies, very few people take part in universally accessible sport, while in other societies, physical activity is fundamental to how people spend their free time. In some societies, active forms of physical culture hardly exist in people's lives, whereas for others, physical activity is part and parcel of popular lifestyles (Siciński, 2002, pp. 137-140). The natural question is: What factors trigger discrepancies such as those described above? Or perhaps it is better to ask where different groups of such determinants are located in the world around us. Seeking answers to these questions, we come to the conclusion that the differences could stem from the following three aspects of the sociocultural environment: 1. The level of social development (affluence, living conditions, economic development, education, social capital, place of residence, legislation, the political and economic systems, and access to sports facilities); 2. The type of culture (system of values, dominant ideals, dominant models of behavior, cultural capital, social awareness, etc.); 3. The social system of the organization of sport, physical education in schools in particular (weekly number of physical education classes, the organization and style of the classes, and the extent to which the needs and expectations of pupils are met). The three aforementioned groups of factors have a key impact on sport-related social practice. Their social and cultural significance varies, which means their impact varies depending on how well a given culture, society, and physical education system are developed. With this classification in mind, let us try and discuss the Polish public's participation in popular sport, aiming to uncover the reasons behind this state of affairs. We shall use certain regularities which are distinctive to Poland and to those European societies which are better developed and have a longer and stronger tradition with regards to taking part in sport, looking after one's own health, and pursuing active forms of spending free time. Social determinants of universally accessible sport in Poland are a modern society in the final development stage, gravitating towards becoming a post-modern society. That is to say, the Polish public meet criteria which are distinctive to communities of this kind, including mechanized production, growing demand for qualified employees, growing importance of science, declining significance of religion, extensive urbanization, prevalence of rational thinking, and so on. At the same time, societies like these are dominated by consumerism, hedonism, and information technology that pervades all areas of life. Employees in such societies migrate from the production sector to the services sector. Individuals and communities are also exposed to greater risks (Szczeptański, 1992). When seen this way, Poland has all the distinctive features of a Western society. And yet, Poland is still different: it once experienced a totalitarian system called socialism; that is, it

has gone down a road that no society in the West has ever had to go. For that reason, Poland doesn't have well-developed and well-established cultural models, including models of consuming physical culture. Furthermore, the level of Poland's social development is lower than that of Western societies (Bennett, Savage, & Silva, 2010). Irrespective of the aforementioned differences, the phenomena and processes that occur in Poland are conducive to changes in the consciousness and attitudes of individuals who comprise Polish society. That is because proven Western lifestyles and models of social resource management are penetrating Polish society.

The realization of the necessity to participate in sport is a result of better education, a higher affluence level in statistical terms (Statistical Yearbook of the Republic of Poland), and the prevalence of rational thinking. In turn, participation in sport as such is the result of pro-sport attitudes along with improved facilities and financial conditions that allow for sport-related services to be provided. One extremely important trend that has affected the Polish public's participation in universally accessible sport is that vast groups of blue-collar workers migrating to the white-collar sector. What has been emerging in the process is a new kind of society, described as a post-industrial, information, consumerist, or knowledge-based society (Giddens, 2006, pp. 394-441). In a knowledge-based economy, the majority of people with jobs are not involved in producing and distributing material goods. Instead, they design, work out development strategies, and deal with the marketing, distribution, and provision of services. The result of this is that most of the public is white-collar workers and, quite naturally, they feel an urge to spend their spare time in an active form, which includes participation in sport. At the other extreme is the shrinking group of blue-collar workers who regard passive forms of relaxation, ones that do not require any physical effort whatsoever, as the best way of spending their free time. In other words, changes in the structure of employment stimulate interest and participation in sport (The Participation of Polish People in Sport and Physical Recreation in 2012). As a result of the social phenomena and processes listed above, a growing portion of the Polish public are becoming increasingly aware of the need to take part in sport. A greater number of people are also involved in sport-related social practice, as evidenced by the findings of empirical studies (The Participation of Polish People in Sport and Physical Recreation in 2012 and other surveys conducted with nonrepresentative samples) as well as everyday observation of social life. One cannot remain oblivious to the great many of Poles who ride bicycles, roller-skate, jog in parks and other green areas, play football on local pitches, carry skiing and surfing equipment on the roofs of their cars, and so on. It is also evident that more and more people have been attending all kinds of picnics, festivals and other sporting and recreational events (CBOS 2008, 2010, 2012, 2013).

Good examples of this new situation are numerous running events that have been extremely popular with the public recently. The Warsaw Marathon had a record number of around 10,000 participants and a record

number of viewers turned up to cheer for the contestants. None of this means, however, that participation in sport is commonplace in Poland. It definitely is not, nor does it live up to the expectations. Participation in sport is more universal in modern societies found in Europe and beyond. This is particularly true about countries such as Sweden, Norway, Finland, Denmark, Germany, France, the Netherlands, Belgium, and so on. That is because those countries are better developed and civilized, or putting it more precisely, people in those countries are more affluent, better educated, and more deeply aware of the need to take part in sport activities. Social life is also better organized in those countries, and the population has better access to sport facilities (Dimitrov, Helmenstein, Kleissner, Moser, & Schindler, 2006). Cultural determinants of universally accessible sport. Certain elements of culture that prevail in a given society are crucial to accounting for trends that govern participation in universally accessible sport.

Conclusion

The study showed that to date in legal system, as well as in the legal systems of the world, a complex multifaceted phenomenon called sports law has formed. Given the uniqueness of sport, its political and legal autonomy, its ever-increasing social and political significance, the intersection of legal and sports spheres is also very specific. Perhaps that is why, despite the recent frequent appeal of scientists to sports and legal issues, a single approach to the basic concept - sports law - remains undeveloped. In this work, sports law has been analyzed as an integral part of the legal system, which does not deny its other forms and manifestations.

The sports law was examined by the author at the national level using the views formed in domestic jurisprudence over decades on the structural composition of the legal system and the legal system. The criterion for dividing the system of law into constituent elements - first of all, branches and sub-sectors of law, as well as legal institutions - the subject of legal regulation is universally recognized. In addition, it is believed that certain branches of law correspond to special methods of legal regulation that reflect the specifics of the applied methods of legal influence and legal means, as well as emerging industry regimes. At the same time, it was found that the idea of the structural composition of the legislative system is less uniform and developed, often being a kind of projection on the legislative system of the characteristics of the legal system.

The ongoing changes in the public life of our country, affecting the legal sphere, make us take a fresh look at the theoretical issues under consideration. To overcome violations of the systematic legislation, low quality bills, numerous legal conflicts affecting the low level of implementation of laws, which is the weakest part of the legal sphere of our society, it is necessary to prepare scientific concepts of industry legislation. This accounts for the once again increasing attention to the classic structural problems of legal theory. In particular, regular attempts are made to justify the existence of certain legal entities as special, "complex" branches of law that do not meet the criteria of the "subject-method" (or for which compliance with these criteria is

indisputable), in contrast to the traditionally distinguished, "main" branches of law. At the same time, apparently, due to the debatability of the problems of correlation of law and legislation, the composition of the latter, one can observe a confusion of scientific ideas about the structural composition of the legal system and the legal system, as well as the concepts and classifications used to study them and describe them.

The author saw the prospect of resolving the problems described above in an appeal to the structural composition of the legal system, different from the structural composition of the legal system, characterized by multilayered and including, among others, complex entities, including complex branches of legislation. In this case, legislation is understood in a broad sense - as a set of regulatory legal acts, including by-laws. It seems that only the allocation of complex branches of legislation and the scientific development of the corresponding concept allows us to characterize a number of new phenomena, both in the system of sources of law and in the system of law itself, including sports law. To this end, the author attempted to define a comprehensive industry of legislation. During the study, a number of institutes of sports law, a system of its principles and subjects were characterized. On these issues, it seems to me, far from the last word has been said. The structure and scope of this work, as well as the tasks facing us, determined the review nature of the consideration of these issues, which are seen as directions for further in-depth research. At the same time, the main purpose of the was to find the place of sports law in the legal system, as a result of which a consistently substantiated understanding of sports law as a complex branch of legislation was developed, and the author is convinced of the advantages of this approach.

References

1. Federal Law of December 4, 2007 No. E29-FZ "On Physical Culture and Sport in the Federation" (hereinafter - the Federal Law "On Physical Culture and Sport in the Federation")
2. S. V. Alekseev, sports law as the newest branch of law, field of legal science and educational discipline (course system), Eurasian Forum//2014
3. Krawczyk, 2002, the Act on Territorial Self-Government of 8 March 1990 (Journal of Laws No. 7., See the regulations and decrees of Polish sport associations such as Resolution No. II/11 of 19 May 2002 issued by the Board of the Polish Football Association ... Krawczyk, Z. (1995) Spoelczne przeslanki przeobraz . en kultury fizycznej.
4. Siciński, 2002, Siciński, A. (2002). Styl życia /Lifestyle/. W Encyklopedia socjologii /Encyclopedia of Sociology/. Warszawa: Oficyna Naukowa, 137-140.
5. Statistical Yearbook of the Republic of Poland. (2012). Warsaw: Central Statistical Office.
6. Szczepański, M.A. (1992). Pokusy nowoczesności. Polskie dylematy rozwojowe /The Temptations of Modernity.
7. Poland's Development-Related Dilemmas/. Katowice: Uniwersytet Śląski.
8. Uczestnictwo Polaków w sporcie i rekreacji ruchowej w 2012 r. /The Participation of Poles in Sports and Physical

9. Recreation in 2012/. (2012). Warszawa: Główny Urząd Statystyczny. Departament Badań Społecznych i Warunków Życia.

10. Urych, I. (2010). Wzory i wartości kultury fizycznej w wybranych magazynach life-stylowych /Physical Culture

11. Models and Values in Selected Lifestyle Magazines/ (praca doktorska/doctoral thesis). Warszawa: Akademia

12. Wychowania Fizycznego Józefa Piłsudskiego w Warszawie.

13. Ustawa z dnia 18 stycznia 1996 r. o kulturze fizycznej /Law of 18 January 1996 on Physical Culture/. Dz. U. Nr 226. Poz. 1675.

14. Ustawa z dnia 25 czerwca 2010 r. o sporcie /Law of 25 June 2010 on Sport/. Dz. U. Nr 127. Poz. 857.

15. Bennett, T., Savage, M., Silva, E. (2010). Culture. Class. Distinction. London, New York: Routledge. Giddens, 2006, Giddens, A. (2006). Socjologia /Sociology/. Warszawa: PWN.

16. Dimitrov, D., Helmenstein, C., Kleissner, A., Moser, B., Schindler, J. (2006). Die makroökonomischen Effekte des

17. Sports in Europa. Wien: Studie im Auftrag des Bundeskanzleramts. Sektion Sport.

Ensaev I.Sh.,

*студент 4 курса юридического факультета
Стерлитамакского филиала БашГУ*

Юлбердина Л.Р.

*старший преподаватель кафедры
гражданского права и процесса*

Стерлитамакского филиала

«Башкирский государственный университет»

АУДИОПРОТОКОЛИРОВАНИЕ АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА

Ensaev I.Sh.,

*4rd year student of the faculty of law
Sterlitamak branch of BashSU*

Yulberdina L.R.

*senior lecturer of the department
civil law and process*

Sterlitamak branch «Bashkir State University»

AUDIO RECORDING OF THE ARBITRATION PROCESS

Аннотация.

В статье рассматриваются особенности аудиопроколирования в ходе судебных заседаний, проводимых в арбитражных судах Российской Федерации. Автор также приводит положительные аспекты совершения протокола судебного заседания посредством аудиозаписи.

Abstract.

The article discusses the features of audio recording during court sessions held in the arbitration courts of the Russian Federation. The author also gives the positive aspects of the execution of the minutes of the court session by means of an audio recording.

Ключевые слова: аудиопрокол, арбитражный процесс, судебное заседание, аудиозапись.

Keywords: audio protocol, arbitration process, court session, audio recording.

В современных условиях, когда прогресс касается различных сфер жизнедеятельности, видится необходимым приводить в соответствие и правовую базу, регламентирующую те или иные отношения, складывающиеся в обществе. На основании чего, для упрощения, совершенствования проведения хода судебных заседаний законодателем было предусмотрено введение аудиопроколирования в сфере арбитражного процесса.

Безусловно, что протоколы судебных заседаний имеют важное значение, так как являются источником информации о ходе судебного разбирательства и отражают его существенные аспекты. При этом, данная разновидность протоколирования

обуславливается не только волеизъявлением участников процесса, но и, в первую очередь, законодательством.

Так, например, судебные заседания суда первой инстанций (п. 1 ст. 155 АПК РФ), а равно при совершении отдельных процессуальных действий вне судебного заседания осуществляются с обязательным аудиопроколированием (ч. 4 ст. 78 АПК РФ) [1].

При этом, такая запись становится основным средством фиксации сведений о ходе заседания, в то время как письменный протокол выступает лишь дополнительным источником информации.

Безусловную значимость такого протокола подтверждает и то, что если на судебный акт подана апелляционная (кассационная) жалоба, содержащая доводы относительно отсутствия аудиозаписи судебного заседания на материальном носителе, в то время сведения фиксировались именно посредством аудиозаписи, послужившие основанием для принятия этого судебного акта, а арбитражный суд установит, что файл аудиозаписи заседания, подлежащий сохранению в информационной системе арбитражного суда, утрачен и не может быть восстановлен, то такое обстоятельство, безусловно, становится основанием для отмены акта (в любом случае применительно к п. 6 ч. 4 ст. 270, п. 6 ч. 4 ст. 288 АПК РФ) [1].

Законодательное закрепление протоколирования с использованием средств аудиозаписи и придание ему статуса основного средства фиксации информации является прогрессивным направлением в осуществлении производства арбитражными судами.

К слову, арбитражные суды более приспособлены к ведению аудиопротоколов, система отлажена и не стесняет ни суд, ни стороны при рассмотрении дела, в то время как суды общей юрисдикции все еще привыкают к обязательному «новшеству».

Указанное обусловлено тем фактором, что с первого сентября 2019 года вступил в силу Федеральный закон № 265-ФЗ от 29.07.2018 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым были внесены некоторые изменения, основная часть которых направлена непосредственно на внедрение информационных технологий в деятельность судов на территории страны [2].

Так, уже на протяжении около полутора лет ведение такого формата протоколирования должно осуществляться в ходе каждого заседания, включая даже предварительное.

Также запись в суде должна осуществляться при совершении процессуальных действий вне судебного заседания.

Ввиду того, что такое нововведение для арбитражного судопроизводства не ново, исполнение таких требования не сказалось на продуктивности работы судей и, более того, на протяжении уже длительного времени способствует ведению процесса.

Кроме того, зачастую устные замечания, фразы забываются сторонами, так как произнесены в обстановке, вызывающей волнение, поэтому аудиозапись позволяет в полной мере отразить происходящее в суде.

Таким образом, выявив необходимость и важность совершения протоколирования в отмеченной форме, отметим плюсы такого протоколирования, в том числе и посредством сравнения такого протокола с письменным.

К положительным аспектам относятся:

1) сокращение сроков рассмотрения в связи с возможным исключением процедур ознакомления с протоколом и рассмотрения к нему замечаний;

2) высокая информативность таких протоколов, что позволяет исключить неверное толкование действий и слов сторон;

3) дисциплинирование участников процесса;

4) обеспечение принципа гласности, открытости, прозрачности и доступности правосудия;

5) возможность выявления ошибок со стороны суда и иных, участвующих в процессе, лиц;

6) быстрый поиск как протоколов, так и его частей (эпизодов), осуществляемый по различным параметрам [3, с. 53].

В заключение отметим, что аудиопроотоколирование отражает совершенствование системы судопроизводства. Кроме того, на опыте использования и применения аудиопротоколов арбитражными судами, возможно выявление недочетов в указанной системе с последующим их разрешением и применением в судах общей юрисдикции на обязательной основе.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Российская газета. – 2002. – № 137.

2. Федеральный закон № 265-ФЗ от 29.07.2018 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. – 2018. – № 166.

3. Макарецев А.В. Применение аудиопроотоколирования в ходе судебного заседания // Информационные системы в юриспруденции. – 2019. – № 2. – С. 52 – 58.

Ensaev I.Sh.,
студент 4 курса юридического факультета
Стерлитамакского филиала БашГУ
Юлбердина Л.Р.
старший преподаватель кафедры
гражданского права и процесса
Стерлитамакского филиала
«Башкирский государственный университет»

НАСЛЕДОВАНИЕ С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАНЦЕВ ИЛИ НАСЛЕДОВАНИЯ ИМУЩЕСТВА ЗА РУБЕЖОМ

Ensaev I.Sh.,
4rd year student of the faculty of law
Sterlitamak branch of BashSU
Yulberdina L.R.
senior lecturer of the department
civil law and process
Sterlitamak branch «Bashkir State University»

INHERITANCE INVOLVING FOREIGNERS OR INHERITANCE OF PROPERTY ABROAD

Аннотация.

Автор раскрывает некоторые спорные аспекты, касающиеся наследования имущества с участием иностранного элемента. Также в данной работе исследуются международные акты и судебная практика, в связи с чем, автор приводит примеры и пути разрешения ряда разногласий, когда в наследовании участвует иностранный гражданин либо наследуется имущество, находящееся за рубежом.

Abstract.

The author reveals some controversial aspects concerning the inheritance of property with the participation of a foreign element. Also in this work, international acts and judicial practice are studied, in this connection, the author gives examples and ways to resolve a number of disagreements when a foreign citizen participates in inheritance or property located abroad is inherited.

Ключевые слова: наследование, коллизионные нормы, имущество, проблематика.

Keywords: inheritance, conflict of laws rules, property, problems.

Попытка унификации законодательства во многих странах мира вызвана высоким уровнем взаимодействия, особенно, в области гражданского права. В России базовым источником гражданского права является Гражданский кодекс РФ. Безусловно, имеют место и обычаи (ст. 5 ГК РФ), однако преимущественно большую часть аспектов взаимодействия возможно урегулировать прибегнув к положениям кодекса [1].

Кодекс предусматривает факт вступления в правоотношения лиц – граждан разных государств. Такие отношения не могут регулироваться только выборочно определенным правом одного из государств. Имеет место переплетение норм, причем, то, что, порой допускается правом одной страны, противоречит законам другой.

Указанный фактор стал причиной разработки, в том числе и норм ГК РФ (часть III, раздел V), регламентирующих часть отношений с так называемым иностранным элементом, что значительно упрощает выстраивание гражданско-правовых отношений.

Укажем, что к иностранным элементам в области наследственного права относят лиц, как наследников, так и наследодателей, имеющих гражданство другого государства. Нередко обнаруживается

имущество наследодателя – гражданина России, находящееся за рубежом.

Приведенные примерные ситуации не всегда представляется возможным урегулировать надлежащим образом, ввиду различия норм государств, касающихся процедуры наследования. В связи с изложенным, видится необходимым проанализировать спорные аспекты, возникающие при наследовании как иностранными лицами, в случае нахождения имущества на территории России, так и российскими гражданами имущества, находящегося за рубежом.

Явное различие в понимании сути наследования приводит М.С. Абраменков, указывая, что для стран континентального права наследование ничто иное как универсальное правопреемство, начало которого проистекает из римского права, где наследование, помимо передачи имущества наследнику, подразумевало юридическое продолжение личности наследодателя [3, с. 13]. В странах же «общего права» наследование предполагает передачу имущества наследникам, указанным как в завещании, так и являющимся таковыми на основании закона, либо уничтожение такового, а равно и оплату долгов наследодателя.

Учитывая также и то, что, несмотря на приведенное разграничение стран на две группы, важно понимать, что у каждого государства имеются свои особенности, касаемо наследования, поэтому наиболее оптимальным выходим из ситуации, при участии иностранного элемента, видится разработка и применение коллизионных норм.

Далее рассмотрим наиболее часто встречающиеся проблемные аспекты в области наследования.

Во-первых, в основном проблемы при регламентации исследуемых отношений возникают ввиду решения, закон какого государства следует применять при наследовании с участием иностранного элемента.

Как правило, ввиду распространенности спорных ситуаций, государства, в большинстве своем, во всех случаях наследования с иностранным элементом прибегают к нижеследующим решениям:

1) разработка и закрепление в законе коллизионных норм;

2) заключение международных соглашений, в том числе и договоров о правовой помощи.

Так, например, в 1993 году был заключен договор между Российской Федерацией и Эстонской Республикой о правовой помощи в и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, где в ст. 41 говорится о том, что «право наследования движимого имущества регулируется законодательством Договаривающейся Стороны, на территории которой наследодатель имел последнее постоянное местожительство» [2].

К сожалению, не всегда имеют место юридические нормы, позволяющие разрешить ту или иную ситуацию в досудебном порядке. Так, Ульяновская Л. обратилась в суд к Киреевой Н.В. с иском об установлении факта принятия наследства, открывшегося после смерти ее матери Гореловой М.В. и признании права собственности на наследственное недвижимое имущество (дом на территории России). Сособственник дома – Киреева Н.В. (сестра наследодателя). Единственный наследник истица. На момент смерти Горелова М.В. проживала вместе с истцом в г. Риге Латвийской Республики. Ульяновская Л. приняла наследство путем фактического вступления во владение. Решением суда Видземского предместья г. Риги от 06.05.1997 утверждены имущественные права Ульяновской Л. на дом, так как истец указала, что ввиду отдаленности своего проживания в нотариальную контору в РФ с соответствующим заявлением о принятии наследства не обращалась, но вступила во владение имуществом, находившимся на территории Латвии, тем самым фактически приняла все наследственное имущество, включая и имущество, находящееся на

территории России. Решением Серпуховского городского суда МО от 2016 иск удовлетворен [4].

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда решение было отменено и принято новое решение об отказе в удовлетворении иска. Однако судом кассационной инстанции (ВС РФ) решение суда первой инстанции было оставлено без изменения, а определение суда апелляционной инстанции отменено.

Как видим, зачастую взаимодействие правовых норм двух и более государств приводит к возникновению конфликтной ситуации, подлежащей разрешению в судебных органах.

Во-вторых, может возникнуть проблема определения круга наследников по закону, так как в разных странах могут отличаться лица, могущие стать наследниками, а также возможно отсутствие очередности наследования.

Наиболее спорной является ситуация определения того, какому государству перейдет выморочное имущество в случае, если наследник – гражданин одного государства, отказался от наследства, находящегося либо на территории иной страны, либо при условии, что сам наследодатель не был гражданином России. А также ввиду определения того, что же важнее: место последнего жительства или же место нахождения имущества.

Таким образом, укажем, что, несмотря на некоторые противоречия в области правового регулирования наследования с участием иностранцев или наследования имущества за рубежом, государства предпринимают меры по урегулированию проблем, возникающих в процессе, а также работают в направлении предупреждения таких ситуаций, заключая международные договора о содействии и помощи при наследовании с участием иностранного элемента.

Литература

1. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Российская газета. – 1994. – 238 – 239.

2. Договор между РФ и Эстонской Республикой о правовой помощи в и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 26.01.1993 // [URL: http://www.arbitr.ru/_upimg/rf_eston_1993.pdf] (дата обращения: 23.02.2021).

3. Абраменков М.С. Наследование как вид универсального правопреемства // Право и общество. – 2017. – № 2. – С. 13 – 17.

4. Определение Верховного Суда РФ от 28.02.2018 по делу № 4-КГ-16-76 // URL: http://www.supcourt.ru/stor_pdf.php?id=1525082 (дата обращения: 23.02.2021).

ББК 67.3
УДК 342

Потапов Михаил Григорьевич

профессор кафедры гражданского права Новосибирского военного института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии России, кандидат юридических наук, доцент.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ УСТРОЙСТВО ДРЕВНЕЙ РУСИ: ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Potapov Mikhail Grigorievich

professor of civil law of the Novosibirsk military Institute named army general I.K. Yakovleva national guard troops Russia, PhD in Law, Associate Professor.

RESEARCH PROBLEMS STATE AND LEGAL STRUCTURE OF ANCIENT RUSSIA

Аннотация.

В статье обозначены проблемы исследования государственного устройства древней Руси. В частности, речь идет об источниках информации, которые позволяли бы утверждать о государственном и правовом устройстве в древней истории страны. Показана необходимость привлечения к исследованию данной проблемы археологических, антропологических, филологических, исторических и многих других научных данных о древней Руси, поскольку Россия до сих пор не имеет собственной истории государственности и права в так называемые до «Рюриковский» или до «Киевский» периоды. Научный пробел в знании отечественной истории в указанный период времени не позволяет однозначно трактовать и историю федеративного устройства России, которая определяется разными периодами времени её существования. Новизна темы исследования заключается не только в обозначении проблем федеративного устройства Древней Руси, но и в обозначении вопросов истории регионального права, фрагменты которого просматриваются в соответствующих источниках информации. Эти источники имеют весьма важное и существенное значение в процессе научного познания данных вопросов, поскольку представляют собой эмпирическую основу их изучения. Научный анализ этих источников позволяет в определённой степени понять и систематизировать, в том числе и историю регионального права. Вместе с тем научный анализ имеющихся источников информации позволяет, с одной стороны, констатировать неоднозначность мнений (версий, теорий) о существовании не только истории государственно-правового устройства древней Руси, но и её истории вообще, с другой, выявить фрагменты истории регионального права. Но в начале научного исследования сами по себе эти фрагменты естественно привести в систему знаний не представляется возможным и потому на предварительном этапе познания они (фрагменты) не могут быть «изъяты» из общего контекста истории Руси, которая имеет множество собственных проблем.

Abstract.

The article outlines the problems of studying the state structure of ancient Russia. In particular, we are talking about sources of information that would make it possible to assert about the state and legal structure in the ancient history of the country. The need to involve in the study of this problem archaeological, anthropological, philological, historical and many other scientific data about ancient Russia, since Russia still does not have its own history of statehood and law in the so-called "Rurik" or "Kiev" periods.

The scientific gap in the knowledge of Russian history in this period of time does not allow to unambiguously interpret the history of the federal structure of Russia, which is determined by different periods of time of its existence.

The novelty of the research topic lies not only in identifying the problems of the federal structure of Ancient Rus, but also in identifying issues of the history of regional law, fragments of which can be seen in the relevant information sources. These sources are very important and essential in the process of scientific knowledge of these issues, since they represent the empirical basis of their study.

Scientific analysis of these sources makes it possible to understand and systematize to a certain extent, including the history of regional law. At the same time, a scientific analysis of available sources of information allows, on the one hand, to state the ambiguity of opinions (versions, theories) about the existence of not only the history of the state and legal structure of ancient Russia, but also its history in general, on the other hand, to reveal fragments of the history of regional law.

But at the beginning of scientific research, it is natural to bring these fragments into the system of knowledge by themselves, and therefore, at the preliminary stage of cognition, they (fragments) cannot be "removed" from the general context of the history of Russia, which has many problems of its own.

Keywords: ancient Russia, history, state, law, federal and legal structure, federation, subjects of the federation, regional law, regulatory regulators, sources of information.

Ключевые слова: древняя Русь, история, государство, право, федеративное и правовое устройство, федерация, субъекты федерации, региональное право, нормативные регуляторы, источники информации.

Вопросы истории федеративного устройства России принято, как правило, рассматривать либо с 1918 года, когда была принята Конституция РСФСР¹, поскольку до этого времени Россия юридически считалась унитарным государством; либо в рамках так называемой современной истории российского федерализма², т.е. с началом реформ 1990-х годов. Что касается так называемых «идей» о федерализме в истории России, то они исследуются с конца XVIII века, когда на русскую интеллигенцию в это время оказали влияние «западно-европейские и американские мысли»³ по этому вопросу. Однако такой подход в принципе исключает саму возможность говорить не только о региональном праве в истории страны, но и о федеративно – правовом устройстве древней Руси.

Между тем в ряде работ авторов были предприняты попытки рассмотреть отдельные аспекты федеративного устройства древней Руси⁴. Сведения, изложенные в этих работах, несомненно, являются весьма важными для данного исследования и их научный анализ ещё предстоит сделать. Здесь же только заметим, что, к сожалению, авторы лишь фрагментарно обозначили такие сведения, говоря, например, о некоторых признаках протофедерализма в древней Руси⁵; либо о Древнерусской федерации, которая просуществовала с 1054 года до конца XI века⁶; либо о Древнерусской державе, которая представляла собой «образование, близкое к федеративному типу»⁷; либо о федеративной идее, которая интуитивно использовалась «для собирания племён и княжеств» Руси⁸; либо о «конфедеративных началах под верховным руководством великого князя»⁹.

При всех очевидных различиях этих суждений объединяет их так называемая «точка отсчёта» рассматриваемого авторами исторического периода, поскольку исследователи в своих работах речь ведут о событиях IX – XI века. В этой связи возникает множество вопросов. Например, с какого периода времени формировалось древнерусское государство? Была ли история государственно-правового устройства древней Руси до Рюрика? Какова же всё таки была форма территориального устройства

Руси (унитарная, протофедеративная, конфедеративная или федеративная)? Каковы были исторические предпосылки для такого устройства? Как соотносятся эти сведения с мнениями других авторов, которые не без оснований полагают, что древняя Русь вообще не являлась государством?¹⁰; Что представляло собой федеративное право древнерусской федерации? Можно ли говорить вообще о федеральном, региональном и федеративном праве древней Руси? Подобного рода вопросы не являются исчерпывающими. Поиск ответов на эти вопросы думается должен учитывать как минимум три условия. Во-первых, необходимо в определенной мере изучить так называемые «первичные», а также многие другие источники информации по обозначенной проблеме, и подвергнуть их тщательному научному анализу. Например, известно, что в Повести временных лет нет сведений не только о федеративном устройстве Руси, но и о её государственности, поскольку такая терминология ещё не была известна современникам того периода времени. Во-вторых, необходимо расширить хронологические рамки исследования, поскольку государство и его территориальная форма не могут возникнуть в одночасье, в один, два года или десятилетие. Этому предшествует продолжительный и сложный процесс их формирования. В-третьих, при научном анализе недопустимо вычленять отдельные исторические фрагменты и на этом основании пытаться делать какие-либо выводы, вне контекста так называемой «общей исторической картины», «нарисованной» не только «красками» Повести временных лет и подобными ей источниками, но и с привлечением археологических, антропологических, научно-технических, филологических и многих других современных научных данных по этому вопросу.

Проблемы научного исследования истории регионального права, и вместе с ним истории федеративного права, как впрочем, и многие другие проблемы, не могут быть изучены без соответствующих источников информации. Они имеют весьма важное и существенное значение в процессе науч-

¹ Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа / Декреты Советской власти. Т. I. - М., Гос. изд-во полит. литературы, 1957 / <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/declarat.htm>

² См.: Добрынин Н.М. Новый федерализм: Модель будущего государственного устройства Российской Федерации. – Новосибирск: Наука, 2003. – 468 с.; Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. Учебно-практическое пособие. – М.: Дело, 2000. – 304 с.; Конохова И.А. Современный российский федерализм и мировой опыт: Итоги становления и перспективы развития. – М.: ОАО «Издательский дом «Гордодес», «Формула права», 2004. – 592 с.

³ Пахомов В.Г. Идеи федерализма в истории политико-правовой мысли России (конец XVII – XX вв.). Автореф. дисс. ... доктора юрид. наук. – М., 2003. С. 11.

⁴ См.: Чертков А.Н. Древнерусская Федерация // Журнал российского права. 2000. № 2. С. 162-173; № 3. С. 152-159; Глигич-Золотарева М.В. Правовые основы федерализма. – М.: Юрист, 2006. С. 140 – 151; Петров И.В. Гос-

ударство и право древней Руси. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2003. – 413 с.; Абдулатипов Р.Г. Федералогия. – СПб.: Питер, 2004. С. 67–70; Шайхлисламо Э.Р. Федеральная государственность и проблема регионализации в России: историко-правовой аспект. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. – Краснодар, 2008. С. 18.

⁵ Глигич-Золотарева М.В. Указ. соч.

⁶ Чертков А.Н. Указ. соч. № 2. С. 165.

⁷ Петров И.В. Указ. соч. С. 151.

⁸ Абдулатипов Р.Г. Указ. соч. С. 68.

⁹ Шайхлисламо Э.Р. Указ. соч.

¹⁰ См.: Данилевский И.Н. Лекция 6. Древняя Русь. Была ли Киевская Русь государством? Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). – М. 1998. С. 169 / http://www.lants.tellur.ru/history/danilevsky/d06_3.htm; Фалалеева И.Н. Политико-правовая система Древней Руси IX – XI вв. - Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета. 2003. С. 4, 26, 97-98, 141; Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. - М.: Изд-во К.И. Солдатенкова, Н. Щепкина, 1858. С. 10, 26.

ного познания, поскольку представляют собой эмпирическую основу изучения проблем. Их научный анализ позволяет в определённой степени понять и систематизировать, в том числе и историю регионального права. Однако исследование этой проблемы осложнено отсутствием каких-либо специальных источников информации по этой теме, что ставит под сомнение саму постановку вопроса. Вместе с тем научный анализ имеющихся источников информации позволяет, с одной стороны, констатировать неоднозначность мнений (версий, теорий) о существовании не только истории государственно-правового устройства древней Руси, но и её истории вообще, с другой, выявить фрагменты истории регионального права. Но в начале научного исследования сами по себе эти фрагменты естественно привести в систему знаний не представляется возможным и потому на предварительном этапе познания они (фрагменты) не могут быть «изъяты» из общего контекста истории Руси, которая имеет множество собственных проблем. Например, проблемы происхождения древнерусского государства, проблемы хронологии его образования (до Рюрика, во время его правления или после него). Без предварительного поиска ответов на эти вопросы также не представляется возможным выявить элементы конфедеративного или федеративного устройства в истории древней Руси. В этой связи необходимо учитывать, что генезис регионального права, как впрочем и федеративного права в целом, не может быть в достаточной мере изучен без научного исследования источников информации не только по истории государственно-правового устройства древней Руси, но и без привлечения к научному анализу иных и многих других научных данных из разных направлений науки. Объясняется такой подход ещё и тем, что региональное право является производным явлением от явлений государственно-правовых (федеративно – правовых), в отечественную историю которых необходимо попытаться привнести в определенной степени научную ясность.

Принимая во внимание сказанное, думается, что логика данного исследования может быть построена в следующей последовательности. Вначале

в ограниченной мере следует рассмотреть историографические и источниковедческие проблемы государственно-правового устройства древней Руси. Затем необходимо привести научные факты, сведения и аргументы существования так называемой «дюрюиковской» истории Руси. В последующем попытаться выяснить историю её государственно-правового устройства, выявить федеративно – правовые элементы организации государственной власти, что позволит в завершении перейти к анализу сведений по истории формирования отечественного федеративного (федерального и регионального) права.

Известно, что научные сведения об источниках информации являются предметом изучения историографии и источниковедения. Представителями этих направлений науки, в частности, можно назвать Г.В. Вернадского¹¹, А.Г. Голикова, А.Т. Круглова¹², В.О. Ключевского¹³, Н.Л. Рубинштейна¹⁴, М.Н. Тихомирова¹⁵, В.В. Фарсобина¹⁶ и А.Л. Шапиро¹⁷. В работах названных авторов в определённой степени обозначены также историографические и источниковедческие проблемы истории происхождения древнерусского государства. Например, проблемы связанные с так называемыми «норманнской» и «антинорманнской» версиями происхождения государства Руси, которые до настоящего времени не имеют однозначного решения. **Между тем различия обозначенных версий обусловлены многими историографическими и источниковедческими причинами.** Можно предположить, что одними из них, наряду с прочими, являются: 1) ограниченность (малочисленность) достоверных письменных источников, в которых повествовался период возникновения и становления Древнерусского государства и права¹⁸; 2) не совсем точное, достоверное и (или) может быть не совсем объективное содержание источников информации, в которых современниками прошлого фиксировался процесс формирования государства и права древней Руси¹⁹; 3) возможная неверная интерпретация или может быть даже фальсификация авторами и исследователями содержания этих са-

¹¹ Вернадский Г.В. Русская историография. – М., 2000.

¹² Голиков А.Г., Круглова А.Т. Источниковедение отечественной истории. – М., 2000.

¹³ Ключевский В.О. Источниковедение: Источники русской истории // Соч.: В 9 т. – М., 1989. Т. VII. С. 5-83.

¹⁴ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. – М., 1941.

¹⁵ Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. С древнейших времен до конца XVIII века. – М., 1940 (2-е изд. – М., 1962).

¹⁶ Фарсобин В.В. Источниковедение и его метод: Опыт анализа понятий и терминологии. – М., 1983.

¹⁷ Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. Учебное пособие. – М., 1993.

¹⁸ См.: Фалалеева И.Н. Политико-правовая система Древней Руси IX – XI вв. - Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета. 2003. С. 3; Гуц А.К. Подлинная история России. Записки дилетанта: Учебное пособие. – Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. – 192 с. /

<http://users.univer.omsk.su/~guts/History>; Щапов Я.Н. Археографическая методика исследования и издания памятников древнерусского права // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. - М.: Наука, 1978. С. 8.

¹⁹ См., напр.: Рыбаков Б.А. Рождение Руси. – М.: «АиФ Принт», 2003 / http://lib.ru/HISTORY/RYBAKOW_B_A/russ.txt; Гумилев Л.Н. Можно ли верить историческим источникам? Этногенез и биосфера Земли. – М.: АСТ, Астрель, 2005 / http://www.xrh.ru/e107_plugins/content/content.php?content.t.35.3#38; http://www.xrh.ru/e107_plugins/content/content.php?content.35; Гумилев Л.Н. Хунну. – М., 1960. С. 59 - 6); Грибовский В.М. Древнерусское право (краткий обзор чтений по истории русского права). Выпуск 1 (Древнейший земско-княжеский период). – Петроград. Типография «Двигатель Казначейская», 1915. С. 12-13.

мых источников, что не позволяет сделать однозначные выводы о времени, причинах и условиях образования Древнерусского государства и права²⁰.

Сомнения в достоверности и объективности содержания так называемых «первоначальных»²¹ источников информации прошлого обусловлены противоположными подходами авторов к их исследованию. Так, в одном из них утверждается, «.. что начальный период образования государства у восточных славян отражён в источниках недостаточно: ведь письменность распространяется уже после создания государства, и летописные известия об этой поре содержат отдаленные от событий по меньшей мере двумя веками исторические припоминания, носящие часто черты легенды»²². В частности, применительно к исследуемому периоду времени авторы полагают, что: 1) численность таких источников незначительна²³, «.. и они крайне противоречивы»²⁴; 2) дискуссии «.. о происхождении Руси в известной мере ..» объясняются «.. противоречиями в источниках, обилием домыслов и догадок у самих древних авторов»²⁵; 3) поскольку «.. в первой половине первого тысячелетия ..» не существовало «.. системы создания и

хранения документов, подобной христианским монастырям ..», т.е. не было «архивного дела», то и возникают проблемы с историческими материалами, «.. созданных в славянских землях ..»²⁶.

По мнению Н.И. Костомарова: «Наша история о временах, предшествовавших принятию христианства, темна и наполнена сказаниями, за которыми нельзя признать достоверности. Этому причиной то, что наши первые летописцы писали не ранее второй половины XI в. и о событиях, происходивших в их отечестве в IX и X веках, за исключением немногих письменных греческих известий, не имели других источников, кроме изустных народных преданий, которые, по своему свойству, подвергались вымыслам и изменениям»²⁷.

В другом подходе исследователи пишут, «.. что письменность существовала на Руси до принятия христианства для нужд государственного делопроизводства»²⁸. Об этом свидетельствуют, по их мнению, тексты древних «хроник» и древнейших «азбук», которые подтверждают наличие «.. письменности у славян в «рунической форме»²⁹ еще в

²⁰ См.: Рыбаков Б.А. Рождение Руси. – М.: «АиФ Принт», 2003 / http://lib.ru/HISTORY/RUBAKOW_B_A/russ.txt; Валянский С.И., Калужный Д.В. Другая история. От Европы до Монголии. – М.: Изд-во: Вече, 2001. С. 300 - 301, 308

310 / http://ixbook.net/read_drugaya_istoriya_srednevekovmyaya_ot_drevnosti_do_id2511.html; Гуц А.К. Подлинная история России. Записки дилеганта: Учебное пособие. – Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. – 192 с. / <http://users.univer.omsk.su/~guts/History>; Дёмин В.М. От Ариев к Русичам. – М.: «Русская Правда», 2008. С. 5.

²¹ К примеру, по мнению В.О. Ключевского, «.. древнейшее повествование о том, что случилось в нашей земле в IX, X, XI и в начале XII в. по 1110 г. включительно», а также: «Рассказ о событиях этого времени, сохранившийся в старинных летописных сводах, прежде было принято называть Летописью Нестора, а теперь чаще называют Начальной летописью» (Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Лекция пятая. – М.: «Мысль», 1995 / <http://bibliotekar.ru/rusKluch/5.htm>).

²² История России с древнейших времен до 1861 года: Учебник для вузов / Н.И. Павленко, И.Л. Андреев, В.Б. Кобрин, В.А. Федоров / Под ред. Н.И. Павленко. – М.: Высш. шк., 2001 / <http://www.litru.ru/?book=82624&page=13>.

²³ Ключевский В.О. Специальные курсы // Сочинения. Т. VI. – М., 1959. С. 22.

²⁴ См.: Портнов В.П. Возникновение древнерусского государства и права, IX - XII вв. // В мире права. 1999. № 1 / <http://lawportal.ru/magazine/document.asp?magID=3&magNum=1&magYear=1999&articleID=1146436>; Бычков А.А., Низовский А.Ю., Черносвитов П.Ю. Загадки Древней Руси. – М.: Вече, 2000. С. 127-128; Лурье Я.С. История России в летописании и восприятии Нового времени // Россия Древняя и Россия Новая: (избранное). – СПб.: Д. Буланин, 1997. С. 78 / <http://www.laborunion.lt/memo/modules/myarticles/article.php?storyid=44>; <http://www.russiacity.ru/books/b75.htm#c4>; Приселков М. Д. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам // Учен. зап. ЛГУ. 1940. № 73. С. 215 - 217.

²⁵ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII веков. – М.: Наука, 1982. С. 55. Здесь автор отмечает,

что: «В источниках мы найдем и прямые указания на то, что русы – варяги, и столь же прямые свидетельства их славянства. Русов то называют кочевниками (патриарх Фотий), то говорят о том, что кони их не могут носить (Захария). То русов называют племенами из славян (Ибн-Хордадбе), то обособливают их от славян и даже противопоставляют их славянам. Русская земля то расширяется до пределов всей Восточной Европы, то сужается до размеров маленького болотистого острова. Из этого списка противоречий нельзя выбрать какое-либо одно положение по своему вкусу; нельзя пытаться примирить противоположные утверждения при помощи компромиссов. Необходимо объяснить причины возникновения той или иной точки зрения в каждом источнике и рассматривать всю совокупность доступных нам сведений. При многогранности задач и противоречивости источников необходим синтез различных сведений и применение ретроспективного метода, обеспечивающего осторожное продвижение вглубь веков от известного к неизвестному» (Там же. С. 55-56).

²⁶ Григоренко А.М. Откуда пришли славяне. – М.: Интернет-издательство «Чрез тернии к звездам» / grigam.narod.ru, 2008. С. 8, 9 / <http://grigam.narod.ru/publiknau/pn28m.htm#Раздел1>.

²⁷ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. – М.: Мысль, 1991. С. 588 - 603.

²⁸ Рогов В.А., Рогов В.В. Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права (Очерки IX – середины XVII вв.). – М.: МГИУ, 2006. С. 29.

²⁹ См.: Громов Д.В., Бычков А.А. Славянская руническая письменность: факты и домыслы. — М.: ООО «Издательский дом София», 2005. – 384 с. Русская письменность, по мнению академика В.А. Чудинова, основывалась на рунах, включавшие знаки и слоги, которые в целом составляли руницу, т.е. «.. очень древнее традиционное письмо славян, где каждый знак представляет открытый слог, состоящий из согласного и гласного» (Чудинов В.А. Указ. соч. С. 11). Руна – это знак любой системы письма, обладающий магическими свойствами и потому желанный на любых бытовых предметах. Так понимали это слово на Руси в средние века» (Чудинов В.А. Указ. соч. С. 25). Исследователь Д. Логинов полагает, что:

языческие времена до Св. Кирилла и Мефодия»³⁰. При этом утверждается, что: «Русская письменность существовала за 24 тысячелетия до ..» кириллицы, когда: «Мы унаследовали Традицию от арктов³¹ – наших древнейших предков, творцов легендарной цивилизации начала времён. Последователи Традиции хорошо знают: руссы существовали уже тогда, когда полярный континент Арктида (запечатленный картами Меркатора) не был ещё сокрыт под водой и льдом»³².

По мнению В.Н. Татищева: «Подлинно же славяне задолго до Христа и славяно-руссы собственнно до Владимира письмо имели, в чём нам многие древние писатели свидетельствуют ..»³³. Трудно предположить, что Русь, являясь до Рюрика страной «гардариков», могла существовать без развитой инфраструктуры, ремёсел, торговли, «.. без письменности?»³⁴ Так, в частности, исследователями были обнаружены на различных предметах (глиняных иконах, керамических изделиях, шахматных фигурах, костяных кистенях и др.), которыми пользовались славяне в IV – IX веках, «.. надписи, исполненные письмом типа «черт и резав», .. имеющие «.. обширную географию»³⁵. Эти предметы были выявлены археологами во многих местах «.. от Рязани до Познани и от Москвы до Стамбула». Слова и фразы в этих надписях самые разнообразные. К примеру: «вепрь», «сохатый»,

«лось», «лошадь»; «вес», «4 унции»; «вес в совокупности две унции» или «вес измеряется двумя унциями», «надо (должно) закрыть, в чело посадив»; «Равьи и Ивесь союзники (братья)»; «горшок не яма»; «помыслы в вере, веселье в вешеле этой будет»; «чтобы тебе еда не была как вода, весу за два бока ты только взявши, пей это»; «он Бог», «возвратить её Кашеви»; «соседи мои»; «Россия. Моя мета (мой знак) Телец»; «моя жажда, мои желания»; «роща», «ночь», «лощина», «овраг; «на низу были степи, рощи в лога устрашающие», «сияние лунное»³⁶. В этом наборе фраз особое внимание обращает на себя слово «Россия», которое видимо в IV – IX веках н.э. могло обозначать наименование страны?

Научный анализ упомянутых надписей, а также другие научные данные, например, сведения о берестяных грамотах и средств письма (953 г.)³⁷, позволил учёным сделать однозначный вывод о существовании письменности в дохристианской Руси. Эта письменность была «.. средством общения между людьми, таким же естественным делом, как еда, сон, работа. Умение писать и читать было доступно представителям самых различных социальных слоев общества. Среди авторов надписей княжеский сановник и священнослужитель, торговый человек и охотник, гончар и деревенская пряха»³⁸.

«Древние руссы употребляли два рунических строя. Языком священнослужителей были Руны Макоши. Миряне же использовали строй знаков, именуемый Руны Рода» (Логинов Д. Победитель обмана / Чудинов В.А. Русские руны. - М.: Альва-Первая, 2006. С. 6).

³⁰ Рогов В.А., Рогов В.В. Указ. соч. С. 29; Логинов Д. Указ. соч. С. 2, 5-6; Драгункин А.Н. Пять сенсаций: Памфлетовидное эссе на тему языка. – СПб.: Издательский дом «АНДРА», 2004. – 400 с.; Драгункин А.Н., Образцов А. В начале было слово. Русское. – СПб.: «АНДРА», 2005. – 384 с.; Чудинов В.А. Указ. соч. С. 248 – 249; Тройко Л.В. Духовное наследие славян и ариев // Ведицкая Культура 2004. № 4. С. 17 / <http://www.liveinternet.ru/users/2571390/post96805319/>; Высоцкий С.А. Об азбуках, открытых в Киеве и Новгороде // Древности славян и Руси. – М. 1988. С. 211 - 215; Колчин Б.А., Янин В.Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок в Новгороде. – М. 1982. С. 95 - 96; Мареш В.Ф. Сказание о славянской письменности (по списку Пушкинского дома) // Труды Отдела древнерусской литературы (ТОРДРЛ). – М. – Л. 1963. Т. 16. С. 169 - 176; Мацневский В.А. Очерк истории письменности и просвещения славянских народов до XIV века // Чтение в Обществе истории и древностей российских (ОИДР). – М. 1846. № 2(III). С. 5; Срезневский И.И. Древние письмены славянские // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). Ч. LIX, отд. II, 1848. С. 18 – 25.

³¹ Устаева А. Звездосчеть или тайна числобога. – М.: Институт древнеславянской и древнеевразийской цивилизации – ИДЦ, 2010 / <http://astrosophy.spb.ru/node/130>; Виольева Л., Логинов Д. Планетарный Миф. – М.: Альва-Первая, 2008.

³² Аннотация к книге: Чудинов В.А. Русские руны. – М.: Альва-Первая, 2006. – 336 с.; Логинов Д. Победитель обмана / Чудинов В.А. Русские руны. – М.: Альва-Первая, 2006. С. 3.

³³ Платов А. Славянские руны: два века исследований. «Варвары». Сборник статей по истории древнего мира и средневековой Европы — М., «Метагалактика», 1999. — 304 с. (серия «Подлинная История Русского Народа», выпуск 2.99 (5)). С. 191 – 211 / <http://kladina.narod.ru/korob/korob.htm>. Татищев В.Н. История российская. Т.1. – М.-Л., 1962).

³⁴ Бутовская Л. Праславянская письменность - первописьменность людей, живущих на нашей планете. 2006 / <http://www.liveinternet.ru/community/823934/post21231765/>

³⁵ Гриневич Г.С. Праславянская письменность. Результаты дешифровки. – М.: Издательство «Общественная польза», 1993. С. 47 / <http://korneslov.ru/load/3-1-0-2>; <http://www.lindex.lenin.ru/Lindex3/Text/6350.htm>; <http://www.orda2000.narod.ru/books/nchron/grinev.htm>

³⁶ Там же. С. 31-47.

³⁷ См.: Янин В.Л. Я послал тебе бересту .. – М.: Издательство Московского университета, 1975. С. 5, 7, 166 – 167; Платов А.В. Культурные изображения из храма в Ретре // Мифы и магия индоевропейцев, вып.2, 1996; Платов А.В. Памятники рунического искусства славян // Мифы и магия индоевропейцев, вып.6, 1997; Свиридов С.А. Как были найдены Славянские руны. История Славянских рун. 2008 / <http://www.perunica.ru/istoria/523-istoriya-slavjanskix-run.html>; <http://russianmyth.ru/istoriya-slavjanskix-run/>; Тиханова М.А. Следы рунической письменности в черняховской культуре. В кн.: Средневековая Русь. – М., 1976; Ягич И.В. Вопрос о рунах у славян // Энциклопедия славянской филологии. Издание Отделения русского языка и словесности. Имп. Акад. Наук. Вып.3: Графика у славян. – СПб., 1911.

³⁸ Гриневич Г.С. Праславянская письменность. Результаты дешифровки. – М.: Издательство «Общественная польза», 1993. С. 47 / <http://korneslov.ru/load/3-1-0-2>; <http://www.lindex.lenin.ru/Lindex3/Text/6350.htm>; <http://www.orda2000.narod.ru/books/nchron/grinev.htm>

Известно также, что письменность «.. возникает лишь тогда, когда появляется общественная необходимость в ней. Обычно это случается в период создания тем или иным народом собственной государственности с целью развития различных жизненно важных связей: торговых, культурных, дипломатических, как внутри самого государства, так и за его пределами»³⁹. Вопросам письменности славян до христианской эпохи Руси посвящены также труды других авторов⁴⁰.

Исследователи считают, что: «Необходима грамотность тогда была в первую очередь духовенству для отправления службы, «чиновникам» государственного аппарата: дьякам, подъячим, переписчикам, послам, переводчикам, тиунам, сборщикам налогов, отчасти торговцам. И потому естественно, что большинство, (к примеру – доп. П.М.), новгородских берестяных грамот – хозяйственного содержания, а ..» многие книги «.. на Руси – богослужебного характера»⁴¹. Естественно, что «.. состояние грамотности славян в IV—IX веках, по всей видимости, было бы невозможным без хорошо поставленного книжного дела. Ведь «ум без книг, аки птица спешена». Но что можно сказать о книгах, существовавших в период, который учёные до настоящего времени называли «бесписьменным»?⁴². По оценкам специалистов в дохристианской Руси были, к примеру, Велесова книга, так называемые «корсунские книги», Евангелие и Псалтырь написанные русскими письменами⁴³, а «.. в домонгольской Руси было 200 000 книг»⁴⁴, тематика которых включала в себя не только религиозную, но и иную весьма разнообразную литературу, состоящую, например, из книг по топографии, физиологии, антологии и т.д.⁴⁵ Сторонники этого подхода, в частности, полагают, что сказители былин передавали из поколения в поколение исторические сведения «.. о Владимире Красном Солнышко, о борьбе с печенегами и половцами, о Добрыне Никитиче и крестьянском сыне Илье Муромце, о мужественной обороне родной земли, о смелости и благородстве русских богатырей.

Вплоть до петровских реформ в России, начиная с мифологии, народного эпоса, работ митрополита Илариона, Нила Сорского, Максима Грека до переписки Ивана Грозного с князем Курбским, в российском мировоззрении господствовало представление о божественном и самобытном происхождении русского народа и русской государственности»⁴⁶.

В своих работах исследователи приводят перечень источников информации прошлого по рассматриваемому вопросу⁴⁷. Но их научная достоверность и объективность подвергнута сомнению.

Так, в частности, одни авторы утверждают, что летописцы средневековья «.. непозволительно сжали весь процесс рождения государства (здесь речь идёт о Древнерусском государстве – допол. М.П.) до одного – двух десятилетий, пытаясь уместить тысячелетие создания предпосылок (о чем они и понятия не имели) в срок жизни одного героя – создателя державы. В этом сказывался и древний метод мифологического мышления, и средневековая привычка заменять целое его частью, его символом: в рисунках город подменялся изображением одной башни, а целое войско – одним всадником. Государство подменялось одним князем. Сжатие исторического времени сказалось в том, что основание Киева, которое (как мы установили теперь), следует относить к концу V или к первой половине VI века нашей эры, некоторые летописцы ошибочно поместили под 854 годом, сделав Кия современником Рюрика и сплющив до нуля отрезок времени в 300 – 350 лет. Подобная ошибка равнозначна тому, как если бы мы представляли себе Маяковского современником Ивана Грозного .. Из русских историков XI - XII веков Нестор был ближе всех к исторической истине в обрисовке ранних фаз жизни государства Руси, но его труд дошёл до нас сильно искажённым его современниками»⁴⁸.

Другие полагают, что во времена написания Повести временных лет, т.е. «.. в двенадцатом веке о делах восьмого века помнили только по мифам, былинам, сказкам», а со времени её создания она

³⁹ Бутовская Л. Указ. соч.

⁴⁰ См.: Васильев А.А. Правовая доктрина как источник права: вопросы теории и истории: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2009. С. 151; Греков Б.Д. Киевская Русь. – М.: АСТ, 1953. С. 390; Гриневич Г.С. Праславянская письменность. Результаты дешифровки. – М.: Издательство «Общественная польза», 1993. – 328 с. / <http://korneslov.ru/load/3-1-0-2>;

<http://www.lindex.lenin.ru/Lindex3/Text/6350.htm>;

<http://www.orda2000.narod.ru/books/nchron/grinev.htm>;

Громов Д.В., Бычков А.А. Славянская руническая письменность: факты и домыслы. — М.: ООО «Издательский дом София», 2005. — 384 с.; Платов А. Славянские руны. – М.: ИД «Гелиос», 2001. – 176 с.

⁴¹ Кузаков В.К. Особенности науки и техники средневековой Руси / Естественнонаучные представления Древней Руси. Сборник статей. – М.: Наука, 1978. С. 22; Класен Е.И. Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и Славяно-Руссов до рюриковского времени в особенности с легким очерком истории руссов до Рождества Христова. – М., 1854 – 1861 / <http://ustierechi.ucoz.ru/load/3-1-0-63>).

⁴² Гриневич Г.С. Указ. соч. С. 47.

⁴³ Там же. С. 47–50.

⁴⁴ Кузаков В.К. Указ. соч. С. 22.

⁴⁵ Громов М.Н. Систематизация эмпирических знаний в Древней Руси / Естественнонаучные представления Древней Руси. Сборник статей. – М.: Наука, 1978. С. 30.

⁴⁶ Васильев А.А. Правовая доктрина как источник права: вопросы теории и истории: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2009. С. 147; Богатыри и витязи Русской земли: По былинам, сказаниям и песням / Сост. предисл. Н.И. Надеждина. Образцовые сказки русских писателей / Сост. обработка В.П. Авенариуса. – М.: Московский рабочий, 1990. – 336 с.; Рыбаков Б.А. Рождение Руси. – М.: АСТ, 2003. С. 11; Золотухина М.Н. Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. – М.: Юрид. лит., 1985. – 200 с.; Замотаев А.Ф. Философская мысль в средневековой Руси (XI – XVI вв.). – Л.: Наука, 1987. – 247 с.

⁴⁷ Петров И.В. Государство и право древней Руси. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2003. С. 7, 9–24; Чудинов А.В. Указ. соч. С. 293 – 325.

⁴⁸ Рыбаков Б.А. Рождение Руси. – М.: «АиФ Принт», 2003 / http://lib.ru/HISTORY/R_YBAKOW_B_A/russ.txt.

«.. неоднократно переписывалась. Дополнения и изменения в неё включались вплоть до XVI века»⁴⁹. В результате «.. практически всё, что в ПВЛ написано .. – мифы и легенды»⁵⁰.

Третьи спрашивают: «Достоверны ли события, описываемые в «Повести временных лет» или мы имеем дело с древнерусскими мифами? Мифы Древней Греции всем известны, так почему бы не быть литературным мифам Древней Руси? Разве гомеровская «Одиссея» может служить документальным источником по истории троянской войны (если таковая война вообще была)? Почему же тогда «Слово о полку Игореве» историки считают литературным изложением реальных событий?»⁵¹.

Четвертые, обозначая вопрос – являются ли русские летописи объективными и научными источниками информации, отвечают, что: «Многие историки отмечали тот факт, что в русские летописи делались вставки, и они неоднократно переделывались. Летописи полны неточностей, несоответствий, умышленных искажений фактов и их сокрытия. Недаром говорится, что история – это политика, обращенная в прошлое.

Ряд исследователей даже считают, что легенда о призвании варягов была вставлена в летопись при Владимире Мономахе в политических целях. Князя Мономаха самого призвали в Киев для правления и наведения порядка (урегулирования народного волнения). В частности, А.А. Шахматов доказал, что «Повесть временных лет» была окончательно отредактирована князем Мстиславом Владимировичем (Великим), не позднее 1118 – 1119 гг.»⁵².

Думается, что одними из причин не совсем верной (искаженной, неверной) интерпретации и (или) может быть фальсификации исторических сведений, содержащихся в первоисточниках, являлись, в частности, субъективные суждения и выводы авторов и исследователей при написании, прочтении и (или) научном анализе ими текстов тех

или иных древних источников информации, летописей и неточные оценки содержащихся в них исторических фактов⁵³, а также возможная ангажированность авторов древних источников и некоторых ученых, трактующих эти сведения в угоду идеологии и политики лиц, обладающих государственной властью⁵⁴. Об этом, в частности, пишут, приводят аргументы и примеры в своих работах ряд авторов (В.Г. Василевский, С.А. Геденов, Б.Д. Греков, А.М. Григоренко, С.А. Ершов, Д.И. Иловайский, В.О. Ключевский, В.В. Мавродиным, Б.А. Рыбаков, М.Н. Тихомиров, С.М. Юшков)⁵⁵.

Однако зачем и для чего была необходима неверная фиксация и интерпретация прошлого и (или) его фальсификация? Отвечая на эти вопросы, исследователи полагают, что: 1) «.. германскому влиянию в России было выгодно поддерживать в русских убеждение, что без варягов им не обойтись»⁵⁶. Целенаправленный политический смысл норманской теории состоит в том, «.. чтобы представить Древнюю Русь отсталой страной, не способной к самостоятельному государственному творчеству, а норманов – основной силой, с древних времен определяющей историческое развитие России, ее экономики и культуры»⁵⁷; 2) «Повесть временных лет» (ПВЛ) была написана в угоду великокняжескому роду. В том числе и возведение его рода к Рюрику и гипертрофизация самого Рюрика, как основателя Русской державы»⁵⁸. В ПВЛ «.. восхваляется род Рюриковичей и Поляне, принявшее христианство. Самым отвратительным видом представляются Древляне и другие славянские земли. Все это убеждает в том, что труд этот заказной, тенденциозный и исторически не точен»⁵⁹; 3) «Это было сделано явно в угоду романовской династии, которая как раз и была северо-западного, псковского, литовского происхождения»⁶⁰; 4) «Древние авторы всегда писали свои сочинения ради определенных целей и, как правило, преувеличивали значение интересовавших их событий»⁶¹.

⁴⁹ Григоренко А.М. Откуда пришли славяне. – М.: Интернет-издательство «Чрез тернии к звездам» / grigam.narod.ru, 2008. С. 8 / <http://grigam.narod.ru/publiknau/pn28m.htm#Раздел1>.

⁵⁰ Григоренко А.М. Указ. соч.; Андреев И.Л. Образование Древнерусского государства / История России с древнейших времен до 1861 года: учебник / Н.И. Павленко, И.Л. Андреев, В.А. Федоров; под ред. Н.И. Павленко. – М.: Изд-во Юрайт, 2011. С. 43.

⁵¹ Кунгуров А. Киевской Руси не было, или Что скрывают историки / <http://lib.rus.ec/b/203507/read>

⁵² Цит. по: Михайлов Д.Ю. К вопросу о норманнской теории / <http://slavya.ru/trad/history/norman.htm>; Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. – Санкт-Петербург: Тип. М.А. Александрова, 1908 / <https://www.prlib.ru/item/361691>

⁵³ См.: Валянский С.И., Калужный Д.В. Другая история. От Европы до Монголии. – М.: Изд-во: Вече, 2001. С. 308-309; Сидоренко О.В. Историография IX-нач. XX вв. Отечественной истории (учебное пособие). – Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2004. С. 10.

⁵⁴ См.: Логинов Д. Указ. соч. С. 3-4.

⁵⁵ См.: Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Лекция пятая. – М.: «Мысль», 1995 /

<http://bibliotekar.ru/rusKluch/5.htm>; Григоренко А.М. Откуда пришли славяне. – М.: Интернет-издательство «Чрез тернии к звездам» / grigam.narod.ru, 2008. С. 8, 9 / <http://grigam.narod.ru/publiknau/pn28m.htm#Раздел1>; Русь древняя и настоящая (историко-аналитический очерк-сборник). Прогнозно-аналитический центр Академии Управления глобальными и региональными процессами социального и экономического развития. 2008 / <http://www.old.vodaspb.ru/files/projects/20081101-rus.pdf> . С. 60.

⁵⁶ Парамонов (Лесной) С.Я. Откуда ты, Русь? – Ростовна-Дону: «Донское слово», «Квадрат», 1995. С. 109 – 110.

⁵⁷ Русь древняя и настоящая (историко-аналитический очерк-сборник). Прогнозно-аналитический центр Академии Управления глобальными и региональными процессами социального и экономического развития. 2008 / <http://vodaspb.ru/files/projects/20081101-rus.html>. (С. 294); <http://vodaspb.ru/files/projects/20081101-rus.pdf>. (С. 60).

⁵⁸ Григоренко А.М. Указ. соч. С. 7 / <http://grigam.narod.ru/publiknau/pn28m.htm#Раздел1>.

⁵⁹ Там же. С. 8.

⁶⁰ В.М. Дёмин В.М. От Ариев к Русичам. – М.: «Русская Правда», 2008. С. 5).

⁶¹ Гумилев Л.Н. Можно ли верить историческим источникам? Этногенез и биосфера Земли. – М.: АСТ, Астрель,

Обозначая термин «Древняя Русь» Л.Н. Гумилев отмечает, что: «Он привычен, но не прост, а история его полна противоречивых толкований, если стоять на уровне исторических источников XII – XIII вв., то ясно, что термина «Древняя Русь» в них нет, поскольку Русь была им современной. Древней она стала лишь в XV в., когда потребовалось обосновать притязания Ивана III на всё территориальное наследие Рюриковичей. Так возникла схема единства, непрерывности исторического процесса, начиная от Рюрика, причем, по принятой схеме, менялись только столицы, да и то в строгом порядке: Киев, Владимир, Москва, Петербург. .. Натянутость и искусственность этой концепции очевидны, но ведь и выросла она не как научное обобщение, а как обоснование политической программы московских великих князей и царей»⁶².

Приведенные цитаты позволяют согласиться с мнением авторов о том, «.. что в ходе нескончаемой борьбы за власть каждый очередной правитель переписывал историю «под себя» и уничтожал «неудобные» документы прошлого. Так поступали киевские князья, так действовали Рюриковичи и Романовы, не говоря уже о последующих вождях ..»⁶³.

В литературе можно прочесть и более критические высказывания по этому вопросу. Так, исследователь А.А. Кунгуров полагает, что: «Одни сочиняли фальшивую историю и уничтожали неудобные настоящие документы в угоду правителям. Другие занимались фальсификациями, потому что желали этих правителей унижить и низвергнуть. Третьи продавались за деньги тем или иным политическим силам. Иные просто удовлетворяли столь изощренным образом собственное тщеславие или делали карьеру в «научных» кругах»⁶⁴. По его мнению: «Всегда история была инструментом политической, идеологической, экономической, межгосударственной, геополитической борьбы, и потому историки лишь изображали из себя ученых, дабы быть более убедительными»⁶⁵.

Между тем одни оппоненты упомянутых суждений говорят об отсутствии в них валидности и серьёзной так называемой «математической начинки», которая не позволяет корректно изучать эмпирический материал и такая: «Базовая методика принципиально ошибочна»⁶⁶. Другие относят эти суждения к ненаучным, поскольку, «.. многие российские и другие русофобы историки .. делали свое

заключение именно, исходя из неверного понимания слова «варяги», считая его синонимом слов «норманны», «норвежцы», «шведы», в то время как «.. во времена написания летописей и ранее в IX в. понятие слова «варяги» относилось ..» либо к роду занятий, способу существования, профессии, либо к прибалтийским руссам⁶⁷. Третьи полагают, что «.. авторы вузовских учебников по истории отечественного государства и права .. в новейших изданиях проводят старую советскую (идеологическую – уточ. П.М.) точку зрения на эту проблему ..», отрицающую роль и значение Рюрика и его династии в истории государственности Руси⁶⁸.

Не вызывает сомнения научно-методологический подход об объективной и беспристрастной оценке фактов, информации, сведений. Однако почему, располагая, к примеру, многими археологическими, антропологическими, филологическими и многими другими научными данными о древней Руси, Россия до сих пор не имеет собственной истории государственности и права в так называемые до «Рюриковский» или до «Киевский» периоды? Почему мировая история отводит государственности России лишь одну тысячу лет, то есть признавая её практически с момента христианизации Руси – с 988 года? Почему до «Рюриковский» период истории государственности и права Руси современной наукой по-прежнему остается практически невостребованным? Ответы на эти и многие другие подобного рода вопросы требуют поиска соответствующих достоверных источников информации, их научного анализа и исследования. Только в этом случае и при положительных научных результатах и выводах можно говорить о древнейшей истории Руси, а также попытаться разобраться в её территориальном устройстве, включая его региональную составляющую.

Библиографический список

1. Абдулатипов Р.Г. Федералогия. – СПб.: Питер, 2004. С. 67–70.
2. Андреев И.Л. Образование Древнерусского государства / История России с древнейших времен до 1861 года: учебник / под ред. Н.И. Павленко. – М.: Изд-во Юрайт, 2011. С. 43.
3. Белковец Л.П., Белковец В.В. История государства и права России. Курс лекций. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 2000. С. 9.

2005 / http://www.xrh.ru/e107_plugins/content/content.php?content.35.3#38; http://www.xrh.ru/e107_plugins/content/content.php?content.35; Гумилев Л.Н. Хунну. – М., 1960. С. 59 – 62.

⁶² Цит. по: Гумилев Л.Н. Древняя Русь и великая степь. – М.: АСТ – АСТРЕЛЬ, 2004. С. 27 / <http://gumilevica.kulichki.net/ARGS/args000.htm>; Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. – М., 1938. С. 1 – 2.

⁶³ Дёмин В.М. От Русичей к Россиянам. – М.: Ид. «Русская Правда», 2007. С. 1-2 / http://www.tayna-net.org/files/ot_rusichey_k_rossiyanam.pdf.

⁶⁴ Кунгуров А.А. Киевской Руси не было, или Что скрывают историки. – М.: Эксмо: Алгоритм. 2010. С. 188.

⁶⁵ Там же. С. 188-189.

⁶⁶ См.: Володихин Д. А я играю на глобальной гармошке. История России в мелкий горошек. – М.: МАНУФАКТУРА - Единство, 1998. / <http://fatus.chat.ru/volodih.html>; Володихин Д.М. Книжность и просвещение в Московском государстве XVII в. – М., 1993. С. 28-29.

⁶⁷ См.: Русь древняя и настоящая (историко-аналитический очерк-сборник). Прогнозно-аналитический центр Академии Управления глобальными и региональными процессами социального и экономического развития. 2008. С. 60 - 62 / <http://vodaspb.ru/files/projects/20081101-rus.pdf>; <http://vodaspb.ru/files/projects/20081101-rus.html>.

⁶⁸ Белковец Л.П., Белковец В.В. История государства и права России. Курс лекций. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 2000. С. 9.

4. Богатыри и витязи Русской земли: По былинам, сказаниям и песням / Сост. предисл. Н.И. Надеждина. Образцовые сказки русских писателей / Сост. обработка В.П. Авенариуса. – М.: Московский рабочий, 1990. – 336 с.;
5. Бычков А.А., Низовский А.Ю., Черносвитов П.Ю. Загадки Древней Руси. – М.: Вече, 2000. С. 127-.
6. Валянский С.И., Калужный Д.В. Другая история. От Европы до Монголии. – М.: Изд-во: Вече, 2001. С. 300 - 301, 308 – 310.
7. Васильев А.А. Правовая доктрина как источник права: вопросы теории и истории: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2009.
8. Вернадский Г.В. Русская историография. – М., 2000.
9. Виольева Л., Логинов Д. Планетарный Миф. – М.: Альва-Первая, 2008.
10. Володихин Д.М. Книжность и просвещение в Московском государстве XVII в. – М., 1993. С. 28-29.
11. Володихин Д. А я играю на глобальной гармошке. История России в мелкий горошек. – М.: МАНУФАКТУРА - Единство, 1998. / <http://fatus.chat.ru/volodih.html>;
12. Высоцкий С.А. Об азбуках, открытых в Киеве и Новгороде // Древности славян и Руси. – М. 1988. С. 211 - 215;
13. Глигич-Золотарева М.В. Правовые основы федерализма. – М.: Юрист, 2006. С. 140–151.
14. Голиков А.Г., Круглова А.Т. Источниковедение отечественной истории. – М., 2000.
15. Греков Б.Д. Киевская Русь. – М.: АСТ, 1953. С. 390;
16. Грибовский В.М. Древнерусское право (краткий обзор чтений по истории русского права). Выпуск 1 (Древнейший земско-княжеский период). – Петроград. Типография «Двигатель Казначейская», 1915. С. 12-13.
17. Григоренко А.М. Откуда пришли славяне. – М.: Интернет-издательство «Чрез тернии к звездам» / grigam.narod.ru, 2008. С. 8, 9 / [http://grigam.narod.ru/publiknau/pn28m.htm#Раздел 1](http://grigam.narod.ru/publiknau/pn28m.htm#Раздел1).
18. Гриневич Г.С. Праславянская письменность. Результаты дешифровки. – М.: Издательство «Общественная польза», 1993. – 328 с.
19. Громов М.Н. Систематизация эмирических знаний в Древней Руси / Естественнонаучные представления Древней Руси. Сборник статей. – М.: Наука, 1978. С. 30.
20. Громов Д.В., Бычков А.А. Славянская руническая письменность: факты и домыслы. — М.: ООО «Издательский дом София», 2005. — 384с.;
21. Гумилев Л.Н. Хунну. – М., 1960. С. 59 – 6.
22. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и великая степь. – М.: АСТ – АСТРЕЛЬ, 2004. С. 27 / <http://gumilevica.kulichki.net/ARGS/args000.htm>
23. Гумилев Л.Н. Можно ли верить историческим источникам? Этногенез и биосфера Земли. – М.: АСТ, Астрель, 2005.
24. Гуц А.К. Подлинная история России. Записки дилетанта: Учебное пособие. – Омск: Омск.гос. ун-т, 1999. – 192 с.
25. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа / Декреты Советской власти. Т.1. - М., Гос. изд-во полит. литературы, 1957 / <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/declarat.htm>
26. Данилевский И.Н. Лекция 6. Древняя Русь. Была ли Киевская Русь государством? Древняя Русь глазами современников и потомков (IX-XII вв.). – М. 1998. С. 169 / http://www.lants.tellur.ru/history/danilevsky/d06_3.htm
27. Дёмин В.М. От Русичей к Россиянам. – М.: Ид. «Русская Правда», 2007 / http://www.tayna-net.org/files/ot_rusichey_k_rossiyanam.pdf.
28. Дёмин В.М. От Ариев к Русичам. – М.: «Русская Правда», 2008. С. 5.
29. Добрынин Н.М. Новый федерализм: Модель будущего государственного устройства Российской Федерации. – Новосибирск: Наука, 2003. – 468 с.
30. Драгункин А.Н. Пять сенсаций: Pamфлето-видное эссе на тему языка. – СПб.: Издательский дом «АНДРА», 2004. – 400 с.
31. Драгункин А.Н., Образцов А. В начале было слово. Русское. – СПб.: «АНДРА», 2005. – 384с.
32. Золотухина М.Н. Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. – М.: Юрид. лит., 1985. – 200 с.
33. Замотаев А.Ф. Философская мысль в средневековой Руси (XI – XVI вв.). – Л.: Наука, 1987. – 247 с.
34. История России с древнейших времен до 1861 года: Учебник для вузов / Под ред. Н.И. Павленко. — М.: Высш. шк., 2001 / <http://www.litru.ru/?book=82624&page=13>.
35. Классен Е.И. Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и Славяно-Руссов до рюриковского времени в особенности с легким очерком истории руссов до Рождества Христова. – М., 1854–1861 / <http://ustierechi.ucoz.ru/load/3-1-0-63>.
36. Ключевский В.О. Источниковедение: Источники русской истории // Соч.: В 9 т. – М., 1989. Т. VII. С. 5 - 83.
37. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Лекция пятая. – М.: «Мысль», 1995 / <http://bibliotekar.ru/rusKluch/5.htm>.
38. Ключевский В.О. Специальные курсы // Сочинения. Т. VI. – М., 1959.
39. Колчин Б.А., Янин В.Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок в Новгороде. – М. 1982. С. 95 – 96.
40. Конюхова И.А. Современный российский федерализм и мировой опыт: Итоги становления и перспективы развития. – М.: ОАО «Издательский дом «Городец», «Формула права», 2004. – 592 с.
41. Костомаров Н.И. Русская история в жизне-описаниях ее главнейших деятелей. – М.: Мысль, 1991. С. 588 - 603.

42. Кузаков В.К. Особенности науки и техники средневековой Руси / Естественные научные представления Древней Руси. Сборник статей. – М.: Наука, 1978. С. 22.
43. Кунгуров А.А. Киевской Руси не было, или Что скрывают историки. – М.: Эксмо: Алгоритм. 2010. С. 188.
44. Логинов Д. Победитель обмана / Чудинов В.А. Русские руны. – М.: Альва-Первая, 2006. С. 3.
45. Лурье Я.С. История России в летописании и восприятии Нового времени // Россия Древняя и Россия Новая: (избранное). – СПб.: Д. Буланин, 1997. С. 78 / <http://www.laborunion.lt/memo/modules/myarticles/article.php?storyid=44>; <http://www.russiancity.ru/books/b75.htm#c4>
46. Мареш В.Ф. Сказание о славянской письменности (по списку Пушкинского дома) // Труды Отдела древнерусской литературы (ТОРДРЛ). – М. – Л. 1963. Т. 16. С. 169 – 176.
47. Мациевский В.А. Очерк истории письменности и просвещения славянских народов до XIV века // Чтение в Обществе истории и древностей российских (ОИДР). – М. 1846. № 2(III). С. 5.
48. Парамонов (Лесной) С.Я. Откуда ты, Русь? – Ростов-на-Дону: «Донское слово», «Квадрат», 1995. С. 109 – 110.
49. Пахомов В.Г. Идеи федерализма в истории политико-правовой мысли России (конец XVII – XX вв.). Автореф. дисс. ... доктора юрид. наук. – М., 2003. С. 11.
50. Петров И.В. Государство и право древней Руси. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2003. – 413 с.
51. Платов А.В. Культурные изображения из храма в Ретре // Мифы и магия индоевропейцев, вып.2, 1996.
52. Платов А.В. Памятники рунического искусства славян // Мифы и магия индоевропейцев, вып.6, 1997.
53. Платов А. Славянские руны: два века исследований. «Варвары». Сборник статей по истории древнего мира и средневековой Европы — М., «Метагалактика», 1999. — 304 с. (серия «Подлинная История Русского Народа», выпуск 2.99 (5)). С. 191 – 211 / <http://kladina.narod.ru/korob/korob.htm>.
54. Платов А. Славянские руны. – М.: ИД «Гелиос», 2001. – 176 с.
55. Портнов В.П. Возникновение древнерусского государства и права, IX - XII вв. // В мире права. 1999. № 1 / <http://lawportal.ru/magazine/document.asp?magID=3&magNum=1&magYear=1999&articleID=1146436>.
56. Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. – М., 1938. С. 1–2.
57. Приселков М. Д. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам // Учен. зап. ЛГУ. 1940. № 73. С. 215 - 217.
58. Рогов В.А., Рогов В.В. Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права (Очерки IX – середины XVII вв.). – М.: МГИУ, 2006. С. 29.
59. Рубинштейн Н.Л. Русская историография. – М., 1941.
60. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII веков. – М.: Наука, 1982. С. 55.
61. Рыбаков Б.А. Рождение Руси. – М.: «АиФ Принт», 2003 / http://lib.ru/HISTORY/RYBAKOW_B_A/russ.txt.
62. Русь древняя и настоящая (историко-аналитический очерк-сборник). Прогнозно-аналитический центр Академии Управления глобальными и региональными процессами социального и экономического развития. 2008 / <http://vodaspb.ru/files/projects/20081101-rus.html>. (С. 294); <http://vodaspb.ru/files/projects/20081101-rus.pdf>. (С. 60).
63. Сидоренко О.В. Историография IX-нач. XX вв. Отечественной истории (учебное пособие). – Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2004. С. 10.
64. Срезневский И.И. Древние письмены славянские // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). Ч. LIX, отд. II, 1848. С. 18–25.
65. Татищев В.Н. История российская. Т.1. – М.-Л., 1962.
66. Тиханова М.А. Следы рунической письменности в черняховской культуре. В кн.: Средневековая Русь. – М., 1976;
67. Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. С древнейших времен до конца XVIII века. – М., 1940 (2-е изд. – М., 1962).
68. Тройко Л.В. Духовное наследие славян и ариев // Ведическая Культура 2004. № 4. С. 17 / <http://www.liveinternet.ru/users/2571390/post96805319/>
69. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. Учебно-практическое пособие. – М.: Дело, 2000. – 304 с.;
70. Устаева А. Звездосчеть или тайна числобога. – М.: Институт древнеславянской и древне-евразийской цивилизации – ИДДЦ, 2010 / <http://astrosophy.spb.ru/node/130>.
71. Фалалеева И.Н. Политико-правовая система Древней Руси IX – XI вв. - Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета. 2003;
72. Фарсобин В.В. Источниковедение и его метод: Опыт анализа понятий и терминологии. – М., 1983.
73. Чертков А.Н. Древнерусская Федерация // Журнал российского права. 2000. № 2. С. 162-173; № 3. С. 152-159.
74. Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. - М.: Изд-во К.И. Солдатенкова, Н. Щепкина, 1858. С. 10, 26.
75. Чудинов В.А. Русские руны. – М.: Альва-Первая, 2006. – 336 с.
76. Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. - Санкт-Петербург: Тип. М.А. Александрова, 1908 / <https://www.prlib.ru/item/361691>
77. Шайхлисламо Э.Р. Федеральная государственность и проблема регионализации в России: историко-правовой аспект. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. – Краснодар, 2008. С. 18.

78. Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. Учебное пособие. – М., 1993.

79. Щапов Я.Н. Археографическая методика исследования и издания памятников древнерусского права // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. – М.: Наука, 1978. С. 8.

80. Ягич И.В. Вопрос о рунах у славян // Энциклопедия славянской филологии. Издание Отделения русского языка и словесности. Имп. Акад. Наук. Вып.3: Графика у славян. – Спб., 1911.

81. Янин В.Л. Я послал тебе бересту .. – М.: Издательство Московского университета, 1975. С. 5, 7, 166 – 167.

УДК 340

*Сінько О.А.,
Київський Національний університет імені Тараса Шевченка
Саулко П.Г.
Юрист*

ОСКАРЖЕННЯ ПРОЦЕСУАЛЬНИХ РІШЕНЬ, ДІЙ ЧИ БЕЗДІЯЛЬНОСТІ СЛІДЧОГО ПІД ЧАС ДОСУДОВОГО РОЗСЛІДУВАННЯ, ЯК ЕФЕКТИВНИЙ СПОСІБ ЗАХИСТУ ПРАВ ОСОБИ

*Sinko O.,
Taras Shevchenko National University of Kyiv
Saulko P.
Lawyer*

APPEAL OF PROCEDURAL DECISIONS, ACTION OR INACTIVITY OF THE INVESTIGATOR DURING THE PRE-TRIAL INVESTIGATION, AS AN EFFECTIVE WAY TO PROTECT PERSONAL RIGHTS

Анотація.

У статті досліджується питання, що стосується інституту оскарження рішень, дій чи бездіяльності слідчого, що є ефективним способом захисту прав людини, що має кілька шляхів вирішення питання.

Abstract.

The article examines the issue of the institution of appealing against decisions, actions or inaction of the investigator, which is an effective way to protect human rights, which has several ways to resolve the issue.

Ключові слова: права, процесуальні рішення, дію, бездіяльність, кримінальне провадження, механізм оскарження рішень, суд, закон, особа, захист прав, юридичний захист, слідчий, суддя, прокурор.

Keywords: rights, procedural decisions, action, inaction, criminal proceedings, mechanism for appealing decisions, court, law, person, protection of rights, legal protection, investigator, judge, prosecutor.

Забезпечення права на оскарження процесуальних рішень, дій чи бездіяльності є однією із основоположних засад, на основі яких здійснюється кримінальне провадження. Актуальність даної теми полягає у необхідності проаналізувати та дослідити механізм оскарження рішень, дій чи бездіяльності слідчого, та його реалізацію на практиці.

У ст. 8 Загальної декларації прав людини 1948 року закріплено, що кожна людина має право на ефективне поновлення у правах компетентними національними судами у разі порушення її основоположних прав, наданих їй конституцією або законом. Міжнародний пакт про громадянські і політичні права 1966 року покладає обов'язок на державу, що бере участь у ньому, забезпечити кожній особі, права і свободи якої порушено, ефективний засіб правового захисту, навіть коли це порушення було вчинене особами, що діяли як особи офіційні. У ст. 13 Європейської конвенції про захист прав людини і основоположних свобод 1950 року передбачено, що кожна особа має право на ефективний засіб юридичного захисту в національному органі, навіть якщо таке порушення було вчинене особами, які здійснювали свої офіційні повноваження.

У ч. 1 ст. 24 Кримінального процесуального кодексу України (далі – КПК України, Кодекс), зазначено, що кожному гарантується право на оскарження процесуальних рішень, дій чи бездіяльності суду, слідчого судді, прокурора, слідчого.

Відповідно до положень КПК України, слідчий – це службова особа органу Національної поліції, органу безпеки, органу, що здійснює контроль за додержанням податкового законодавства, органу Державного бюро розслідувань, Головного підрозділу детективів, підрозділу детективів, відділу детективів, підрозділу внутрішнього контролю Національного антикорупційного бюро України, уповноважена в межах компетенції, передбаченої КПК України, здійснювати досудове розслідування кримінальних правопорушень.

На практиці іноді зустрічаються випадки, коли слідчий може задовольнити клопотання, але фактично ухилиється від його виконання. Саме в такому разі необхідним є інститут оскарження рішення, дій чи бездіяльності. У ч. 1 ст. 303 КПК України наводиться перелік рішень, дій чи бездіяльності слідчого, що можуть бути оскарженні під час досудового провадження.

Варто зазначити, що даний перелік є вичерпним, й інші випадки, що не передбачені, оскарженню не підлягають. У ч. 4 ст. 304 Кодексу закріплено, що слідчий суддя, суд відмовляє у відкритті провадження лише у разі, якщо скарга подана на рішення, дію чи бездіяльність слідчого, що не підлягає оскарженню. Відповідно до ч. 2 вищезазначеної статті, скарги на інші рішення, дії чи бездіяльність слідчого не розглядаються під час досудового розслідування і можуть бути предметом розгляду під час підготовчого провадження у суді. Однак, відповідно до ч. 3 ст. 303 КПК під час підготовчого судового засідання можна оскаржити рішення слідчого, про відмову у визнанні потерпілим - особою, якій відмовлено у визнанні потерпілою, та рішення, дії чи бездіяльність слідчого, при застосуванні заходів безпеки - особами, до яких можуть бути застосовані заходи безпеки, передбачені законом.

Важливим аспектом є строк на подання такої скарги. Як зазначено у ст. 304 КПК України, скарги на рішення, дії чи бездіяльність слідчого, передбачені ч. 1 ст. 303 Кодексу, можуть бути подані особою протягом десяти днів з моменту прийняття рішення, вчинення дії або бездіяльності. Якщо рішення слідчого оформлюється постановою, строк подання скарги починається з дня отримання особою її копії.

Скарга повертається, якщо: 1) скаргу подала особа, яка не має права подавати скаргу; 2) скарга не підлягає розгляду в цьому суді; 3) скарга подана після закінчення строку, передбаченого частиною першою цієї статті, і особа, яка її подала, не порушує питання про поновлення цього строку або слідчий суддя за заявою особи не знайде підстав для його поновлення. Повернення скарги не позбавляє права повторного звернення до слідчого судді, суду.

Слід зазначити, що у ст. 305 Кодексу закріплюється, що подання скарги на рішення, дії чи бездіяльність слідчого під час досудового розслідування не зупиняє виконання рішення чи дію слідчого. Це важливе положення, яке впливає на процес досудового розслідування і на його результат, адже з одного боку, не дає можливості затягувати строки кримінального провадження. Слідчий може самостійно скасувати рішення, передбачені п. п. 1, 2, 5 і 6 ч. 1 ст. 303 Кодексу, припинити дію чи бездіяльність, які оскаржуються, що тягне за собою закриття провадження за скаргою. Прокурор може самостійно скасувати рішення слідчого про закриття кримінального провадження та повідомлення слідчого про підозру після спливу одного місяця з дня повідомлення особі про підозру у вчиненні кримінального проступку або двох місяців з дня повідомлення особі про підозру у вчиненні злочину, але не пізніше закриття прокурором кримінального провадження або звернення до суду із обвинувальним актом, що оскаржується в порядку, передбаченому ч. 6 ст. 284 Кодексу, що тягне за собою закриття провадження за скаргою.

Відповідно до ст. 306 КПК України, скарги на рішення, дії чи бездіяльність слідчого розгляда-

ються слідчим суддею місцевого суду, а в кримінальних провадженнях щодо кримінальних правопорушень, віднесених до підсудності Вищого антикорупційного суду, - слідчим суддею Вищого антикорупційного суду. Скарги на рішення, дії чи бездіяльність під час досудового розслідування розглядаються не пізніше сімдесяти двох годин з моменту надходження відповідної скарги, крім скарг на рішення про закриття кримінального провадження, які розглядаються не пізніше п'яти днів з моменту надходження скарги. Розгляд скарг на рішення, дії чи бездіяльність під час досудового розслідування здійснюється за обов'язкової участі особи, яка подала скаргу, чи її захисника, представника та слідчого, рішення, дії чи бездіяльність якого оскаржується. Відсутність слідчого не є перешкодою для розгляду скарги.

Європейський суд з прав людини (далі - ЄСПЛ) у справі "Меріт проти України" N 66561/01 від 30.03.2004, зазначив, що національне законодавство забезпечує судовий контроль за діями органів слідства. Проте необхідно з'ясувати, чи цей контроль міг бути ефективно здійснений у справі відразу і чи був він доступним, а не просто теоретичним чи ілюзорним на момент подання заяви. Зокрема, необхідно встановити, чи ці засоби правового захисту надали обґрунтовані перспективи успіху стосовно скарги заявника.

Керуючись ст. 307 Кодексу, за результатами розгляду скарг постановляється ухвала.

Ухвала слідчого судді може бути про: 1) скасування рішення слідчого; 1-1) скасування повідомлення про підозру; 2) зобов'язання припинити дію; 3) зобов'язання вчинити певну дію; 4) відмову у задоволенні скарги.

Слід наголосити, ч. 3 даної статті передбачено, що ухвала слідчого судді за результатами розгляду скарги на рішення, дію чи бездіяльність слідчого не може бути оскаржена, окрім ухвали про відмову у задоволенні скарги на постанову про закриття кримінального провадження; скарги на відмову слідчого, прокурора в задоволенні клопотання про закриття кримінального провадження з підстав, визначених п. 9-1 ч. 1 ст. 284 цього Кодексу (існує не скасована постановою слідчого, дізнавача, прокурора про закриття кримінального провадження з підстав, передбачених п.п. 1, 2, 4, 9 цієї частини, у кримінальному провадженні щодо того самого діяння, що розслідувалося з дотриманням вимог щодо підслідності); про скасування повідомлення про підозру та відмову у задоволенні скарги на повідомлення про підозру.

Рішенням Конституційного Суду України № 4-р(П)/2020 від 17.06.2020, було визнано неконституційним положення ч. 3 ст. 307 КПК щодо заборони оскарження ухвали слідчого судді за результатами розгляду скарги на бездіяльність слідчого, прокурора, яка полягає у невнесенні відомостей про кримінальне правопорушення до Єдиного реєстру досудових розслідувань після отримання заяви, повідомлення про кримінальне правопорушення. У Рішенні зазначено, що «реалізація конституційного

права на судовий захист передбачає можливе оскарження до суду рішень, дій чи бездіяльності органів державної влади. Хоча обсяг розсуду законодавця при встановленні системи судоустрою, процедури оскарження, підстав для скасування або зміни судових рішень судами вищих інстанцій, повноважень судів вищих інстанцій є широким, законодавець повинен, здійснюючи відповідне регулювання, виходити з конституційних принципів і цінностей та відповідних міжнародних зобов'язань України, зокрема щодо ефективного судового захисту прав і свобод людини і громадянина».

Окрема увага приділяється оскарженню недотримання розумних строків, адже як відомо, строк чітко регламентований КПК України, і його затягування може призводити до несприятливих наслідків, а інколи і взагалі до закриття кримінального провадження, у зв'язку із закінченням строку на проведення досудового розслідування коли жодній особі не було повідомлено про підозру. У ст. 308 Кодексу закріплено, що підозрюваний, обвинувачений, потерпілий, інші особи, права чи законні інтереси яких обмежуються під час досудового розслідування, мають право оскаржити прокурору вищого рівня недотримання розумних строків слідчим під час досудового розслідування. Прокурор вищого рівня зобов'язаний розглянути скаргу протягом трьох днів після її подання і в разі наявності підстав для її задоволення надати відповідному прокурору обов'язкові для виконання вказівки щодо строків вчинення певних процесуальних дій або прийняття процесуальних рішень. Особа, яка подала скаргу, невідкладно письмово повідомляється про результати її розгляду. За недотримання розумних строків, службові особи можуть бути притягнуті до відповідальності, встановленої законом.

Важливо зазначити, що відповідно до ст. 309 КПК України, ухвала слідчого судді за результатом розгляду скарги не оскаржується в апеляційному порядку, винятком є лише ухвали слідчого судді про відмову у задоволенні скарги на постанову про закриття кримінального провадження або на рішення слідчого про відмову в задоволенні клопотання про закриття кримінального провадження на підставі п. 9-1 ч. 1 ст. 284 Кодексу (існує нескасована постанова слідчого про закриття кримінального провадження з підстав, передбачених Кодексом, у кримінальному провадженні щодо того самого діяння, що розслідувалося з дотриманням вимог щодо підслідності), про скасування повідомлення про підозру чи відмову у задоволенні скарги на повідомлення про підозру, повернення скарги на

рішення, дії чи бездіяльність слідчого, прокурора або відмову у відкритті провадження по ній.

Спираючись на все вищесказане, можна стверджувати, що інститут оскарження рішення, дій чи бездіяльності слідчого є ефективним способом захисту прав особи, що має кілька шляхів. По-перше, оскаржувати можна до керівника досудового розслідування чи до прокурора, по-друге, до слідчого судді або до суду (вже під час підготовчого провадження), по-третє, оскарження недотримання слідчим розумних строків здійснюється до прокурора вищого рівня або до слідчого судді, це впливає із ст. 303 Кодексу. Конкретні ухвали слідчого судді за результатами розгляду скарги можна оскаржувати навіть в апеляційному порядку.

Список літератури

1. Загальна декларація прав людини, прийнята від 10.12.1948 URL: <https://zakon.rada.gov.ua>.
2. Кримінальний процесуальний кодекс, редакція від 14.01.2021 URL: <https://zakon.rada.gov.ua>.
3. Міжнародний пакт про громадянські і політичні права, ратифікація від 19.10.1973 URL: <https://zakon.rada.gov.ua>.
4. Європейської конвенції про захист прав людини і основоположних свобод, редакція від 02.10.2013 URL: <https://zakon.rada.gov.ua>.
5. Рішення КСУ № 4-р(II)/2020 від 17 червня 2020 року URL: <https://zakon.rada.gov.ua>.
6. М. Ничипорук, А. Присяжнюк «Шляхи прискорення досудового розслідування» URL: <https://jurliga.ligazakon.net/ua>.
7. Як оскаржити рішення органів досудового розслідування, прокуратури та суду? URL: <https://court.gov.ua>.
8. Справа "Меріт проти України" (заява N 66561/01) від 30.03.2004 URL: <https://zakon.rada.gov.ua>.
9. Теремцова Н.В. (2014) Теоретичне питання про право та фізичну недоторканість. Матеріали доповідей укладено за матеріалами міжнародної науково-практичної конференції «Права та свободи людини і громадянина: механізм їх реалізації та захисту різними галузями права». – м. Братислава, Словацька Республіка, 19-20 вересня 2014 р. Вид: Паневропська висока школа, факультет права. – м. Братислава, Словенська Республіка. – С. 110- 112.
10. Teremtsova N. (2017) The main types understanding to legal liability: the theoretical aspect. European Perspectives (Politics, Economics, Law) 1. 12-18.
11. Teremtsova, N. (2019). The problem of differentiation between private and public law. Journal Transition Studies Review, 26(2), 15-22. Index Scopus 2019 International ISSN: 1614-4007

Христов О.Л.

кандидат юридичних наук, доцент,
доцент кафедри оперативно-розшукової діяльності,
Дніпропетровський державний університет внутрішніх справ
ORCID ID 0000-0002-0088-5844

[DOI: 10.24412/2520-6990-2021-794-64-69](https://doi.org/10.24412/2520-6990-2021-794-64-69)

**СИСТЕМА ПРАВОВОГО РЕГУЛЮВАННЯ ВИКОРИСТАННЯ ГРОМАДСЬКОСТІ
ПІДРОЗДІЛАМИ КРИМІНАЛЬНОЇ ПОЛІЦІЇ ПІД ЧАС ПРОТИДІЇ ЗЛОЧИННОСТІ:
КОМПАРАТИВНИЙ АНАЛІЗ, МОЖЛИВОСТІ ДЛЯ УКРАЇНИ**

Khrystov O.L.

Candidate of Law Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Operative-Investigative Department of the Faculty of Specialists Training for the
Criminal Police Departments of the Dnipropetrovsk State University of Internal Affairs, Dnipro, Ukraine

**SYSTEM OF LEGAL REGULATION OF THE USE OF PUBLIC BY CRIMINAL POLICE IN TIME
THE COMBATING CRIME: COMPARATIVE ANALYSIS, OPPORTUNITIES FOR UKRAINE**

Анотація.

У статті здійснено вивчення зарубіжного досвіду правового регулювання використання громадськості підрозділами, які здійснюють оперативно-розшукову діяльність чи застосовують спеціальні методи розслідування, під час протидії злочинності з метою визначення можливостей його використання в українській законотворчій діяльності. Автор здійснив аналіз відповідних положень законодавства, яке регулює поліцейську діяльність, оперативно-розшукову діяльність, провадження досудового розслідування, діяльність громадських об'єднань правоохоронної спрямованості, зокрема узагальнено досвід країн: Європейського союзу (Литви, Естонії, Молдови, Німеччини, Польщі, Фінляндії, Франції,) Співдружності Незалежних Держав (Вірменії, Білорусії, Казахстану, Російської Федерації, Таджикистану, Узбекистану), а також Великої Британії, Грузії, Канади, США, Швейцарії, Ізраїлю.

Результати аналізу правового регулювання зазначених держав щодо питань використання громадськості підрозділами, які здійснюють оперативно-розшукову діяльність чи застосовують спеціальні методи розслідування, під час протидії злочинності, показали, що правова база кожної окремо взятої країни представляє собою досить розгалужену систему нормативно-правових актів, структура і зміст якої залежить від: 1) структури правової системи держави; 2) вектору державної політики з питань утвердження партнерських відносин кримінальної поліції з громадськістю (громадами та населенням), яка визначається через систему норм законів, директив, наказів, інструкцій, положень та ін; 3) концепції використання негласних методів протидії злочинності (оперативно-розшукової діяльності та/або спеціальних методів розслідування); 4) розвиненості громадських інституцій правоохоронної спрямованості; 5) рівня законодавчого забезпечення протидії злочинності в окремих галузях.

Abstract.

The article examines the foreign experience of legal regulation of public use by units that carry out operational and investigative activities or use special methods of investigation, in combating crime in order to determine the possibilities of its use in Ukrainian lawmaking.

The author analyzed the relevant provisions of the legislation governing policing, operational and investigative activities, pre-trial investigation, activities of public law enforcement associations, in particular, summarized the experience of the European Union (Lithuania, Estonia, Moldova, Germany, Poland, Finland, France,) The Commonwealth of Independent States (Armenia, Belarus, Kazakhstan, the Russian Federation, Tajikistan, Uzbekistan), as well as Great Britain, Georgia, Canada, the United States, Switzerland, and Israel.

The results of the analysis of the legal regulation of these states on the use of the public by units that carry out operational and investigative activities or use special methods of investigation in combating crime, showed that the legal framework of each country is a fairly extensive system of regulations, structure and the content of which depends on: 1) the structure of the legal system of the state; 2) the vector of state policy on the establishment of partnerships between the criminal police and the public (communities and the population), which is determined through a system of laws, directives, orders, instructions, regulations, etc.; 3) the concept of using covert methods of combating crime (operational and investigative activities and/or special methods of investigation); 4) development of public law enforcement institutions; 5) the level of legislative support for combating crime in certain areas.

Ключові слова: громадськість, правове регулювання, зарубіжний досвід, протидія злочинності, оперативно-розшукова діяльність, підрозділ кримінальної поліції.

Keywords: public, legal regulation, foreign experience, counteraction to crime, operative-search activity, criminal police unit.

Сьогодні світове співтовариство звертає увагу на важливості забезпечення участі громадськості в процесах протидії злочинності і наголошує на необхідності розширення національних практик її використання у цій сфері [1], у тому числі за рахунок оптимізації існуючих моделей, концептуального перегляду правових інституцій, вдосконалення нормативно-правової бази, розробки найбільш раціональних і ефективних форм такої діяльності як на центральному, так і на місцевому рівнях, з урахуванням специфіки й особливостей криміногенної обстановки.

Хоча в Україні органи державної влади приділяють увагу правовому регулюванню питань використання громадськості у протидії злочинності, однак його нормативне врегулювання носить однобокий характер, та здебільшого знаходиться у площині унормування окремих форм протидії злочинності (превенція, окремі форми запобігання). Не врегульованими залишається можливість використання громадськості для виконання завдань оперативно-розшукової діяльності та кримінального провадження. У чинному законодавстві не деталізуються які саме завдання й функції, крім громадського контролю діяльності правоохоронних органів, ресоціалізації засуджених, протидії корупції, охорони навколишнього середовища, охорони громадського порядку й державного кордону, може виконувати громадськість під час протидії злочинності, не визначено статус роль і місце громадських організацій та окремих представників громадськості під час оперативно-розшукового та кримінального провадження й ін. У зв'язку з цим, виникла необхідність наукового вивчення зарубіжного досвіду правового регулювання використання громадськості підрозділами кримінальної поліції під час протидії злочинності. Вищезазначене обумовлює необхідність і своєчасність даного дослідження та визначає її актуальність.

В різні часи проблемні аспекти використання громадськості у правоохоронній діяльності були предметом дослідження багатьох вчених, зокрема: В. Г. Аксьонова, А. В. Білецького, В. М. Бризгалова, І. І. Веремеєнка, О. М. Гаврілова, Т. Д. Гаврилюк, С. В. Глушка, В. В. Голіни, Г. М. Горшенкова, О. В. Джафарової, А. М. Долгополова, А. Е. Жалінського, Ж. О. Жуковської, А. В. Загорного, В. С. Іванової, В. А. Іванової, О. М. Ілларіонової, Н. П. Ісаєвої, Д. Ф. Кічатова, А. Б. Козловського, М. Г. Колодяжного, О. М. Коропатова, С. В. Медведенка, Р. В. Миронюка, В. І. Московця, Г. В. Мороза, О. М. Музичука, В. О. Озоліна, М. Є. Павлова, В. В. Павловського, П. Ф. Перевозника, О. Д. Поліщука, Т. В. Раскіної, І. В. Слободенюка, С. С. Стрельникова, О. П. Флягіна, С. С. Шрамко та багатьох інших авторів.

Теоретичним проблемам оперативно-розшукового використання громадськості під час протидії злочинності присвячені комплексні монографічні дослідження О. В. Васковської, В. М. Давидюка, А. М. Кислого, В. М. Круглого, В. В. Майорової, О. В. Михайловської, В. І. Отрудька, А. Ю. Сипачова, О. В. Шахматова

та ін.

Питання про актуальність і необхідність вивчення зарубіжного досвіду правового регулювання й організації використання громадськості підрозділами, які здійснюють оперативно-розшукову діяльність, під час протидії злочинності, ставиться багатьма вітчизняними і закордонними вченими. Наприклад, С.І. Владіміров, П.І. Іванов вказують, що особливості проблеми сприяння громадян органам внутрішніх справ, з урахуванням наявного зарубіжного досвіду, заслуговують на увагу вчених-юристів [2, с. 106]; П.М. Кобець визначає суттєве значення вивчення зарубіжного досвіду для вдосконалення спільної діяльності об'єднань громадян та підрозділів і служб поліції [3; 4]; С.М. Іншаков стверджує, що аналіз світового досвіду дозволяє побачити, як йде цей процес в різних умовах, зрозуміти, до яких результатів можуть привести різні заходи в залежності від того, в яких обставинах вони застосовувались в яку систему були включені [6, с. 342].

Але є й застережливі думки з цього приводу. Досліджуючи зарубіжний досвід взаємодії поліції з населенням, вчені та практики підкреслюють, що вкрай рідко його можна впровадити у вітчизняну практику. Однак його можна і необхідно використовувати в адаптованому вигляді, і, що теж дуже важливо, цей досвід дозволяє генерувати нові ідеї, з урахуванням дійсності реалізовувати їх на практиці [6, с. 9].

Проте, перш ніж перейти до аналізу правового регулювання цих правовідносин, варто висвітлити основні напрямки наукових інтересів вчених, які присвятили свої праці вивченню даного питання та на їх основі визначити прогалини у науковому та методичному забезпеченні нормативно-правового регулювання. Вивчення результатів досліджень, які стосувалися правового регулювання використання громадськості, підрозділами, що здійснюють оперативно-розшукову діяльність, під час протидії злочинності, дозволяє узагальнити питання, які є найбільш дослідженими і розробленими, а також зосередити увагу на малодосліджених проблемах.

До найбільш досліджених зарубіжними вченими проблем правового регулювання цих правовідносин слід віднести: 1. Вивчення законодавчо визначених категорій «сприяння громадян», «допомога громадян» в оперативно-розшуковій діяльності: змісту, сутності, семантичного значення, правозастосування [7; 8]; ролі, статусу, повноважень та унормування діяльності громадських рад, громадських об'єднань, окремих громадських діячів в адміністративній діяльності та кримінології. 2. Визначення категорій осіб, які сприяють підрозділами, що здійснюють оперативно-розшукову діяльність (здебільшого позаштатних працівників) [9; 10, с. 130; 7, с. 281], і закріплення їх правового статусу залежно від форм сприяння [9; 10, с. 130] (прав, обов'язків, відповідальності). 3. Правова регламентація статусу громадян і некомерційних формувань в у забезпеченні і охороні громадського порядку [11]. 4. Юридичне оформлення правовідносин ок-

ремих осіб з підрозділами, що здійснюють оперативно-розшукову діяльність, слідчими, прокурором, а також у суді [12] (контракт, трудова угода або без оформлення таких) [11, с. 51]. 5. Унормування правового і соціального захисту осіб [13, с. 6; 7; 8], які надають конфіденційне сприяння суб'єктам оперативно-розшукової діяльності [14., с. 65; 10, с. 130]. 6. Правова регламентація матеріального і соціального заохочення громадських об'єднань та громадян, які приймають участь у протидії злочинності [15, с. 22]. 7. Правове регулювання анонімною формою сприяння громадян в оперативно-розшуковій діяльності [16, с. 76; 17; 18]. Потрібно зазначити, що з приводу цих питань вчені не дійшли єдиного погляду, у результаті чого відбулось накопичення наукових ідей, пропозицій з удосконалення законодавства, рекомендацій теоретико-прикладного спрямування.

Зазначені ідеї у своїй більшості реалізовані у міжнародних нормативно-правових актах. Система міжнародних нормативно-правових актів з питань протидії злочинності останнім часом характеризується векторною спрямованістю на підвищення ролі громадськості у протидії злочинності та її використання у всіх напрямках роботи правоохоронних органів [1]. Рекомендації ООН та Ради Європи країнам-учасникам свідчать, що не існує єдиної моделі використання громадськості у протидії злочинності. Найбільш прогресивний шлях удосконалення національних практик у цьому питанні є вивчення та запозичення досвіду інших країн з урахуванням потреб та проблем, які існують у державах-рецепієнтах (ситуативний підхід).

У більшості Європейських країн сприяння громадян підрозділам кримінальної поліції під час протидії злочинності визначає система прав гарантованих конституціями, зокрема право на: індивідуальні та колективні звернення до державних органів та органів місцевого самоврядування (наприклад, Андорра, Швейцарія, Бельгія); об'єднання громадян, включаючи право створювати професійні спілки для захисту своїх інтересів (наприклад, Бельгія, Іспанія, Люксембургу, Швейцарії); участь в управлінні державними справами та захист своєї честі і доброго ім'я (наприклад, Андорра); захист своїх прав і свобод всіма не забороненим законом способами (наприклад, Андорра, Швейцарія, Бельгія, Данія).

На підставі вивчення законодавства зазначених країн встановлено, що правове регулювання використання громадськості підрозділами, які здійснюють оперативно-розшукову діяльність або застосовують спеціальні методи розслідування кожної окремо взятої країни представляє собою досить розгалужену систему нормативно-правових актів, яка залежить від: 1) структури правової системи держави; 2) вектору державної політики з питань утвердження партнерських відносин кримінальної поліції з громадськістю (громадами та населенням), яка визначається через систему норм законів, директив, наказів, інструкцій, положень та ін; 3) концепції використання негласних методів протидії злочинності (оперативно-розшукової діяльності та/або

спеціальних методів розслідування); 4) розвиненості громадських інституцій правоохоронної спрямованості; 5) рівня законодавчого забезпечення протидії злочинності в окремих галузях.

Встановлено, що концепція «Community Policing» сьогодні є визначальною для діяльності кримінальної поліції більшості Європейських, Скандинавських, Південно- та Північно-Американських країн, однак специфіка організації роботи підрозділів кримінальної поліції (структурної побудови, функціонального призначення, завдань, компетенції) в цих країнах, обумовили розвиток різних підходів до ієрархії керівних документів з питань використання громадськості підрозділами кримінальної поліції під час протидії злочинності. Унормування (імплементация) основних положень концепції у більшості зарубіжних країн має багаторівневу структуру.

Правова основа цієї діяльності, як правило, визначається:

І. Галузевими законами:

1. Законами, які безпосередньо регламентують діяльність поліції, наприклад: «Про поліцію» (країни Європейського союзу; СНД: Вірменія, Росія; окремих країн: Грузія), «Про органи внутрішніх справ» (Білорусія, Казахстан, Киргизія, Узбекистан). У результаті аналізу законодавства встановлено, що засади використання громадськості підрозділами кримінальної поліції під час протидії злочинності у законах «Про поліцію» Вірменії, Грузії, Росії, а також «Про органи внутрішніх справ» Білорусії, Казахстану, Киргизії, Узбекистану визначаються по-різному, зокрема національним законодавством цих країн встановлено принципи: 1) не закріплено взагалі - діяльність здійснюється відповідно до принципів державної служби та спеціальних принципів правоохоронної служби (ст. 3 Закону Республіки Казахстан «Про органи внутрішніх справ Республіки Казахстан»); 2) закріплено як незалежність від діяльності політичних партій та інших громадських об'єднань (ст. 4 Закону Республіки Білорусь «Про органи внутрішніх справ»); 3) визначено пріоритет взаємодії з організаціями, а також з фізичними особами (ст. 3 Закону Республіки Вірменія «Про поліцію»); 4) визначено обов'язок поліції надавати публічну інформацію та співпрацювати з громадськими організаціями, юридичними та фізичними особами (ст. 15 Закону Грузії «Про поліцію»); 5) визначено обов'язок громадян та громадських об'єднань надавати органам внутрішніх справ допомогу у виконанні їхніх завдань та всіляко сприяти їх діяльності (ст. 4 Закону Киргизької Республіки «Про органи внутрішніх справ Киргизької Республіки»; (ст. 11 Закону Республіки Узбекистан «Про органи внутрішніх справ»); 6) визначено повинність громадян та громадських об'єднань сприяти поліції (ст. 10 Закону Російської Федерації «Про поліцію»).

2. Законами, які регламентують діяльність громадських об'єднань, наприклад: «Про громадські об'єднання» (Білорусія, Казахстан, Російська Федерація, Таджикистан, Узбекистан), «Про громадські організації» (Вірменія).

3. Законами, які безпосередньо регламентують діяльність громадських об'єднань правоохоронної спрямованості, наприклад: «Про участь громадян в охороні громадського порядку» (Російська Федерація), «Про участь громадян в охороні правопорядку» (Білорусія).

4. Законами, які регламентують сферу правоохоронної діяльності, наприклад: «Про кримінальну юстицію» (Велика Британія), «Про протидію тероризму» (Казахстан, Росія), «Про боротьбу з тероризмом» (Білорусія, Узбекистан), «Про боротьбу з незаконним обігом наркотичних засобів, психотропних речовин і прекурсорів» (Азербайджан), «Про наркотичні засоби і психотропні речовини» (Росія), «Про наркотичні засоби, психотропні речовини, прекурсори та протидію їх незаконному обігу» (Туркменістан).

5. Законами, які унормовують правоохоронні функції: 1) оперативно-розшукову діяльність (розшукову діяльність) або спеціальні методи розслідування, наприклад: закон «Про оперативно-розшукову діяльність» (Арменія, Білорусія, Узбекистан, Казахстан, Росія); Кримінально-процесуальний кодекс (Грузія, Естонія, Молдова, Латвія); 2) превентивну діяльність, наприклад закони «Про профілактику правопорушень» (Казахстан, Киргизія, Узбекистан), «Про основи діяльності по профілактиці правопорушень» (Білорусія), «Про основи системи профілактики правопорушень» (Російська Федерація).

II. Програмами загальнодержавного, регіонального, місцевого (муніципального) рівнів (Велика Британія, Канада, Нідерланди, Німеччина, США, Швейцарія, окремі країни СНД), стратегіями, концепціями, планами щодо протидії злочинності.

III. Договорами про співпрацю з поліцією, меморандумами, статутами спеціалізованих громадських об'єднань правоохоронної спрямованості.

IV. Директивами центральних апаратів поліції, інструкціями, рішеннями судів.

Поряд з цим, система нормативно-правових актів, які визначають правові засади використання громадськості підрозділами кримінальної поліції під час протидії злочинності доволі має чітку ієрархічну побудову у країнах з усталеними моделями нормативно-правового регулювання зазначених правовідносин. Однак у країнах з моделями правового регулювання «перехідного періоду» не відзначається чіткої ієрархії.

На думку А.В. Баровської, відсутність ієрархії та чітко визначених вимог до змістовного наповнення документів призводить до того, що відповідні акти одночасно містять положення, притаманні різним видам керівних документів державної політики [19]. Вона узагальнила існуючі в державноуправлінській науці підходи до ієрархії керівних документів державної політики, а саме: 1) *доктрина* → *концепція* → *стратегія* → *програма* → *план* (позиція – Рада національної безпеки і оборони України); 2) *доктрина* → *концепція* → *стратегія* (В. Горбулін, А. Качинський, А. Нестеров, М. Чернишов); *концепція* → *доктрина* → *стратегія* → *програма* (Г. Ситник); *стратегія* → *концепція* →

доктрина → *програма* (А. Рукшин, А. Кузьменко) [19, с. 41; 20; 21].

О.О. Титаренко пропонується визначати ієрархію документів державної політики протидії злочинності таким чином: *концепція (та/або) доктрина* → *базова стратегія* → *галузева стратегія чи концепція* → *державна цільова програма (в тому числі в окремій галузевій безпековій сфері)* → *плани*. [22, с. 104]. Така ієрархія стратегічних документів, на наш погляд, можлива і для питань використання громадськості підрозділами кримінальної поліції під час протидії злочинності та може бути врахована при програмуванні і плануванні підрозділів на відповідному рівні, зокрема, враховуючи останні реформи з децентралізації підрозділів кримінальної поліції - на центральному та регіональному рівнях.

В результаті аналізу зарубіжного досвіду з'ясовано механізм правового регулювання використання громадськості підрозділами кримінальної поліції під час протидії злочинності, включає юридичні норми та правовідносин між громадськістю і підрозділами кримінальної поліції, та повинен виражатися через систему нормативно-правових актів, які мають унормовувати такі питання на: 1. Законодавчому рівні: 1) підстави використання громадськості підрозділами кримінальної поліції під час оперативно-розшукової протидії злочинам та під час забезпечення кримінального провадження; 2) основні форми, принципи та завдання цієї діяльності; 3) права та обов'язки представників громадськості, що сприяють підрозділам, які здійснюють оперативно-розшукову діяльність; 4) відповідальність за розголошення таємниці, що охороняється законом, представників громадськості, які були залучені як представники громадськості чи засобів масової інформації до виконання завдань оперативно-розшукової діяльності або досудового розслідування; 5) відповідальність за розголошення відомостей про представників громадськості, які сприяють або сприяли підрозділам кримінальної поліції; 6) відповідальність за використання злочинними спільнотами, організованими групами та злочинними організаціями у своїх інтересах громадських об'єднань і засобів масової інформації; 5) заходи забезпечення безпеки осіб, які були залучені як представники громадськості чи засобів масової інформації до виконання завдань або виконують завдання оперативно-розшукової діяльності та/або досудового розслідування. 2. На нормативно-правовому рівні: 1) організацію і тактику використання представників громадськості підрозділами кримінальної поліції під час оперативно-розшукового та кримінального провадження; 2) взаємодію підрозділів кримінальної поліції з іншими підрозділами поліції під час залучення громадських об'єднань та представників громадськості до виконання спільних завдань та ін.

Висновки. Враховуючи багатоплярність цієї проблематики, потрібно зазначити, що на сьогодні потребують вирішення такі питання правового регулювання використання громадськості підрозділами кримінальної поліції під час протидії злочинності як: 1. Правове закріплення концепції

використання громадськості підрозділами, які здійснюють оперативно-розшукову діяльність, шляхом прийняття й схвалення відповідної стратегії. 2. Визначення системи нормативно-правових актів, які повинні відображати концепцію використання громадськості підрозділами кримінальної поліції під час протидії злочинності. 3. Законодавче закріплення підстав використання громадськості підрозділами кримінальної поліції під час оперативно-розшукової протидії злочинам та під час забезпечення кримінального провадження. 4. Правова регламентація принципів, форм, видів, напрямків та завдань використання представників громадськості підрозділами кримінальної поліції під час здійснення оперативно-розшукової діяльності та негласної роботи у кримінальному провадженні. 5. Правова регламентація меж використання представників громадськості підрозділами кримінальної поліції в оперативно-розшуковій діяльності. 6. Правова регламентація організації і тактики використання представників громадськості в оперативно-розшуковій діяльності. 7. Унормування оформлення правовідносин що виникають під час використання підрозділами кримінальної поліції громадських об'єднань (наприклад, договір, контракт, угода), та окремих представників громадськості (наприклад, згода, зобов'язання). 8. Правова регламентація заохочення сприяння у протидії злочинності колективних форм громадськості (наприклад, часткове або тимчасове звільнення від податків; спрощення процедури оформлення юридичної особи громадських формувань), а також індивідуальних форм сприяння окремих представників громадськості (наприклад, отримання винагород, спрощення процедури отримання дозволу на в'їзд до країни або збільшення строків перебування на території іноземців, спрощена процедура отримання дозволу на працевлаштування іноземців.). 9. Унормування заохочувальних заходів підрозділів кримінальної поліції і окремих оперативних працівників, які найефективніше використовують представників громадськості (громадські об'єднання) під час протидії злочинності та сприяють розвитку партнерських відносин. 10. Унормування оцінювання ефективності використання громадськості підрозділами кримінальної поліції у протидії злочинності та ін. 11. Унормування обліку громадських об'єднань і окремих представників громадськості, які здатні забезпечити своєчасне сприяння підрозділам кримінальної поліції у протидії злочинності. 12. Нормативне закріплення ведення оперативного обліку громадських об'єднань і окремих представників громадськості, які використовуються організованими злочинними спільнотами для приховування злочинної діяльності. 13. Правова регламентація обліку осіб, яким забороняється бути засновниками чи учасниками (членами) громадських об'єднань у зв'язку із судимістю чи участю у злочинній діяльності, яка пов'язана із використанням громадських формувань для приховування цієї діяльності (наприклад шляхом впровадження однойменного Реєстру). 14. Законодавче закріплення відповідальності за

використання громадських об'єднань і засобів масової інформації учасниками злочинних організацій з метою приховування злочинної діяльності. 15. Правова регламентація ведення електронного обліку громадських формувань з охорони громадського порядку і державного кордону.

Список використаних джерел

1. Дохинская декларация о включении вопросов предупреждения преступности и уголовного правосудия в более широкую повестку дня организации Объединенных наций в целях решения социальных и экономических проблем и содействия обеспечению верховенства права на национальном и международном уровнях, а также участию общественности. Тринадцатый конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Доха, 12–19 апр. 2015 г. 26 с. URL: https://www.unodc.org/documents/congress/Declaration/V1504153_Russian.pdf (дата обращения: 12.12.2020).
2. Владимирова С. И., Иванов П. И. Содействие граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел (сравнительный анализ законодательных актов). Труды Академии управления МВД России. 2013. № 4. С. 103-106.
3. Кобец П. Н. Опыт полиции Республики Индии по взаимодействию с гражданским обществом в сфере поддержания правопорядка. Государственная власть и местное самоуправление. 2019. №1. С. 59-63.
4. Кобец П. Н. Опыт Республики Польша по взаимодействию с гражданским обществом в сфере охраны правопорядка и поддержания безопасности. Гражданское общество в России и за рубежом. 2019. №1. С. 32-35. URL: <http://crimescience.ru/wp-content/uploads/2020/03/Гражданское-общество-в-России-и-за-рубежом-№1-2019.pdf>.
5. Иншаков С. М. Зарубежная криминология. Москва : Инфра М-Норма, 1997. 383 с.
6. Реформирование полиции в странах Центральной и восточной Европы : процесс и прогресс / П. Абрахам, Д. Бакрач, А. Бек, и др. ; под. ред. М. Капарини, О. Маринина ; предисловие А. Ярмыша. Киев : Задруга, 2005. 296 с.
7. Отрудько В. І. Актуальні проблеми правового регулювання інституту сприяння громадян оперативним підрозділам у Законі України «Про оперативнорозшукову діяльність». Форум права. 2017. № 5. С. 279-283. URL: file:///C:/Users/Acer/Downloads/FP_index.htm_2017_5_44.pdf (дата звернення: 31.08.2020).
8. Шахматов А. В. Правовое регулирование содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Санкт-Петербургский ун-т МВД России. Санкт-Петербург, 1999. 230 с. URL: <http://www.dslib.net/kriminal-process/pravovoe-regulirovanie-sodejstvija-grazhdan-organam-osuwestvlyajuwm-operativno.html> (дата обращения: 21.03.2020).
9. Шумилов А. Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности : учебник для вузов. 2-е изд.,

перераб. и доп. Москва: Изд-ль Шумилова И.И., 2007.

10. Перевалов Д. В. Структура и содержание правового статуса лиц, оказывающих конфиденциальное содействие оперативно-розыскным органам по законодательству республики беларусь. Евразийская адвокатура. 2012. № 1. С. 129-138.

11. Раскина Т. В. Криминологические проблемы участия общественности в предупреждении преступности : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. юрид. наук : 12.00.08. Москва, 2007. 211 с.

12. Крипулевич А. Ю. Контракт о негласном сотрудничестве лиц с оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы: гражданско-правовой аспект. Вестник Удмуртского университета. 2016. Т. 26, вып. 5. С. 113-118.

13. Охріменко І. М. Психологічні засади негласного співробітництва в сучасних умовах : автореф. дис. на здобуття наук. ступеню канд. юрид. наук : 19.00.06. Одеса, 2005. 17. с.

14. Парманасов А. Д. Законодательное регулирование оперативно-розыскной деятельности в странах – участниках евразийского экономического союза (по материалам органов внутренних дел) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Санкт-Петербургский ун-т М-ва внутр. дел РФ. Санкт-Петербург, 2017. 263 с.

15. Гугунский А. Н., Ильин П.О. К вопросу о правовых основах участия граждан в охране общественного порядка. Труды Академии управления МВД России. 2016. № 2. С. 21-24. URL: file:///C:/Users/Acer/Downloads/k-voprosu-o-

pravovyh-osnovah-uchastiya-grazhdan-v-ohrane-obshchestvennogo-poryadka.pdf (дата обращения: 28.08.2020).

16. Лахтиков Д. Н. Анонимное содействие граждан в оперативно-розыскной деятельности. Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2016. № 2 (40). С. 75-79. URL: [http://www.sudexpertiza.by/assets/files/2\(40\)/75-79.pdf](http://www.sudexpertiza.by/assets/files/2(40)/75-79.pdf) (дата обращения: 20.06.2020).

17. Басецкий, И. И. Сысология в Республике Беларусь: нужно творчески осмыслить и обсудить. Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2013. № 25. С. 183–187.

18. Нагиленко Б. Я., Кузьмин А. В., Косарева Т. В. О кризисном состоянии правового регулирования оперативно-розыскной деятельности полиции и мерах по его совершенствованию. Научный портал МВД России. 2013. № 1. С. 40–46.

19. Баровська А.В. Оптимізація структури керівних документів державної політики (на прикладі інформаційної сфери): аналіт. доп. К., 2011.

20. Ситник Г.П. Державне управління у сфері забезпечення національної безпеки України: теорія і практика: автореф. дис. ... д-ра наук з держ. упр.: 25.00.01. Київ, 2004.

21. Кузьменко А. Проблеми відповідності стратегії та системи забезпечення безпеки України національним потребам. Юридичний журнал. 2006. № 10. URL: <http://www.justinian.com.ua/article=2432> (дата звернення: 14.01.2021).

22. Титаренко О. О. Державне програмування протидії злочинності в Україні: монографія. Харків: Ghjvfh, 2019. 698 с.

PHILOLOGICAL SCIENCES

УДК 80

*Назметдинова Ирина Сайрановна,
к.п.н., доцент, ФГБОУИ ВО «МГГУ»,
г. Москва,*

*Куприянова Алина Дмитриевна
студентка 1 курса, ФГБОУИ ВО «МГГУ»,
г. Москва*

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ПЕРЕВОДНЫХ ТЕКСТОВ

*Nazmetdinova Irina Sayranovna,
Moscow state University of Humanities and Economics,
Moscow*

*Kupriyanova Alina Dmitrievna
Moscow state University of Humanities and Economics,
Moscow*

LINGUISTIC PARAMETERS OF TRANSLATED TEXTS

Аннотация.

Мнение читателя о переводном произведении напрямую зависит от того, насколько полно, ярко и приближенно к оригиналу переводчик сможет передать текст. А ведь переводчик – это тот, кто сам воспринимает исходный текст, то есть пытается понять речевую интенцию автора, являясь в этот момент читателем. Нам было интересно выяснить, все ли переводчики четко придерживаются оригинального текста.

Abstract.

The reader's opinion about the translated work directly depends on how fully, vividly and closely the translator can convey the text to the original. But the translator is the one who himself perceives the source text, that is, tries to understand the author's speech intention, being at this moment the reader. We were interested to find out if all the translators clearly adhere to the original text.

Ключевые слова: *переводное произведение, приближено к оригиналу, понять речевую интенцию автора, сравнительный анализ двух переводов*

Keywords: *translated work, close to the original, understand the author's speech intention, comparative analysis of two translations*

Переводные тексты на протяжении многих столетий изучаются и исследуются по разным параметрам. Сложно предположить, что движет переводчиком при передаче-воссоздании им картин исходного художественного текста, почему иногда искажается оригинальный текст.

А ведь переводчик – это тот, кто сам воспринимает исходный текст, то есть пытается понять речевую интенцию автора, являясь в этот момент читателем. С психолингвистической точки зрения, читатель наиболее четко представляет описанные события, героев их взаимоотношения, если автор исходного текста использует различные художественные средства: приемы инверсии и парцелляции, обогащает описания сравнениями и метафорами, устойчивыми выражениями – «расширяет» систему образов в сознании читателя. Цель переводчика полно, ярко и приближенно к оригиналу передать текстовую информацию. Нам было интересно выяснить, все ли переводчики четко придерживаются оригинального текста.

Мы решили провести сравнительный анализ двух переводов с исходным текстом, обозначить их

особенности и предположить некоторые психолингвистические аспекты их восприятия.

Объектом исследования стал роман Джека Лондона «Мартин Иден», переведенный на русский язык следующими переводчиками: Заяицкий С.С., Облонская Р.Е. Известное произведение Дж. Лондона насыщено всеми, перечисленными выше, художественными приемами. Поэтому, для понимания того, насколько переводчикам удалось отразить то, что написано американским писателем, было решено рассмотреть три варианта: исходный вариант на английском языке, перевод С.С. Заяицкого и перевод Р.Е. Облонской. В данной статье мы представим исследование текстового материала первой главы.

На первом этапе исследования мы обозначили основные параметры-критерии исследования, разделив их на 2 блока.

1 блок. Общее представление о персонажах:

1. описание внешности;
2. характерное поведение, эмоционально значимые действия.

2 блок. Художественное своеобразие текстовой информации:

3. устойчивые выражения;
4. метафоры и сравнения;
5. имена.

На втором этапе работы в соответствии с параметрами первого блока был проведён последовательный сравнительный анализ текста: предложений и словосочетаний, которые на эмоциональном уровне важны для создания стимула-видения читателями персонажей и полноценного восприятия-

воспроизведения. В данной статье мы остановимся на параметрах 1 блока. Проанализировано около 30 фрагментов по каждому пункту, в таблицах представлены наиболее яркие.

Приведём в сравнении вариации буквального перевода и художественные обработки текста переводчиков в таблице 1 и в таблице 2.

Таблица 1

Описание внешности персонажей

Оригинал*[1]	Перевод Р. Облонской[2]	Перевод С. Заяицкого [3]
...bronzed face – <i>бронзовое лицо</i>	загорелое лицо	бронзовое лицо
...the weak and sickly faces of the girls of the factories – <i>вялые и болезненные лица девушек с фабрики</i>	вялые нездоровые лица фабричных работниц	худые, болезненные лица фабричных работниц
Japanese women, doll-like – <i>похожие на кукол японки</i>	японки с кукольными личиками	похожие на кукол японки
Full-bodied South-Sea-Island women, flower-crowned and brown-skinned – <i>крепкие островные женщины Южного моря, увенчанные цветами и темнокожие</i>	пышнотелые, темнокожие, увенчанные цветами женщины Южных морей	пышнотелые женщины островов Великого океана, темнокожие и украшенные цветами.
...(glanced about him) with a controlled face, though in the eyes there was an expression such as wild animals betray when they fear the trap – <i>(взглянул вокруг) с контролируемым лицом, хотя в глазах было такое выражение, какое дикие животные передают, когда боятся ловушки</i>	лицо уже было спокойное, только взгляд настороженный, словно у дикого зверя, когда он чует ловушку	посмотрел кругом более спокойно, хотя в глазах еще оставалась тревога, как у дикого животного, опасющегося западни.

Источник: Куприянова А.Д., Назметдинова И.С.

*указана вариация буквального перевода

Сравнивая отдельные фразы и предложения по первому параметру, можно отметить, что в данных примерах для переводчиков в большей степени важна субъективная точка зрения и собственное видение образов. Иногда переводчики, подбирая определенное русское слово, придавали окрашивающий выражение оттенок, искажающий исходное значение или усиливающий его. Так, например, словосочетание «*South-Sea-Island women*», которое буквально переводится как женщины Южных морей, Я.С. Заяицкий интерпретировал как «женщины островов Великого океана». Великий океан (как и Южное море) – устаревшее, но не менее эффективное название Тихого океана, которое придает этой местности некую историческую значимость.

Что касается непосредственно восприятия внешности героев, больше импонирует перевод С. Заяицкого, т.к. его слова-переводы более точны, приближены к оригиналу. Например: словосочетание «бронзовое лицо» ярче передает не только оттенок характеристики, но и может мотивировать читателя на размышления о причинах столь сильного загара главного героя (от тяжелой работы под солнцем), заставляет задуматься и внимательно перечитать текст.

Слова «худые, болезненные лица», перевод С. Заяицкого, создают более полное впечатление об образе фабричной работницы, хотя первое опреде-

ление и не совпадает с вариацией буквального перевода, но в плане авторского определения более точно передает суть персонажа, чем сочетание «вялые, нездоровые», перевода Р. Облонской, где слово «вялые» может обозначать в русском языке «лишенный бодрости, энергии» или «незаинтересованные».

Говоря о примере «*Japanese women, doll-like*», отметим неточность перевода Р. Облонской «японки с кукольными личиками», которая искажает восприятие текста, не совсем понятен образ: маленькое, отстранённое лицо или безупречное, идеальное, без изъянов, нет общего видение персонажа. С. Заяицкий ближе к источнику: «похожие на кукол японки» - цельный образ, полное представление о персонажах.

Далее, описание состояния Мартина Идена, его взгляда в момент напряжения, С. Заяицкий перевел как: «в глазах еще оставалась тревога, как у дикого животного, опасющегося западни». Словосочетание «тревога в глазах» здесь эмоционально точнее, чем сочетание «настороженный взгляд» в переводе Р. Облонской, т.к. оно напрямую указывает на ту самую эмоцию, душевное состояние Идена, которое присутствует в исходном тексте.

Как мы видим, выбор слова при переводе очень важен, небольшие искажения приводят к нарушению в понимании персонажей или снимают эмоциональную «насыщенность» образа.

Характерное поведение, эмоционально значимые действия

Оригинал*[1]	Перевод Р. Облонской[2]	Перевод С. Заяицкого [3]
...recoiled from side to side <i>ша-тался из стороны в сторону</i>	шарахался то вправо, то влево	лавировал
...essayed it with trepidation <i>он по-пытался с беспокойством</i>	пробирался с опаской	Он отважился на это с замира-нием сердца
He broke off lamely. <i>Он пре-рвался, запнувшись.</i>	Он запнулся, неловко замолчал.	Он вдруг умолк, мучительно со-знавая свою косноязычность
She beamed encouragement upon his desire for knowledge <i>-Она из-лучала одобрение его тяги к зна-ниям.</i>	Она улыбнулась, одобряя такую тягу к знаниям.	Она решила ободрить его в этом стремлении к знанию.

Источник: Куприянова А.Д., Назметдинова И.С.

*указана вариация буквального перевода

Итак, перевод эмоционально наполненных описаний действий/глагольных словосочетаний Р. Облонской, с нашей точки зрения, более точно передает намерение и состояние героев. Например, главное слово в словосочетании *recoiled from side to side* ей было переведено как «шарахался», что является более резким и точным по характеру действия героя, чем глагол «лавировать». В одном из последних примеров слово *buttin'* Р.Облонская перевела как «встрял» (что близко к его смыслу в оригинале и отражает внезапность действия), в то время как С. Заяицкий интерпретировал это как «полез с разговорами» (другое значение намерения и несколько размытый образ).

Также, например, в предложении «*She beamed encouragement upon his desire for knowledge*» глагол был переведен как «улыбнулась» и «решила ободрить». Однако, его прямое значение – излучать/лучезарно улыбаться – отражает на более высоком уровне эмоции (чем глагол *smile* – улыбаться), которые испытывает героиня и, соответственно, вли-

яет на понимание читателем того, как она относится к мистеру Идену и насколько в данном контексте положительно.

Таким образом, в ходе исследования по параметрам 1 блока мы выяснили, Р. Облонская перевела произведение более точно в плане передачи эмоций и преподнесения эмоционального фона произведения. Однако, утверждать однозначно о том, что её перевод качественнее – нельзя, так как исследование ещё продолжается. Подробно сравнительный анализ по параметрам второго блока будет предложен в следующей нашей статье.

Список литературы

- 1) Дж. Лондон. Мартин Иден: книга для чтения на английском языке. - СПб.: КАРО, 2009. - 512 с.
- 2) Мартин Иден, Дж. Лондон. Пер. Р.Е. Облонской
https://www.100bestbooks.ru/read_book.php?item_id=63
- 3) Мартин Иден, Дж. Лондон. Пер. С. Заяицкого
<http://poesias.ru/in-proza/jack-london/london-jack10033.shtml>

УДК 811.351.4

Толдиева А.З.,
магистрант 2 курса
Аушева Э.А.
канд. филол. наук, доцент
Ингушский государственный университет
г. Магас

ТИПОЛОГИЯ ПРИЗНАКОВ В НАИМЕНОВАНИЯХ МОРАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ ЧЕЛОВЕКА В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ

Toldieva A.Z.,
2nd year master's student
Ausheva E.A.
Cand. philol. Sciences, Associate Professor
Ingush State University
Magas

TYPOLOGY OF CHARACTERISTICS IN THE NAMES OF MORAL QUALITIES OF A MAN IN THE INGUSH LANGUAGE

Аннотация

В данной статье рассматриваются основные критерии формирования оценочности имен прилагательных, выражающих моральные качества человека в ингушском языке. Актуальность темы обусловлена тем, что впервые осуществляется целостное описание структуры лексико-семантического поля «моральные качества человека» в ингушском языке. В результате проведенного исследования делается вывод, что основными критериями формирования оценочности исследуемых лексем являются компонентный состав и экстралингвистические явления.

Abstract.

This article examines the main criteria for the formation of evaluativeness of adjectives expressing the moral qualities of a person in the Ingush language. The relevance of the topic is due to the fact that for the first time a holistic description of the structure of the lexical-semantic field "moral qualities of a person" in the Ingush language is carried out. As a result of the study, it is concluded that the main criteria for the formation of the evaluativeness of the studied lexemes are the component composition and extralinguistic phenomena.

Ключевые слова: имена прилагательные, ингушский язык, типология признаков, моральные качества, критерии оценочности.

Keywords: adjectives, Ingush language, typology of signs, moral qualities, criteria of evaluativeness.

Лексика, выражающая моральные качества человека отражает особенности духовной культуры народа, его этику и эстетику. Данная тема считается одной из важных и актуальных в современном ингушском языкознании.

Объектом исследования данной статьи являются имена прилагательные ингушского языка, обозначающие моральные качества личности. К моральным качествам в нашей статье относятся качества, отвечающие общепринятым нормам.

Материалом исследования статьи явились русско-ингушские словари (в примерах с указанием авторства) и данные картотеки из личного архива автора статьи (в примерах без указания авторства). Методом сплошной выборки были отобраны прилагательные, обозначающие положительные и отрицательные моральные качества человека, которые образуют ЛСП (лексико-семантическое поле) «моральная оценка человека».

Основная задача исследования – изучить структурно-семантические особенности прилагательных, обозначающих моральные качества человека в ингушском языке.

Исследованный материал показывает, что основными критериями формирования оценочности исследуемых лексем являются:

а) компонентный состав – наличие положительного, отрицательного или нейтрального значения всего исследуемого слова. Например: *кеп йолаш* – «красивый, статный», где *кеп* – «красивый облик» + *йолаш* – «имеющий». Оба компонента данного сложного прилагательного имеют положительную семантику, вследствие чего, слово, образованное при помощи этих двух компонентов тоже имеет положительную характеристику; *блеха дог долаш* – «злой, вредный». В данном прилагательном первый компонент состоит из прилагательного *блеха* – «грязный», соответственно, слово, включающее в свой состав этот компонент также имеет отрицательную семантику. По данной схеме образуются и носят в себе семантику все следующие имена прилагательные: *сийдола* – «уважаемый», *эздий* – «благородный», *злулакхаца* – «услужливый»;

б) экстралингвистический критерий – положительные, отрицательные или нейтральные характеристики лексемой приобретаются за счет экстра-

лингвистических явлений, таких как обычаи, суеверия, легенды, сказки. Например: *вира оамал йола* – «ослиный характер», *малейк мо хоза* – «красивая как ангел», *малх мо хоза* – «красивая как солнце». Таких примеров в ингушском языке очень много (об этом более подробно см. работу Патиева С. У: [1]).

Рассмотрим типологию признаков, положенных в основу наименования моральных качеств:

1) прилагательные, обозначающие состояния и свойства, которые относятся к этике: принцип – *яхь йоацаиш*; корысть – *камаьриша*; добро – *къахетаме*, *догцлена*; зло – *хьаг1 йолаиш*, *во дог долаиш*. В количественном отношении эти прилагательные преобладают;

2) признаки, называющие качества неодушевленных предметов: *шийла дог* – «холодное сердце // черствый», *члоаг1а дог* – «твердое сердце», *кляьда къамаьл долаиш* – «мягкий разговор», *блаьха мотт болаиш* – «длинный язык», *метта шаьра* – «ровный на язык // разговорчивый», *метта ира* – «острый на язык», *члоарга хьаькъал* – «глубокий ум», *кляьда дог* – «мягкое сердце»;

3) признаки, называющие качества одушевленных предметов:

а) имена лиц по их отношению к другим людям: *цлаьрматилг* – *цлаьрмата* – «жадина - жадный»;

б) названия животных: *борз* – *борз мо денале* – «волк – выносливый как волк», *ча* – *ча мо майра* – «медведь – смелый как медведь», *пхьагал* – *пхьагал мо воза* – «заяц – трусливый как заяц», *ж1али* – *ж1али мо меца* – «собака – голодный как собака» и др. Данными прилагательными передаются некоторые черты, свойственные человеку: *газа модж* – «козлиная борода», *вира лергаиш* – «ослиные уши», *котама хьаькъал* – «куриный ум». Для сравнения с животными в данных прилагательных используются сравнительные частицы и союзы, а иногда и форма родительного падежа. Встречаются случаи, когда название животного используется в чистом виде. Последние иногда имеют как общие, так и гендерные признаки. Например: *кхокха* – «голубка» (только к женскому полу), *говр* – «лошадь» (и к мужчине, и к женщине);

в) имена фантастических, сказочных существ: *ешап мо* – «как ведьма», *г1ам мо* – «как ведьма», *Села-Сата мо* – «как богиня», *Сеска-Солса мо* – «как нарт Сеска Солса», *Коло-Клант мо* – «как молодец-Калой»;

г) имена существ, связанных с религией: *шайт1а мо* – «как черт», *малейк мо* – «как ангел», *йилбаз мо* – «как сатана», *Даьла т1аваоца* – «безбожный»;

4) Признаки, представляющие имена неодушевленных предметов:

а) названия материальных предметов: *хачех лата бал мо* – «как репей», *шак1а мо цлена* – «как алебастр чистый», *ц1аста мо ц1е* – «как медь красный»; *даьри мо шаьра* – «шелковый», *топ мо масса* – «быстрый как ружье», *мух мо масса* – «быстрый как ветер»;

б) названия веществ: *ша мо шийла* – «холодный как лед», *дошо* – «золотой», *дото* – «серебряный», *сим мо къахъа* – «горький как желчь»; *юв мо ира* – «острый как шило»;

в) соматизмы: *ийс са долаиш* – «имеющий девять душ», *ши дог дола* – «имеющий два сердца // бессмертный», *во мотт бола* – «плохой на язык», *б1еха дог дола* – «с грязным сердцем», *дог-к1аьда* – «с мягким сердцем», *блаьха мотт бола* – «с грязным языком», *кулга ц1ена воаца* – «нечистый на руку», *во б1арг бола* – «с плохим глазом».

5) Признаки, показывающие всевозможные качества человека:

а) физическая характеристика: *денал дола* – «выносливый», *эсала* – «ничтожный», *г1ожа* – «грубый», *писса* – «жадный», *сутара* – «скупой», *яхьха* – «ненасытный», *шииш бола* – «грубый», *аьсала* – «спокойный»;

б) состояние здоровья: *уне* – «болезненный», *айне* – «увеченный», *унахцлена* – «здоровый», набаре – «сонный»;

в) умственные способности: *ловдала* – «глупый», *хьаькъале* – «умный», *маькара* – «хитрый»;

г) нрав: *сатийна* – «спокойный», *сиха* – «быстрый», *кадай* – «шустрый», *мекъа* – «ленивый», *эхь доаца* – «бессовестный», *эхь хетта* – «стеснительный», *г1аре* – «говорливый», *кура* – «гордый», *сонта* – «самовлюбленный», *г1улакхаца* – «учтивый»;

д) эмоциональное состояние: *эглазне* – «озлобившийся», *безаме* – «вежливый», *велаьгежа* – «улыбающийся», *сатохаиш* – «терпеливый», *са ца тохаиш* – «нетерпеливый», *эглаваь* – «сумашедший», *чураваьнна* – «вышедший из себя», *чоап ена* – «взбесившийся», *т1ауха* – «с приходами», *бурилг к1алт1аьнна* – «с поехавшей крышей»;

е) внешние качества: *ц1ена* – «чистый», *б1еха* – «неопрятный», *м1аде* – «грязный», *къаьга* – «опрятный»;

ж) происхождение, воспитание: *дикача коа т1ара* – «из хорошей семьи», *воца коа т1ара* – «из плохой семьи», *дикача наьха саг* – «сын хороших людей», *воца наьха саг* – «сын плохих людей», *дикача тайпан* – «из хорошей фамилии», *эздийча даьт* – «сын благородных отцов»;

з) материальное благополучие: *миска* – «бедняга», *къе* – «скудный», *миска* – «нищий» [2, с. 125], *хьал дола* – «богатый», *хьал доаца* – «малоимущий», *в1аьхий* – «богатый» [3, с. 34], *боахамаш дола* – «богатый», *ахча дола* – «с деньгами», *х1ама йоаккха* – «зарабатывающий».

Анализ выявленных и исследованных признаков показывает, что преобладают характеристики, показывающие положительную оценку человека.

Итак, моральная оценка в ингушском языке занимает важное место. Данные лексемы богаты синонимическими и антонимическими отношениями. Семантика исследованных прилагательных разнообразна и содержит в себе положительную, нейтральную и отрицательную оценку.

Список литературы

1. Патиев С. У. Структурно-семантическая характеристика устойчивых сочетаний ингушского языка. Магас, 2007. 134 с.
2. Тариева Л. У. Г1алг1ай-эрсий синонимай дошлорг. Назрань: ООО «Кеп», 2013, 266 с.
3. Тариева Л. У. Русско-ингушский словарь антонимов. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2017. 224 с.

Мамедова Ульвия Юсиф кызы.

Кандидат филологических наук

Гянджинский Государственный Университет

[DOI: 10.24412/2520-6990-2021-794-75-78](https://doi.org/10.24412/2520-6990-2021-794-75-78)

НЕКОТОРЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ ТВОРЧЕСТВА НИЗАМИ С ЭПОСОМ «ШУ»

Mammadova Ulviyya Yusif kizi

Candidate of philological sciences

Ganja State University

SOME PARALLELS IN NIZAMI'S ACTIVITY WITH THE EPIC "SHU"

Аннотация.

В Азербайджане 2021 год был объявлен «Годом Низами Гянджеви». Как отмечается в Распоряжении Президента Азербайджана Ильхама Алиева, Низами Гянджеви - одна из редких личностей, открывших новую страницу в анналах художественной мысли человечества. Несомненно, это распоряжение послужило новым импульсом для более глубокого изучения творчества поэта. Среди образов фольклора, использованных Низами, есть несколько сюжетов древнетюркского эпоса, один из которых – эпос «Шу». Некоторые эпизоды этого эпоса позволяют проводить параллели между китайским хаганом в «Искандарнаме» и тюркским хаганом в эпосе «Шу батыр». Этот образ, описанный в поэме как могущественный и справедливый правитель, представлен как мудрый, способный, расчетливый, опытный и патриотичный хаган. Этот эпос начинается словами «Это огузы», а затем объясняется происхождение названия «туркмены». Становится очевидным, что эпос зародился в огузско-туркменской среде, а Шу был хаганом огузов-туркмен. События в «Искендернаме» также происходят в Туркестане.

Abstract.

As noted in the Order by President Ilham Aliyev on the proclamation of 2021 as the "Year of Nizami Ganjavi" in our country Nizami Ganjavi is one of the unique personalities that opened a new page in the chronicle of artistic ideas of mankind. It is no doubt that this order has acted as a new impulse for the deeper study of the poet's activity. Among the folklore samples used by Nizami there are some epic plots and one of them is the epic "Shu Batyr". Some points give basis to establish parallels between the Chinese Khakan in the epic "Iskandarnama" and the Turkish Khakan in the epos "Shu Batyr". This image described in the poem as a powerful and positive ruler is presented as a wise, resourceful, prudent, experienced and patriotic judge. The epic "Shu Batyr" begins with the word "Bunlar Oghuzlardir" ("These are Oghuzes") and then the statement of the name "Turkmen" is explained. It becomes clear that the epic was formed in Oghuz-Turkmen environment and Shu was Khakan of Oghuz-Turkmens.

The events in the epic "Iskander-name" take place in Turkustan.

Ключевые слова: Низами, Искендернаме, Шу, Туркестан, Огуз-Туркмен, Туран, Хаган, Сакар.

Key words: Nizami, "Iskander-name", the epic "Shu Batyr", Turkustan, Oghuz-Turkman, Khakan, sakar

Вступление. Как известно, в 2021 году исполняется 880 лет со дня рождения великого поэта и мыслителя Низами Гянджеви, Президент Азербайджана Ильхам Алиев учитывая исключительную значимость богатого творчества великого мастера слова в культуре всего человечества, которое всегда призывает людей к нравственному совершенствованию и прививает высокие духовные качества, подписал распоряжение об объявлении 2021 года в Азербайджане «Годом Низами Гянджеви» и поручил Кабинету Министров разработать и реализовать план мероприятий в этой связи.

Гений Низами всегда был в центре внимания мировых и азербайджанских исследователей, в том числе фольклористов. Следует отметить, что указ президента дал новый импульс новым исследованиям. Как известно, Азербайджанский фольклор является неиссякаемой кладью духовных ценностей. Низами также является одним из наших мастеров слова, который временами обращался к этим сокровищам.

Не секрет, что Низами Гянджеви использовал многие жанры фольклора, особенно древнетюркские эпосы и фольклор Востока. Неслучайно в его поэмах можно повстречать множество сюжетов легенд, мифов и преданий. Считается, что некоторые из этих сюжетов он создал сам, некоторые из них обогатил и усовершенствовал, используя письменные источники или устную народную литературу.

Поэтому для изучения некоторых легенд, мифов и преданий исследователи очень часто обращаются к творчеству Низами. Чтобы правильно понять многие исторические факты, которые проявляются в его произведениях, помимо письменных источников, также изучаются и устные источники. В этом аспекте фольклорные отношения Низами изучаются в основном разделенными на 3 группы:

1. образцы фольклора, использованные Низами.
2. образцы фольклора, созданные самим поэтом.

3. новые образцы фольклора, созданные в связи с жизнью Низами Гянджеви [1, с.2].

Среди образцов фольклора, использованных Низами, есть несколько сюжетов эпосов, и мы наблюдаем, что эти сюжеты пережили новую жизнь в «Хамсе» и благодаря этому дошли до наших дней. В этом случае произведения Низами выступают одним из средств сбора, аккумуляции и генерации ряда элементов древних фольклорных текстов. С этой точки зрения древнетюркский эпос «Шу батыр» [2, с. 43], о котором мы получили информацию благодаря «Диван уль-Лугат-ит-Тюрк» Махмуда Кашгари, не является исключением.

Ученые уже давно обращают внимание на то, что в творчестве Низами есть некоторые эпизоды, которые перекликаются с эпосом «Шу батыр». По общему мнению, китайский хаган, упомянутый в «Искендернаме», - это то же лицо, что и турецкий хаган в эпосе «Шу батыр», и этот персонаж описан и представлен в поэме как могущественный и справедливый правитель.

Этот персонаж является третьим положительным образом в вышеуказанной поэме после образов Искандера (Александра) и Нушабы. Он предстает перед нами как мудрый, способный, расчетливый, опытный и патриотичный правитель, мобилизовавший большую армию против Искандера и организующий защиту тюркской страны (но в этом нет необходимости, так как, в письме Александр пишет, что приехал в Китай не для войны, а как «гость» и целью его является «посадка белого жасмина» - [3, с.89].

Эпос «Шу» упоминается в «Диван уль-Лугат-ит-Тюрк» в трех разных очерках. Это разделы «Туркмен»//«Türkmən», «Оге»//«Ögə» и «Уйгур»//«Uyğur». В этом эпосе рассказывается, как появились названия туркменских и халачских племен, что совпадает с названиями племен в эпосе «Огуз каган». Сюжет этого эпоса во всех тонкостях раскрыт в очерке «Туркмен». Эпос начинается словами «Это огузы»//«Bunlar oğuzlardır», а затем объясняется происхождение названия «туркмены» [2, с. 43]. Понятно, что эпос зародился в огузско-туркменской среде, а Шу был хаганом огузов-туркмен.

События в «Искендернаме» происходят в Туркестане, то есть в Туране. Это также видно по географическим названиям, упоминаемым в поэме: Халлух (Карлуг), Хата (Хатай), Хутан (Хотан), Хархаз (Кыргыз), Фергана, Санджаб, Чач (Шаш // Ташкент), Кашгар и др.:

Bir məclis bəzədi, gəldi qasidlər,
Göndərdi Xətadan Xütənə qədər
Fərganə, Rəncabı qoruyan, güdən
Hüdudun sınınmış igidlərindən.
Xərxiz ilə Çaçdan, böyük Kaşğardan
Çağırđı hesabsız igid pəhləvan [4, с. 272].

//*Все от хана Хатана до хана Хатая,
Написал он кровью, стеной
Исфинджаба войска и Ферганской долины
Пограничные слали ему властелины
И хырхызы к хагану и Чан и Кашгар*

Направляли вождей, чтоб сильней был удар [5, с. 300]

В поэме Низами называет кагана «китайским тюрком» и «наследником трона Афрасиаба» и с уважением вспоминает Афрасиаба (Алп Эр Тонгу).

В произведении Хаган призадумывается, о том, что стоит ли бороться с Искендером (Александром), и, наконец, выбирает способ влияния на Искандера политическим путем. Он пишет Искендеру письмо, указывая на его недостатки. Он утверждает, что, хотя Искендер путешествовал по миру, он все еще не насытился войнами [3, с. 89].

В поэме Хаган приглашает Искандера к миру, но опасается, что его предложение не будет принято. Низами представляет его как очень храброго правителя. Он идет к нему как посол, чтобы лично познакомиться с Искендером и поговорить с ним лицом к лицу, и настаивает на разговоре с ним. Эти настаивания и оскорбления пугают Искандера. Поэтому, только надев на руки Хагану золотую цепочку, он садится с ним за стол переговоров:

Əgər cavan maral cəsur da olsa,
Aslanın yolunda üyün çevirməlidir// [4, с. 366].

*Наши львы разглядели желанную цель,
Они видят: Китай – неплохая газель* [5, с.306]

Сказав, что он пришел к Искендеру с добрыми намерениями, Хаган просит его не причинять вред своей стране. В ответ Искандер говорит, что, захватив земли Туран, он хочет убить злых людей, очистить мир от нечисти и назначить отдельного правителя для каждой страны. В результате переговоров Хаган соглашается представить Искендеру семилетний доход страны, но Искандер остается получением годичной дани, а остальное возвращает ему за его ум и манеры. После этого Хаган демонстрирует ему свою армию, чтобы показать, что он не побаивается Искандера и что он не беспомощен, но что он согласился на мир, чтобы не было резни или кровопролития. В этом случае Искандер также отказывается и от годичной дани [3, с. 91].

Согласно эпосу «Шу», у Хагана был бассейн из серебра. Когда они отправлялись в путь, бассейн также переносили и наполняли водой, и выпускали туда гусей и уток» [6, с. 412].

В этом эпосе также содержатся сведения об огузских племенах. Хотя Шу-хаган был вынужден отступить на восток перед Искендером, 22 человека из племен, подчиненных ему, оставались там. Затем эти 22 человека знакомятся с двумя другими людьми: «"Эти двадцать два человека встречаются и разговаривают с двумя новичками. Эти двое говорят, что человек по имени Зуль-Карнайн - путешественник. Он не стоит на месте, и пройдет отсюда тоже. Но мы остаемся на своем месте. Двадцать два из них называют их «Qal as»//«оставайся голодным» по-тюркски. Позже их назвали Халач, отсюда и их происхождение. Это два племени. Когда Зуль-Карнайн пришел и увидел, что у них длинные волосы и тюркская символика на одеянии, он, не спрашивая, называет их Туркменанд, что означает, что они похожи на тюрк» [6, с. 414].

Как видно, Махмуд Кашгари так объясняет происхождение имен «Халач» и «Туркмен».

В очерке «Оге» «Диван уль-Лугат-ит-Тюрк» говорится: «Однажды ночью армия Искандера Зу'л-Карнайна совершила набег на линию фронта и разгромила врага. Один из тюрков ударил мечом одного из солдат Зу'л-Карнайна и разорвал его противника до пупка. У жертвы был пояс с золотом, пояс был разрезан, а золото было залито кровью. На следующее утро тюркские солдаты увидели окрашенное кровью золото и сказали друг другу: «Что это? Ответ - altun qan/золотая кровь». Так назвали большую гору в этой местности».

Что касается тюркского правителя Шу, по словам Махмуда Кашгари, он переходит в Китай. Искандер его преследует.

В Уйгуре Шу послал армию молодых людей против Искандера. Они ночью нападают на солдат Искандера и побеждают их. Далее Аскандер строит города в Уйгуре. Пробыв там некоторое время, он возвращается назад.

После этого Шу возвращается, приходит в Баласагун и строит город Шу, где оставляет закласть: «До сих пор аисты подходят к передней части этого города, но не могут пересечь это место. Заклятье по-прежнему сохраняет свою силу» [6, с. 91].

Существуют интересные мнения по этому эпосу. Например, турецкий ученый З.В.Тоган предполагает, что события в эпосе могут относиться к XI-XII вв. до н.э., то есть до прихода династии Чу в Китай [7, с. 18].

Есть также мнения, что государство, которое З.В.Тоган называл «Чу», было государством Саков. Так, А. Озтюрк выдвигает идею о принадлежности этого эпоса Сакским тюркам. Он основывает свои предположения ссылаясь на названия мест и племен в армянских и китайских источниках. По его словам, «Шу» - это род саков, которые в китайских источниках называли такие регионы, как «Со» и «Чу» [8, с. 126-127]. С.Гёмеч писал, что этот эпос является эпосом «Туркеш», а Шу-хаган это и есть Чор Ябгу – хаган Туркеша. [9, с. 247-248].

На наш взгляд, ни одно из приведенных выше предположений не отражает истину, и ответ на вопрос о том, кто является прототипом тюркского хагана, встречавшегося с Искандером, упомянутого в разделе «Шарафнаме» (Книга о славе) «Искендернаме», а также в эпосе «Шу» - хранится в грузинской летописи XI века «Картлис Цховреба». Ссылаясь на это произведение, И.Джафарсой рассказывает о династии, правившей на Южном Кавказе, и правителе, принадлежащем к этой династии, и пишет, что «Аран - это название как страны (Кавказская Албания), так и правящей династии страны. Большие притоки того поколения правили Албанией, а маленькие правили Иберией. Первым царем Иберии был Азон, потомок Арана. Он правил Иберией как вассал Македонии в конце четвертого века до нашей эры. Во времена Сасанидов Иберией правил правитель Арана. Иберийский царь Вахтанг Горг Аслан (446-499) был племянником аранского правителя. Это тот самый Горг

Аслан, которого Мари Бросс и И.О.Сенковский называют главой какого-то тюркского племени».

В другом месте книги И.Джафарсой пишет: В «Картлис Цховреба» говорится о том, что Аран был царем Картвелов. Азон, сын Арана, стал царем Метекса как вассал Александра Великого и правил Иберией в течение 24 лет. Парнауз (Фарнаваз), пришедший к власти после смерти Азона, не разбил идолов династии Аран в Метексе. Он держал идолов династии Аран рядом со своими идолами» [10, с.15].

Таким образом, в летописи упоминается местный албанский (аранский) правитель, который правил Иберией как вассал македонцев, а следовательно, и Александра Македонского, и которого звали Азон. Интересно, что большое количество серебряных монет, принадлежащих этому правителю, некоторые из которых были найдены в Азербайджане, в том числе в Западном Азербайджане (современная Армения) и Грузии, были отчеканены, и его имя написано как «Азо» вместо «Азон». Это имя встречается у других тюркских народов с другими фонетическими различиями. Так, Г.Гейбуллаев, считавший это имя чисто тюркским, сравнил его с именами Ажо, хакасского хагана раннего средневековья, и Аджо, одного из уйгурских каганов [11, с. 3] Очевидно, что варианты этого имени звучат как Шу//Чу.

Безусловно, сходства имен и того факта, что оба правителя согласились подчиниться Александру, недостаточно, чтобы делать далеко идущие выводы. Однако есть еще один важный факт, усиливающий выдвинутую нами гипотезу, который необходимо принять во внимание.

Прежде чем говорить об этом факте, следует отметить, на аверсе всех монет, найденных в Азербайджане, Западном Азербайджане (современная Армения) и Грузии, на некоторых из которых есть древнетюркские руны, и другие с греческими буквами «Азо», изображен мужчина, сидящий на троне и обнаженный выше пояса, перед которым изображение царской птицы, колоса и грозди винограда, и все они имеют одну и ту же надпись, состоящую из одних и тех же знаков. Хотя аверс некоторых из этих монет немного идентичен другим, можно также повстречать монеты с надписями древнегреческими буквами на реверсе.

Ранее считалось, что эти монеты принадлежали Ахеменидам, по одним данным - Киликии, а по другим источникам - сатрапу Вавилона, то есть его преемнику Мазею (385 г. до н.э. - 328 г. до н.э.). Надписи на арамейском языке. Позже было доказано, что надписи были на тюркском и греческом языках, и оказалось, что монеты принадлежали Азо.

Самое интересное, что в тюркских писаниях Азо представляет себя «царем Сакара» [11, с.3]. Этот факт дает нам дополнительные основания полагать, что этим правителем был Шу Хаган. Дело в том, что «сакар» - это имя одного из огузско-туркменских племен, проживающих сегодня в Туркменистане. Из информации, предоставленной Махмудом Кашгари, как уже упоминалось выше,

ясно, что эпос был создан в огузско-туркменской среде, а Шу был хаганом огузов-туркмен.

Заключение. Ко всему этому необходимо добавить еще одну важную информацию, содержащуюся в «Картлис Цховреба». Речь идет о тюркском племени и гуннах, которых в этом источнике называют «бунтурками». Из источника ясно, что, когда Александр Македонский вынудил сыновей Лота бежать и ночью загнал их в свою страну, он впервые столкнулся с жестокими, разъяренными бунтурками: «Они жили на берегу Куры; были расположены в четырех городах. Их король не в силах был противостоять и отступил. В это время прибыли гунны, вытесненные халдеями; Они попросили у правителя бунтурков место с условием уплаты дани и поселились в Занаване, через некоторое время прибыл Александр. Он разрушил три города и крепости. Бунтурки отошли отсюда» [12, с. 28].

Таким образом, можно сказать, что сюжет, который мы наблюдаем и в «Искандарнаме», и в эпосе «Шу», основан на реальных исторических фактах, а прототип образа Хагана, искусно созданный Низами, является реальной исторической фигурой.

Список литературы

1. Низами и фольклор // газета «Адалет». – 19 января 2018 (на азерб. языке).
2. Фидан А. Доисламские тюркские дастаны и элементы поклонения. – Денизли: Институт

Социальных наук Университета Памуккале. – 2012. – 112 с. (на турецком языке)

3. Аббасов А. Поэма «Искандарнаме» Низами Гянджеви. – Баку: Издательство АН Аз.ССР, 1966. (на азерб. языке)
4. Гянджеви Н. Искандарнаме, Шарафнаме. – Баку: Лидер, – 2004. – 432 с. (на азерб. языке)
5. Гянджеви Н. Собрание сочинений / Перевод К.Липскерова. – Баку: Азернешр, 1991. – 757 с.
6. Кашгари М. Диван уль-Лугат-ит-Тюрк / перевод Б.Аталай. – Анкара: Издательство ТДК. – 2013 (на турецком языке)
7. Тоған З.В. Огузский эпос. Огузнаме Решидаддина. Перевод и Комментарии. – Стамбул: Дом книги Эндерун. – 1982 (на турецком языке)
8. Озтурк А. Тюркские эпосы испокон веков. – Стамбул: Изд.Позитиф. – 2011 (на турецком языке)
9. Гомеч С.Я. Введение в тюркские эпосы. – Анкара: Изд.Берикан. – 2015 (на турецком языке)
10. Джафарсой И. Следы тюркского мифического мышления в Иберском и Хайском фольклоре. – Баку: 2014.
11. Тунджай Б. Тайный мир, скрытый в коврах // газета «Джумхурийет». – 7 октября 2015 (на азерб. языке)
12. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. – Москва: 1979.

Colloquium-journal №7(94), 2021

Część 2

(Warszawa, Polska)

ISSN 2520-6990

ISSN 2520-2480

Czasopismo jest zarejestrowany i wydany w Polsce. Czasopismo publikuje artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Magazyn jest wydawany w języku angielskim, polskim i rosyjskim.

Częstotliwość: co tydzień

Wszystkie artykuły są recenzowane.

Bezpłatny dostęp do elektronicznej wersji magazynu.

Przesyłając artykuł do redakcji, autor potwierdza jego wyjątkowość i jest w pełni odpowiedzialny za wszelkie konsekwencje naruszenia praw autorskich.

Opinia redakcyjna może nie pokrywać się z opinią autorów materiałów.

Przed ponownym wydrukowaniem wymagany jest link do czasopisma.

Materiały są publikowane w oryginalnym wydaniu.

Czasopismo jest publikowane i indeksowane na portalu eLIBRARY.RU,

Umowa z RSCI nr 118-03 / 2017 z dnia 14.03.2017.

Redaktor naczelny - **Paweł Nowak, Ewa Kowalczyk**

«Colloquium-journal»

Wydrukowano w Annopol 4, 03-236 Warszawa Poland, «Interdruk»

Format 60 × 90/8. Nakład 500 egzemplarzy.

E-mail: info@colloquium-journal.org

<http://www.colloquium-journal.org/>